КОГДА
УМЕРШИЕ
ПРИХОДЯТ
ВО СНЕ

Annotation

О том, что происходит с человеком после того, как он умирает, и о том, как нужны ему наши молитвы.

Когда умершие приходят во сне
Составитель Алексей Фомин

«Знаем и веруем, что Всеведущий и Милосердный Господь всегда пресекает земную жизнь человека в момент, наилучший для его спасения…»

Протоиерей Валентин Свенцицкий

КОГДА УМЕРШИЕ ПРИХОДЯТ ВО СНЕ

РАССКАЗЫ О ЯВЛЕНИЯХ УСОПШИХ СВОИМ РОДНЫМ И БЛИЗКИМ

О том, что происходит с человеком после того, как он умирает, и о том, как нужны ему наши молитвы

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви

Интернет-сайт издательства «НОВАЯ МЫСЛЬ» www.novm.ru

Глава 1
Вести от усопших близких

Сны об усопших

Очень многим людям снятся сны о близких или родственниках, покинувших уже этот мир. Во сне и те, и другие о чем-то говорят, обнимаются, как в реальной жизни. Затем, пробудившись, тот, кто видел такой сон, долго пребывает в раздумьях: что бы это значило? Пытается усмотреть в этом какой-то знак или предзнаменование. Есть ли смысл во всем этом?

В феврале 2003 года больному раком владыке Антонию Сурожскому приснилась его бабушка и, перелистав календарь, указала дату: 4 августа. Владыка вопреки оптимизму лечащего врача сказал, что это день его смерти. Что и сбылось.[1]

Приведем еще один рассказ: «У меня знакомого убили в возрасте 20 лет. Где-то через месяц-другой после похорон он мне приснился. Будто стоит у меня под балконом, ждёт меня. Я удивилась, так как при жизни с ним общалась крайне редко. А он мне во сне начал жаловаться, что его быстро забыли и на могилку никто не приходит помянуть. Попросил, чтобы девушка его пришла к нему на могилку. Я так удивилась, потому что девушку его вообще не знала. После такого сна сходила в церковь, постоянно о нем молилась (и за всех умерших родственников и знакомых, которых вспоминала), нашла его друга и передала, что Славик просил»[2].

Митрополит Филарет Московский в одном из поучений говорит: «Явления из духовного мира неизъяснимы, но неопровержимы», – и сам он не только не усомнился, когда во сне ему явился умерший родитель, который открыл ему день смерти, но стал готовиться к отшествию в загробный мир.

Московскому митрополиту Филарету, почившему 19 ноября 1867 года, за два месяца до его кончины было необычное извещение из другого мира о близком отшествии его в вечность. Это было 17 сентября. Владыка в это время находился в Троице-Сергиевой Лавре. 18 сентября поутру, пробудившись, митрополит призывает к себе наместника Лавры, архимандрита Антония, которого он любил и уважал и которому он особенно доверял. «Ныне ночью, – сказал ему Филарет, – мне явился родитель мой и сказал: береги девятнадцатое

число». Наместник позволил себе заметить: «Владыко, святый! Разве можно верить сновидениям и искать в них какого-нибудь значения? Притом как же можно обращать внимание на такое неопределенное указание? Ведь девятнадцатых чисел в каждом году бывает двенадцать». Но владыка ему с уверенностью сказал на это: «Не сон я видел и потому думаю с этого времени девятнадцатого числа причащаться Святых Таин». И действительно, он причащался 19 сентября, 19 октября и 19 ноября. 19 же ноября он тихо скончался.

Знаменателен также сон великого русского ученого Михаила Ломоносова.

На пути из Голландии в Россию на корабле Михаил Васильевич Ломоносов видит сон: вот отец его, рыбак, плывет на лодке по Ледовитому морю, поднялся ветер, шумят волны и готовы поглотить пловца; сын хочет кинуться к нему на помощь, но руки и ноги его онемели; лодка, ударившись о берег близлежащего острова, разбивается в щепы: отец борется с волнами, вынырнул было, вскрикнул: «Михаиле!» и исчез, а потом выкинут на берег. По прибытии в Петербург, не имея покоя в душе при неотступной мысли, что отец его лежит не погребенный, Ломоносов отыскал в столице своих земляков. Спрашивал их, что сталось с его отцом; те ответили, что в начале весны он с товарищами отправился в море, но вот уже четыре месяца о них ничего не слышно. Не имея покоя в душе, Ломоносов сам хочет ехать на виденный во сне остров, знакомый ему с детства, но отпуска из Петербурга не получил. Тогда он упросил местных рыбаков побывать на том острове и, если найдут тело отца его, предать его честному погребению. Тело отца было найдено и погребено.

С людьми сомневающимися спорить не станем; а по нашей вере, тут дух отца сказал духу единственного сына о своем предсмертном томлении и посмертной туге вследствие того, что тело остается без погребения и молитв. Так по крайней мере смотрел на дело сам Ломоносов.

Другой случай. «Два приятеля умерли один за другим зимой, их похоронили рядом. Обе вдовы почти каждый день встречались на кладбище. И вот однажды, в ночь под воскресенье, одной из них снится муж и говорит ей, чтобы она завтра пришла на кладбище обязательно рано утром. Проснувшись, она удивилась и усомнилась:

она собиралась идти в храм возле кладбища на литургию, как обычно, к десяти часам, а тут вдруг – рано утром. Но почему-то ей захотелось исполнить услышанную во сне просьбу. Она поехала на кладбище и увидела, что случилась беда: могила друга провалилась на полметра – зрелище было ужасающее. Видимо, в землю, которой засыпали могилу, попало много снега: ночью шел дождь, снег растаял, и земля осела. Если бы вдова друга, которая вообще была на грани психического срыва от горя, пришла и увидела этот кошмар, дело кончилось бы психбольницей. Женщина быстро вынула из ямы венки, натаскала с помойки старых венков и букетов, заполнила ими яму, а сверху прикрыла «собственными» венками покойного. И только она закончила эту работу, как явилась вторая вдова; они мирно поплакали вместе и разошлись. А что было бы, если бы она пренебрегла просьбой покойного мужа?»[3]

Никанор, архиепископ Херсонский и Одесский, говоря в одном из своих поучений о загробной жизни, утверждает: «Таких фактов можно было бы насчитать немало, которые имеют полное значение достоверности для лиц, совершенно достопочтенных и заслуживающих веры… факты достоверны, действительны, возможны, но нельзя сказать, что согласны с установленным волей Божией обычным порядком вещей»[4].

Чем отличаются сновидения от Бога и сны от бесов?

Сновидения, которые человек видит, могут порождаться не только его психикой. Святитель Феофан Затворник пишет: «Исторически подтверждается, что бывают сновидения от Бога, бывают свои, бывают от врага»[5].

Что касается снов от Бога, то преподобный Никита Стифат указывает, что они бывают разных видов. Грешные люди, не интересующиеся духовной жизнью, как правило, вообще не видят снов от Бога. Христиане, которые уже встали на путь духовной жизни, могут видеть сны-«зрения», через которые Господь помогает им постигнуть Его волю и стремиться к исправлению себя и духовному росту. Наконец, люди святые, исполненные Духа Святого, получают прямые откровения в снах, им бывают подлинные явления святых, Ангелов, Богородицы и Самого Господа.

Святитель Николай Сербский называет сны-«зрения» снами-«сигналами» и подтверждает, что они могут посылаться и обычным людям: «нередко Господь Бог во сне дает людям сигнал не делать того, что они задумали… Некоторым богобоязненным женам, страдающим от бесплодия, которые усердно молили Бога даровать им дитя, были даны во сне сигналы, что молитвы их услышаны… Не так уж редко случается, что кому-то во сне дается знак, что смерть близка»[6].

Известно, что через сон Господь может открыть Свою волю человеку – как, например, открывал Иакову (Быт. 28, 12), Соломону (3 Цар. 3, 5), Иосифу Обручнику (Мф. 2, 22) и многим другим, но известно и то, что бесы нередко используют сновидения как оружие против верующих. Святые отцы объясняют, для чего они это делают. Так, святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет: «Демоны, имея доступ к душам нашим во время бодрствования нашего, имеют его и во время сна. И во время сна они искушают нас грехом, примешивая к нашему мечтанию свое мечтание. Также, усмотрев в нас внимание ко снам, они стараются придать нашим снам занимательность, а в нас возбудить к этим бредням большее внимание, ввести нас мало-помалу в доверие к

ним»[7]. То же читаем и у преподобного Исаака Сирина: «Иногда враг, под видом откровений от Бога, изводит на среду прелесть свою и в сновидениях показывает что-либо человеку… и делает все, чтобы прийти в возможность мало-помалу убедить человека и хотя бы несколько привести в согласие с собою, чтобы человек предан был в руки его»[8].

Каковы же эти сны от бесов? Иногда в сновидениях явно могут являться сами бесы и пытаться через это устрашить христианина, но самую большую опасность представляют такие сновидения, которые изображаются в виде божественных. Преподобный Петр Дамаскин говорит о том, как бесы имитируют «духовные» сновидения: «Видя, что Христос по крайней благости Своей снисходит к святым мученикам и преподобным отцам, являясь им или Сам, или чрез Ангелов, или иным неизъяснимым образом, как Он сказал (Ин. 14, 21), начал и диавол представлять некоторым многие обольщения в погибель. Потому и написали рассудительные отцы, что ничего такого не должно принимать: ни каких-либо изображений, ни света, ни огня, ни иного какого-либо обольщения. Ибо диавол пытается хотя бы этим обольстить нас в сновидениях или чувственно»[9].

Можно ли отличить сны Божии от снов бесовских? Святитель Игнатий говорит, что «сновидения, посылаемые Богом, носят в самих себе неотразимое убеждение. Это убеждение понятно для святых Божиих и непостижимо для находящихся еще в борьбе со страстями»[10].

Итак, лишь святые люди могут безошибочно и точно отличать откровение Божие от бесовской подделки. А значит, для людей, в духовном отношении несовершенных, отличить эти сны от диавольских наваждений крайне трудно и даже невозможно. Поэтому святые отцы единогласно и категорично призывают не верить снам вообще. Вих творениях нередко приводятся примеры того, как иногда даже опытные подвижники попадали в бесовские ловушки из-за доверия к снам.

Блаженный Диадох Фотикийский посвятил целый раздел своего творения «добродетели неверования никаким снам». Называя это «великой добродетелью», он определяет ее суть в следующем правиле: «Совершенно не верить никакому сонному мечтанию. Ибо сны наибольшей частью бывают не что иное, как идолы помыслов, игра

воображения или бесовские над нами надругания и забавы. Если, держась этого правила, мы иногда не примем такого сновидения, которое послано будет нам от Бога, то не погневается за это на нас любвеобильный Господь Иисус, зная, что мы дерзаем на это из опасения бесовских козней»[11].

Преподобный Ефрем Сирин призывает: «Не верь обманчивым снам, возлюбленный; «сновидения ввели многих в заблуждение, и надеявшиеся на них подверглись падению» (Сир. 35, 7). Ибо какой меры совершенств достигли мы, чтоб видать нам видения Ангелов?»[12] Преподобный Макарий Оптинский пишет: «Когда будешь верить снам, то точно немудрено впасть в прелесть. Святые отцы совсем отвергают и велят не верить снам, нам страстным и самомнительным. Вместо того чтобы смущаться о пустой мечте, надобно смотреть свои грехи и всегда себя укорять за неисправление и смиряться, чем привлечешь на себя помощь Божию»[13].

Особенно опасны так называемые «вещие сны», когда человеку снятся какие-то события, а затем они происходят в реальной жизни. Когда такое случается многократно, очень большой соблазн для неподготовленного человека поверить, что эти сны – от Бога, и начать относиться к ним с полным доверием. Преподобный Иоанн Лествичник сообщает, что такие сны внушают бесы, которые «специализируются» на том, чтобы губить людей через страсть тщеславия.

Он пишет: «Бесы тщеславия – пророки в снах; будучи пронырливы, они заключают о будущем из обстоятельств и возвещают нам оное, чтобы мы, по исполнении сих видений, удивились и, как будто уже близкие к дарованию прозрения, вознеслись мыслию. Кто верит бесу, для тех он часто бывает пророком; а кто презирает его, пред теми всегда оказывается лжецом. Как дух он видит случающееся в воздушном пространстве и, заметив, например, что кто-нибудь умирает, он предсказывает это легковерным чрез сновидение. Бесы о будущем ничего не знают по предведению; но известно, что и врачи могут нам предсказывать смерть»[14].

Один лишь Бог, как Творец мира, движущегося во времени, пребывает вне времени и знает в совершенстве то, что для нас является прошлым, настоящим и будущим. А все остальные существа, будучи частью тварного мира, пребывают во времени, в том числе и бесы, и

они также не знают будущего, как и мы. Но они могут строить прогнозы и могут использовать более полное, чем у нас, знание о настоящем, чтобы создать иллюзию предсказания будущего и через это соблазнить неопытных и склонных к тщеславию людей. Именно эту ловушку и объяснил преподобный Иоанн.

Грешному человеку крайне сложно и почти невозможно самому распознать все ловушки диавола в отношении снов, но святые отцы указали некоторые критерии, по которым можно отличить бесовские подделки от настоящих сновидений, приходящих от Бога.

Преподобный Иоанн Лествичник пишет: «Бесы многократно преобразуются в ангелов света и в образ мучеников и представляют нам в сновидении, будто мы к ним приходим; а когда пробуждаемся, то исполняют нас радостию и возношением. Сие да будет тебе знаком прелести; ибо ангелы показывают нам муки, Страшный Суд и разлучения, а пробудившихся исполняют страха и сетования. Если станем покоряться бесам в сновидениях, то и во время бодрствования они будут ругаться над нами. Кто верит снам, тот вовсе не искусен; а кто не имеет к ним никакой веры, тот любомудр. Итак, верь только тем сновидениям, которые возвещают тебе муку и суд; а если приводят тебя в отчаяние, то и они от бесов»[15].

Блаженный Диадох Фотикийский говорит: «Сны, являющиеся по любви Божией… не изменяются из одного образа в другой, не наводят страха, не возбуждают смеха или внезапной печали, но приступают к душе со всею тихостью и наполняют ее духовной радостью; почему душа, и по пробуждении тела, со всем вожделением ищет этой испытанной во сне радости. У бесовских мечтаний все бывает противно сему: не пребывают они в одном и том же образе и вида своего не показывают долго не смятенным… при этом они много говорят и обещают великое, а еще больше угрозами стращают, принимая на себя нередко род воинов; иногда припевают душе и что-нибудь льстивое с шумным криком… Бывает, впрочем, что и добрые сны не радость приносят душе, а печаль некую сладостную и слезу неболезненную»[16].

Преподобный Амвросий Оптинский в одном из своих писем указывает еще один критерий: «Эти сны, может быть, не истинные, а с шуией стороны, потому что от истинных видений бывает мир и польза душевная, а от этих снов последовало общее смущение. Поэтому

советую тебе не доверять этим снам, а оставлять их без решения и молиться, чтобы Господь и Царица Небесная устроили о тебе полезное, якоже Им угодно»[17].

Преподобный Варсонофий Великий объясняет, что диавол, создавая свои псевдоблагочестивые сны, «ни Самого Владыку Христа, ни Святого Причастия показать он не может, но лжет и представляет образ какого-либо человека и простого хлеба; но Святого креста показать не может, ибо не находит средства изобразить его другим образом… диавол не смеет употребить его (к прельщению нашему), ибо на кресте разрушена сила его и крестом нанесена ему смертоносная язва…

Итак, когда увидишь во сне образ креста, знай, что этот сон истинен и от Бога; но постарайся от святых получить истолкование значения его и не верь своему помыслу»[18].

Святые отцы категорически запрещают испытывать повышенный интерес к снам, пытаться разгадывать случающиеся сновидения, желать и искать духовных откровений в снах – все эти признаки ставят человека в «группу риска» и влекут к тем ловушкам, которые расставляют посредством снов злые духи.

Вообще следует к снам проявлять как можно меньше интереса, не обдумывать их и не иметь привычки вспоминать явившиеся во сне картины, особенно соблазнительные или смутительные.

Преподобный Иоанн Лествичник наставляет: «Никто в продолжение дня не представляй себе в уме случающихся во сне мечтаний; ибо и то есть в намерении бесов, чтобы сновидениями осквернять нас бодрствующих»[19].

Но если, при всей нашей осторожности к снам, вдруг появляется сновидение, которое дает серьезное основание полагать, что это знак от Бога, и которое соответствует приведенным выше святоотеческим критериям, все равно не следует толковать его самому, но предлагать это духовно опытному человеку, как советует преподобный Варсонофий Великий.

Таким образом мы, с Божьей помощью, сможем благополучно избежать ловушек диавола, расставляемых через сновидения.

Диакон Георгий Максимов

Как не подобает веровать снам

Многие из христиан привыкли давать веру снам. Как встанут с постели, сейчас и начнут рассуждать, что вот они видели то-то и то-то и что это значит. Что им предстоит такое-то дело, случится такая-то радость или беда, придет – не придет такой-то, – и так далее. Подобным рассуждениям часто не бывает конца.

И вот, вместо того чтобы начать день молитвою и приняться за какое-либо доброе дело, они начинают его грехом. В разгадывании снов проводят утро, гадают, смущают и заражают суеверием домашних, отнимают покой у себя и у других. Им предстоит опасность попасть в сети дьявола, если они не оставят своей безрассудной веры в сны.

В горе Синайской жил старец, многие годы проведший в затворе, великий молитвенник и подвижник. При такой жизни его, конечно, все верили, что он угоден Богу и спасется. Никто не думал, что он погибнет. Однако с ним, к несчастью, случилось именно последнее. И единственно вследствие его безрассудной веры в сны.

Дьявол, узнав эту слабую сторону старца, сначала стал то и дело являть ему сны, которые на самом деле сбывались. А затем уже и такие, которые единственно изобретены были его дьявольским коварством для погибели людей. Так, однажды во сне он представил старцу будущую жизнь и в ней всех христиан и мучеников во тьме и посрамлении, а иудеев – светом озаряемых и радости исполненных. Бедный монах, проснувшись, тотчас оставил Синайскую гору, ушел в Палестину, там принял иудейскую веру и обрезание, женился, сделался врагом христиан и, наконец, не раскаявшись, заживо был изъеден червями и умер лютою смертью.

Вот вам урок, любители и толкователи снов! Не забывайте, что и вас общий враг наш так же легко может запутать, как запутал упомянутого старца. Он ведь не дремлет и случаев погубить кого бы то ни было не пропускает. Но скажите: сны бывают ведь и от Бога? Не спорю. Но когда Бог посылает кому-либо сны, через них открывая ему Свою волю, Он дает с тем и возможность убедиться в том, что это не простые сны. Сам посылает сны и Сам же сообщает толкование их

каким-нибудь чрезвычайным путем. Но если этого не случилось – грешно и опасно верить снам. Аминь. (Из слова св. Антиоха, яко не подобает веровати снам).

Прот. Виктор Гурьев. Пролог в поучениях. М., 1912

Связь между умершими и живыми

При потере близких, дорогих лиц всегда нужно помнить, что разлука с ними лишь временная, и если мы их не видим, то это не значит, что они нас не видят, не слышат.

При общем воскресении люди вступят в третью, и последнюю, стадию жизни – соединят ее с обновленными телами (такое тело имел Спаситель по воскресении Своем из мертвых), и жизнь людей никогда не прекратится, как мы исповедуем в Символе Веры, но для одних она будет вечным блаженством, а для других – нераскаявшихся грешников – вечным мучением.

В этой новой жизни, после смерти, без тела, человек должен приспосабливаться. Он растет духовно, как родившись телесно, он растет и развивается умственно и физически, узнает новую среду, которая его теперь окружает, – мир бесплотных духов. Узнает и постигает те стороны, особенности и свойства космоса, которые от него, когда он был в теле, были закрыты, так как он постигал мир эмпирически, при содействии только своих пяти чувств.

Занимаясь на земле наукой, он изучал лишь явления (феномены), открывал постоянство этих явлений при одинаковых причинах, их вызывающих, и выводил, таким образом, законы природы, но он не мог постигнуть сущности вещей. Все ему на земле показывало, что человеческому познанию есть предел. Он не мог, если не имел веры, при жизни объяснить себе и вполне осознать некоторых явлений в жизни людей, ясно показывающих, что есть Рука, направляющая эту жизнь, что на земле царствует не слепой рок, а судьбой человека управляет Великий Разум, Великая Любовь, Великая Правда, Великая Справедливость.

Только вера, давая на земле человеку ведение, облегчает ему понимание многого, что с ним и близкими его происходило и происходит в жизни, только лишь вера дает ему если не ключ к разумению, то необходимое успокоение, когда, оперируя своими пятью чувствами, он убеждается, что их недостаточно для того, чтобы понять и объяснить себе целый ряд явлений в природе и особенно в душевной жизни человека…

Сущность жизни, несомненно, переходит границы человеческого понимания, как сила человеческого духа даже у неверующего человека покоряет его тело и может не только излечивать вначале целый ряд болезней, но и отдалять неизбежный конец (у верующего же человека она может прямо делать чудеса).

Души веровавших умерших, постигая еще более, чем они сознали при жизни, всю благость и величие Творца, не могут не желать своим близким, которых они любили и оставили на земле, не только спасения, но и совершенствования, согласно словам Спасителя: «Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершенен», – вот почему они всегда молятся за нас, но и сами в то же время требуют постоянной молитвы за себя.

Эти взаимные молитвы и память друг о друге служат великим утешением и, пожалуй, единственным полным утешением и для живых, и для усопших близких людей. Художественно прекрасные формы нашла себе мысль о глубоком действии на наше религиозное настроение разлуки с дорогими сердцу людьми у Байрона:

О, если там, за небесами,
Душа хранит свою любовь
И если с милыми сердцами
За гробом встретимся мы вновь,
То как манит тот мир безвестный,
Как сладко смерти сном заснуть,
Оставить горе в поднебесной
И в вечном свете потонуть.

Неверующий человек не в состоянии понять ни этого настроения, ни этих чувств. Скованный тесными узами грубого материализма, он на смерть смотрит лишь как на простое физиологическое явление – прекращение жизненных процессов в человеческом организме и свертывание белка в его клетках, последствием чего является распадение веществ, входящих в состав организма, в химическое превращение одних элементов в другие. Из человека «лопух расти будет», как говорил Базаров в романе «Отцы и дети» Тургенева.

Все просто и понятно, и не может быть никакого вопроса «о тайне смерти».

Но пока одни люди, возлагая всю надежду исключительно на человеческий разум и науку, успокаиваются в надежде, что если не им, то их детям скоро все в космосе будет ясно и понятно, другие изнывают от безнадежности миросозерцания, пессимизма, что так верно схвачено Байроном:

На грани двух миров средь тьмы
и света
Мерцает жизни тусклая звезда.
Зачем на свете люди? – Нет ответа.
Грядущее темно. Бегут года.
Безжалостно нас вдаль уносит Лета,
В ее волнах мы гибнем без следа.
Века проходят длинной вереницей,
Наследье их – лишь павших царств
гробницы…

(Дон Жуан)

Для этих лиц большим утешением и исцелением от безнадежного пессимизма могут служить вести из потустороннего мира, которые убеждают нас, что есть какая-то связь между живыми и умершими дорогими нам лицами, и притом более близкая, чем думают даже очень верующие люди.

Протоиерей Константин Ровинский. Беседы старого священника. М., 1995

Глава 2
Места пребывания душ в загробном мире

Четыре часа на том свете

Рассказ протоиерея Бориса Филипповского

Чудесных, сверхъестественных явлений, фактов и «случаев» в истории человечества известно великое множество. И даже скажу от себя: в моей личной жизни, начиная от моего детства и до последних дней старости, их, чудес, было так много, что если бы, к несчастью моему, я и пожелал бы стать неверующим материалистом, то не мог бы при всем желании! Потому что моя личная жизнь, так сказать, насыщена чудесами, а ведь против фактов, как сказал один писатель, не пойдешь.

Итак, их, чудесных фактов, подтверждающих нашу веру, множество, тысячи! Но здесь я пишу для таких читателей, которые могут отнестись со строгою придирчивостью, потребовать указаний: «Когда? Где и с кем случилось это событие или чудо?»

14 сентября по старому стилю (27 сентября по новому) 1940 года, то есть в самый праздник Воздвижения Честнаго и Животворящего Креста Господня, я, в то время (с 1939 года) уже заштатный протоиерей, был приглашен в Суконную слободу города Казани на Лаврентьевскую улицу в дом № 30 хозяйкой этого дома, некоей Ксенией Ивановной, на поминовенный обед по своему мужу Феодору, так как исполнилось полтора года со дня его кончины.

Вместе со мной были приглашены еще несколько человек штатного и заштатного духовенства: священников, диаконов, и человек 20 мирских граждан. В числе последних, то есть мирских, мы и увидели за столом некую гражданку Анну Алексеевну, мне лично до сих пор не знакомую.

И вот эта Анна Алексеевна чрезвычайно заинтересовала нас, духовенство и мирян, неожиданным рассказом о чудесном видении загробного мира и мытарств, которое было неделю тому назад, 8 сентября, то есть под праздник Рождества Богородицы. И продолжалось ровно 4 часа, с 11 ночи до 3 часов утра.

Люди могут по-разному отнестись к этому рассказу в зависимости от личных взглядов и верований. Люди, скептически и недоверчиво

относящиеся ко всему чудесному, люди мало верующие или даже прямо не верующие в невидимый загробный мир, назовут рассказ, помещенный ниже, «фантазией души во сне» или еще хуже – намеренной выдумкой со стороны Анны Алексеевны. А некоторые, хотя и верующие христиане, но осмотрительные в подобных случаях, напомнят, что Святая Православная Церковь устами своих учителей и отцов строго и настойчиво приказывает осторожно относиться ко всем снам и явлениям. Ибо бывают сны от Бога, бывают сны и видения и от врага – сатаны, и, наконец, чаще всего сны являются результатом дневной душевной и телесной деятельности человека. Святыми отцами даны и подробные указания к различению святых снов от пагубных. Вражий сон, или видение, всегда имеет окончательную цель – довести человека до греха или до духовной прелести – гордости и самомнения. Сны и видения от Бога – наоборот! Они известны нам по первым страницам Евангелия, повествующим о явлении Ангела Божия Иосифу Обручнику и волхвам. А потом, в продолжение всех лет существования христианства на земле, история знает бесчисленное множество хорошо проверенных фактов Божественных явлений и откровений, чаще всего во сне, «тонком сне», по выражению святых отцов. Цель их всегда противоположна цели вражьих «откровений»: польза душевная, помощь в спасении, вразумление, предостережение и подкрепление в болезнях и страданиях, напоминание о покойниках, которых забыли поминать родные, благодарность покойников за поминовение о них. Наконец, воля Господня, чтобы христиане имели, насколько это возможно и полезно, познание и представление о посмертной участи и загробном мире.

Вот всегда цель и действия посылаемых от Бога вещих сновидений!

Я всегда помнил и помню эту необходимость осторожного подхода и к чужим рассказам, и к своим собственным сновидениям. Никогда я не осмелюсь верить всякому сну, как бы заманчиво ни было ему поверить! И тем не менее, когда я слушал чрезвычайно интересный и подробный рассказ гражданки Анны Алексеевны о четырехчасовом видении «иного мира», я старался приложить этому рассказу мерку: Божий ли это сон, или вражий, или фантазия – выдумка самой Анны Алексеевны с целью подурачить нас, слушателей, и посмеяться потом над нами? Или это простой сон, когда

душа во сне фантазирует? Положа руку на сердце, искренно и убежденно ответил сам себе, что в данном случае это не простой сон и не выдумка Анны Алексеевны. И не от врага-сатаны это видение, а сон – особенный, даже не сон в точном смысле, а видение, посланное от Бога для благих целей Благого Спасительного Промысла Божия. Многое меня убедило в этом!

Не могла необразованная и неначитанная женщина выдумать такие выражения, которые ей ранее были неизвестны: «в тонком сне» или «состояние души по выходе из тела»! Не было у нее и цели дурачить нас выдумками-фантазиями, да и не сумела бы она составить такой рассказ. Не мог и враг послать такой сон, результатом которого после рассказа явилось доброе дело – поминовение Мани. Не могла Анна Алексеевна, когда сидела за столом, знать и предвидеть, что через две недели она совершенно внезапно скончается, а этот сон, как видно из ее последних слов: «Вся жизнь отошла от меня, и я от жизни», очень много содействовал подготовке Анны Алексеевны к загробной жизни. А нам, верующим христианам, дал, кроме того, еще много неизвестных до сего времени, но чрезвычайно интересных подробностей о загробной нашей участи и о жизни отшедших от нас душ, например, о Пасхальной Неделе в райских обителях Отца Небесного.

Вот почему я лично (да и другие, сидящие за столом) затаив дыхание с величайшим вниманием слушал рассказ Анны Алексеевны, стараясь не пропустить ни одного слова!

Я хорошо запомнил его и, придя домой, постарался буквально записать от слова до слова, чтобы рассказать родным и знакомым. Вот он.

– Что я скажу вам, отцы, братия. Что со мной случилось! Это было неделю тому назад, под самый праздник Пресвятой Богородицы! До сих пор не могу прийти в себя. Бог весть, в теле или без тела, во сне или наяву, скорее в «тонком сне», а только я четыре часа была в загробном мире!

Легла я с вечера и заснула. Только бьют часы 11, как я вижу, что выхожу из тела! Тело лежит на кровати, а я стою среди комнаты и дивлюсь: как же это так? Я смотрю на самое себя, как все равно на скинутую одежду?! Хотела ощупать саму себя рукою, рука моя прошла насквозь через тело (то есть саму себя)! И вдруг около меня появился

Ангел. Взял меня за руку и прямо через стену вынес на улицу, и мы стали подниматься все выше и выше вверх… Долго ли мы поднимались? Не знаю… и вдруг… остановились, и в руках Ангела я увидела две грамотки: на одной из них написаны добрые мои дела, а на другой бумаге – грехи мои! И Ангел стал проверять их. Против каждого греха он старался найти доброе дело, чтобы загладить грех. А я заплакала и спрашиваю:

– Ангел Божий, куда ты меня ведешь?

Он спокойно отвечает:

– По мытарствам.

А я все плачу и опять спрашиваю:

– Ангел Божий, а если я не оправдаюсь на мытарствах?

Он ласково улыбнулся и отвечает мне:

– Пойдешь в ад.

– Значит, я тогда погибну?

– Нет, это не значит, что обязательно погибнешь, если и пойдешь в ад. По милости Церкви можешь быть спасена и избавлена от ада.

А я от последних слов еще больше заплакала.

Ангел же Божий ласково улыбнулся и говорит:

– Раба Божия Анна, чего же ты плачешь? Надо было плакать о своих грехах, пока была на земле! Там каждая капля слез на пользу… А здесь сколько ни плачь – бесполезно.

Сколько времени стояли мы в воздухе с проверкой моих дел – не знаю. И опять Ангел взял меня за руку, и опять стали подниматься, и снова остановка и проверка грехов и добрых дел!

Сколько было таких остановок – не знаю и не помню! И вдруг вижу: идет навстречу мне, как бы плывет по воздуху, моя подруга детства Маня, умершая давно, оставив дочь, которая сейчас на гражданской службе. Поравнявшись со мною, Маня говорит:

– Анна Алексеевна! Когда ты вернешься на землю, спроси у моей дочери, почему она никогда не поминает меня, свою родную мать? Я поэтому до сих пор еще не дошла до Чертогов Божиих, хотя понемногу приближаюсь к Ним.

А я спрашиваю:

– Почему же ты все-таки понемногу приближаешься к Чертогам? Ведь тебя никто не поминает?

– А у вас, на земле, каждый день бывает литургия. Как только помянут в церквах: «Всех православных христиан», и меня это касается, и я в числе всех, и я делаю один шаг к Чертогам Божиим. На один шаг приближаюсь к Ним! А в Родительские поминовенные дни на пять шагов. А в Троицкую Родительскую субботу на десять шагов, а все еще не дошла!

Сказала и уплыла, как бы растаяла в воздухе! И вдруг вслед за Манею идет навстречу мне по воздуху совершенно незнакомый мне старик, держит в руках большое деревянное блюдо, на котором лежит огромная просфора, величиной с большой каравай хлеба, и так весело говорит:

– А меня вот на земле поминали 40 дней, и я поэтому живу в Чертогах Божиих!..

– А что вы там делаете?

– А мы поем Пасху! А когда у вас на земле бывает Пасхальная Заутреня, у нас здесь литургию совершает Сам Господь Иисус Христос! И на этой Пасхальной службе мы все видим Господа, во всей Его Славе! Один раз в год видим Его, а с мучениками Он всегда в раю. Мученики Его всегда видят. А мы, обыкновенные души, – раз в году, и то потом всю Пасхальную неделю отдыхаем, как все равно дремлем, от видения Славы Божией. Так трудно, ослепительно обыкновенной душе видеть Господа во всей Его славе! У нас и райские яблоки поспевают ко дню вашей земной Пасхи. Кто подавал милостыню и не скупился, для тех очень сладкие. А кто хоть во время своей земной жизни и подавал милостыню, но в душе жалел, скупился, для тех менее сладкие…

Сказал и проплыл мимо меня – скрылся!

И вдруг вижу опять своего Ангела-спутника, ведет какого-то молодого человека. Ангел положил ему свою руку на темя, нажал, и молодой человек куда-то провалился, как в овраг какой-то, как сквозь землю… Там где-то крики и плач… Ангел говорит мне:

– Это – отрекшийся от Бога.

На этом видение мое и кончилось. За перегородкой пробило три часа, и от боя часов я вся в слезах пришла в себя, проснулась. Следовательно, сон мой продолжался ровно четыре часа, с одиннадцати до трех.

Прошел месяц после этого поминовенного обеда, за которым мы услышали этот замечательный рассказ. Все время мне хотелось снова встретиться с Анной Алексеевной и попросить ее повторить свое повествование, но адреса ее я не знал, а сходить к Ксении Ивановне, которая устраивала тогда обед-поминовение по мужу, все как-то не собрался, времени не было.

И вот прошел месяц. Еду утром в Кладбищенскую церковь к литургии и вдруг вижу – идет Ксения Ивановна. Я обрадовался ей:

– Ксения Ивановна! У меня к вам просьба: скажите адрес Анны Алексеевны, сведите меня с ней, я хочу, чтобы она снова еще раз мне лично повторила свой сон.

А Ксения Ивановна вдруг, к моему великому удивлению, отвечает:

– Да что вы, батюшка! Разве не знаете, что она две недели тому назад умерла в одночасье?! Мы ее и хоронили здесь.

У меня от ужаса связался язык! Как же? Совершенно здоровая женщина за две недели до своей кончины видит во сне, как проходит мытарства, видит подробности загробного мира, рассказывает нам всем, а через нас еще многие-многие христиане могут узнать до сих пор неведомое, важные подробности, и потом вдруг умирает!.. Разве это не чудо?! Разве не доказательство правдивости и искренности Анны Алексеевны и что это ей было дано от Бога с благою целью Промысла Божия для нее и для всего христианского мира?!

Что этот сон был полезен для самой Анны Алексеевны, для ее душевного, вечного спасения – это доказывают ее слова. Когда за поминальным обедом она закончила свой рассказ, то прибавила:

– Теперь, отцы духовные, когда я побыла на том свете, когда сподобилась увидеть все эти страхи, мне теперь ничего на земле не страшно и ничего не нужно! Ничего не боюсь и ни в чем, кроме слез, не нуждаюсь. Хоть меня к стенке сейчас, хоть в тюрьму сажай – ничего не боюсь! Вся земная жизнь отошла сразу от меня, и я от нее…

Она говорила, что Ангел, проверяя ее грехи на мытарствах, напомнил ей и такие грехи, которые она почему-либо забыла!.. Вот польза сновидения для самой Анны Алексеевны! А для всех верующих христиан рассказ Анны Алексеевны дает очень много до сих пор неизвестных сведений и подробностей о загробном мире, о пользе покаянных слез и поминовения, о том, как наш праздник праздников – ПАСХА – отмечается в Обителях Отца Небесного…

На земле, во время нашей земной жизни, каждая капля слез покаянных на пользу и во спасение, по словам Ангела. Пример этому – платок, намоченный слезами умирающего разбойника. Там же хоть целые века проливай море слез – бесполезно!

Как полезна для спасения души христианской литургия, Божественная литургия на земле! И не только для тех, кого на ней по имени поминают! Но даже одна фраза: «И всех православных христиан, да помянет Господь Бог во Царствии Своем…», которой мы мало придаем значения, мало в нее вслушиваемся, эта фраза приносит огромную пользу душам, и они каждый день понемногу приближаются к Обители Отца Небесного. А от родительской службы еще сильнее польза! Из всех родительских самая сильная и самая полезная для душ человеческих – это Троицкая Суббота!

Господь Иисус Христос сказал: «В дому Отца Моего обители многи суть», указывая на чрезвычайное разнообразие селений оправданных душ. И здесь, в рассказе Анны Алексеевны, старик отличает «чертоги», в которых пребывают оправданные души, от рая, где мученики и все святые видят Господа.

Ослепительное действие видения Славы Божией на обыкновенные души во время Небесной Пасхальной службы, после которой души отдыхают от этого видения всю неделю, психологически вполне понятно. Ведь не можем же мы на земле смотреть прямо на солнце? А во всех святых книгах неизменно говорится, что Свет Сияния Славы Божией во много раз превосходит солнечный!

Можем ли мы вообразить эту Небесную Пасхальную службу, когда Сам Воскресший Христос совершает литургию?!! Миллионы Ангелов поют неизъяснимо сладостно! Миллионы Ангелов прислуживают, миллиарды Ангелов присутствуют! Миллионы святых угодников и умерших душ христианских в изумлении и восторге молятся и восхваляют Спасителя!

Это великолепие не вообразить!!! Не описать слабой душе человеческой!

Цветы и яблоки райские, о которых говорил старик Анне Алексеевне. Скажи об этих райских яблоках кому-либо неверующему, он только посмеется, спросит: «А где они растут?» А мы, верующие, хорошо и твердо знаем, что и цветы, и яблоки эти существуют, хотя и не можем, пока мы живем на земле, ответить, где эти Обители Отца

Небесного. Святые отцы на этот вопрос дают только один ответ: «Вне пределов этого мира!»

Но и цветы, и яблоки райские люди видят не только в сновидении, но и наяву.

Вот, например, исторический факт: неверующие не могут его отвергнуть, сказать, что это «фантазия»! Так как указано время, место, личности, и, главное, на основании этого факта злой мучитель христиан сам сделался христианином. Взято из жизни и мученической кончины святой Дорофеи (день памяти 6/19 февраля). Около 302 года в городе Риме, когда мучили святую деву Дорофею, мучитель, язычник Феофил, с насмешкой сказал ей:

– Ты уж, пожалуйста, пришли мне цветов и райских яблок из рая Жениха твоего…

Святая мученица ответила:

– Непременно пришлю!

И вдруг сейчас же явился Ангел, держа в руках три цветка и три яблока, и вручил их святой деве. Она отдает их мучителю.

Тот с изумлением озирается кругом. Откуда взялись эти цветы и яблоки? В это раннее время весны, в феврале, не было в Риме ни того, ни другого! Признав здесь чудо Божие, Феофил уверовал во Христа и был тут же обезглавлен (день памяти 6 февраля вместе со святой мученицей Дорофеей). И святой Ангел (Архангел Гавриил) являлся Деве Марии с райской ветвью в руках.

Слова Анны Алексеевны: «Когда я побыла на том свете, вся земная жизнь отошла от меня, и я от жизни» – психологически вполне понятны. Говорят, что люди, увидевшие жизнь загробного мира, делались молчаливыми и задумчивыми.

Святой праведный Лазарь трое суток пробыл в аду, пока его не воскресил Господь, потом он 30 лет был епископом на острове Крите, к нему приезжала Богородица и подарила вышитый Ее Пречистыми руками омофор. Согласно Преданию, Лазарь всю остальную жизнь во время прохождения епископского служения ничего не говорил, кроме необходимого и того, что связано со служением и молитвами. И это вполне понятно. Попробуй пробыть трое суток среди злых духов и грешников!..

Записки казанского протоиерея Бориса Филипповского (1885 – 7.12.1957). www.kds.eparhia.ru

Сновидение архиепископа Нила о посмертной судьбе певчего

Блаженный памяти Нил, архиепископ Ярославский, рассказывает бывшее ему следующее замечательное сновидение.

«В 1871 году состоявший в певческом хоре А.Я., прожив не более 24 лет, умер от эпидемии холеры. Через девять дней после смерти, а именно утром 16 июля, явился он мне во сне.

На нем был знакомый мне сюртук, только удлинившийся до пят. В момент его явления ко мне я восседал у стола своей гостиной, а он вошел из залы довольно скорым шагом, как это и всегда бывало. Показав знаки уважения ко мне, он приблизился к столу и, не сказав ни слова, начал высыпать на стол из-под жилета медные деньги с малой примесью серебряной, очень истертой монеты.

С изумлением я спросил: «Что это значит?» Он отвечал: «На уплату долга». (Надобно заметить, что накануне приходили от фотографа и объявили, что по книгам техника за А.Я. значится четыре рубля долга.)

Это меня очень поразило, и я неоднократно повторил: «Нет, нет, не нужны твои деньги, сам заплачу твой долг».

При словах этих А.Я. с осторожностью сказал мне: «Говорите потише, чтобы не слыхали другие».

На выраженную же мною готовность уплатить за него долг он не возражал, а деньги не преминул сгрести рукою со стола. Но куда он их положил, мне не удалось заметить, а кажется, они тут же исчезли.

Затем, встав со стула, я обратился к А.Я. с вопросом:

– Где находишься ты, отшедши от нас?

– Как бы в заключенном замке.

– Имеете ли вы какое-либо сближение с Ангелами?

– Для Ангелов мы чужды.

– А к Богу какое имеете отношение?

– Об этом после когда-нибудь скажу.

– Не в одном ли месте с тобою Миша? (Малый певчий, живший в одной комнате с А.Я. и скончавшийся года за четыре перед тем.)

– Не в одном.

– Кто же с тобою?

– Всякий сброд.

– Имеете ли вы какое развлечение?

– Никакого. У нас даже звуки не слышатся никогда; ибо духи не говорят между собою.

– А пища какая-либо есть у духов?

– Ни-ни… (Звуки эти произнесены были с явным неудовольствием и, конечно, по причине неуместности вопроса.)

– Ты же как чувствуешь себя?

– Я тоскую.

– Чем же этому помочь?

– Молитесь за меня: вот доныне не совершаются заупокойные обо мне литургии.

При словах сих душа моя возмутилась, и я стал пред покойником извиняться, что не заказал сорокоуста; но что непременно сделаю. Последние слова, видимо, успокоили собеседника.

Затем он просил благословения, чтоб идти в путь свой. При этом я спросил его: «Нужно ли испрашивать у кого-либо дозволение на отлучку?» Ответ заключался в одном слове: «Да». И слово это произнесено было протяжно, уныло и как бы по принуждению.

Тут он вторично попросил благословения, и я благословил его, знаменуя большим крестом, с произнесением следующих слов:

«Благословит тя Господь от Сиона, живый во Иерусалиме, отныне и до века».

Надобно заметить, что слова сии вовсе необычны для меня, и только во сне уста произнесли их.

Однако же А.Я. не удовольствовался таким благословением, ибо оно произносилось в тот момент, когда он занят был застегиванием пуговиц и вообще поправкою одежды, чтобы идти в путь.

И так просьба благословения, со сложением рук для его принятия, еще раз повторена была, и в последний раз благословил его, произнося: «Буди благословен во веки, во имя Отца и Сына и Святого Духа».

А.Я. сильно прижал руку мою к устам своим; ему не хотелось выпускать ее. Сочувствуя ему, я облобызал его отеческим лобзанием, вполне сознавая, что он есть гость, пришедший ко мне из другого мира.

И тут стал я вглядываться в него и, вглядевшись пристально, увидел неизменные знакомые мне черты. Только белизна и утонченность изменяли прежний тип. К тому же пот в виде росы покрывал лицо, а глаза при яркости своей выражали утомление и упадок сил душевных.

Вышел он от меня дверью, обращенной к Туговой горе, на которой покоится прах его. За ним следил я с чувством глубокой скорби и с пламенным желанием видеть след его. И что же? Сверх всякого чаяния очутился я на горном хребте, разделенном надвое. С высоты хребта, в глубине расселины, увидел я тот самый замок, о котором вспоминал А.Я.

Замок имел форму параллелограмма. Из четырех стен его только в одной, к югу обращенной, замечен мною малый просвет, да и тот с железною решеткою.

Кроме этого единственного просвета, стены представляли сплошную каменную массу без окон, дверей и даже без кровли. Последнее обстоятельство дало мне возможность видеть, хотя сквозь полумрак, внутренность замка и совершающееся в нем.

Особенно благоприятствовало мне положение мое на окраине горы, поднимавшейся гораздо выше стен. Казалось, что взор мой достигал до самого дна. Но, вглядываясь пристально, я замечал в глубине только мрак, движущийся наподобие черных облаков или волн; но проявления жизни и определенных форм тут не было ни следа.

Наконец душа моя возмутилась: я увидел А.Я., за несколько пред этим минут посетившего меня. Местом же для него служил угол здания, обращенный к северо-востоку.

Он сидел с поникшей головой и поджатыми ногами, а руки сложены были накрест. Одежда же его заключалась в сорочке, проявлявшей белизну даже сквозь мрак. Белизна эта, среди господствующего всюду хаоса, показалась мне чрезвычайным явлением, и у меня родилась мысль, что положение А.Я. не безотрадно, и он имеет некий почет сравнительно с прочими темницы сей заключенными.

Недвижимость же А.Я. дала мне такой вопрос: Неужели душам умерших воспрещено всякое движение и всякая перемена позиций?

И когда, таким образом, мысль моя и взор будто магнитом влеклись к А.Я., какой-то почтенной наружности человек, неведомо как и откуда очутившийся позади меня и стоявший на некотором возвышении, обратил мое внимание в противоположную сторону.

Я заметил, что южная стена, на небольшом протяжении, в части, примыкающей к просвету, медлительно и грозно приподнимается. Вслед за тем в основании стены, на месте подъема или, точнее зева показался на мгновение свет; а внутри вертепа произошло колебание мрака с ощутительным движением воздуха. А еще минута – и все пришло в прежний порядок.

Как ни велико было в эту пору смущение мое, но все-таки я старался разгадать причину совершившегося предо мною явления.

Благодаря таинственному незнакомцу томился я недолго. Со стороны его донеслись ко мне ответные на мою мысль слова. «Это знак прихода новой пресельницы». Обратясь спешно в ту сторону, внимательным взором искал я человека, который рисовался уже в воображении моем Ангелом, свыше посланным; но поиск не привел меня ни к чему. Я видел пред собою лишь безжизненную и страшную пустыню.

Картина эта, с рядом предшествующих явлений, до глубины возмутила душу мою, и я проснулся. И тут же взялся за перо, чтобы письменно передать виденное с возможной верностью».

Сергиевский Н.Ф. Тайны загробной жизни, открытые в видениях и творениях свв. отцов. М., 1903

Видение адских мук монахиней Марией

В письме к епископу Игнатию Брянчанинову одна его ученица-инокиня монахиня Мария Шахова сообщает своему духовному руководителю следующее достопримечательное свое сновидение (вскоре после смерти одного из современных «сильных земли»).

«Без всякого предварительного во сне представления я увидела вдруг перед собою как бы просторную палату, совершенно пустую и без кровли. Посреди нее стоял как вкопанный N, весь нагой, исключая голову, покрытую шлемом из тусклого металла, с полуощипанными перьями. Хотя я признала N по чертам лица и хотя он сохранил свой исполинский рост – это не был человек во плоти, а дух, ищущий какую-то видимую оболочку, какого-то бледного тончайшего тела, подобно тому, как видела в 1849 году, во время тяжкой болезни, душу свою, обнаженную, вышедшею из тела, на которое оглянулась и увидела его лежащим на столе неподвижно, как одежду. А я сама, т. е. мыслящее и чувствующее существо мое было тонко, летуче, неописано легко, но во всем подобие тела. Мне были тогда так же показаны мучения грешных душ, которые я видела, с одной стороны, в темном хаосе, а с другой – в бездне огненной.

Странно было явившееся мне привидение! Ноги его были вкопаны выше колен в ледяную прозрачную твердыню и скользили чрез нее.

Я стала понимать лютость этой муки: оцепеняющий, мертвящий холод точно отдавался в моем теле. Изнутри утробы его исходило багровидное, неописанного цвета и жара огнегорящее пламя, испепеленно прожигающее насквозь весь состав, устремляющееся с неимоверною силою, все умножаясь и раздуваясь и не ослабевая, испепеляя неподвижную и несокрушимую жертву свою. От порывов пламени раздувались перья на шлеме. Опущенные руки, казалось, были терзаемы вкупе снизу лютостью холода и около плеч – силою пламени, потому что каждая мука была отдельна: ни холод не разогревался огнем, ни жар не утолялся студеностью. Трепеща всем существом моим (и ныне содрогаюсь в воспоминании), смотрела в ужасе на привидение, и душа моя как бы вступала в общение с его

духом. Я начала разуметь и слышать умственно, неисповедимо, как видела и ощущала.

Привидение громовым голосом испускало стоны или, вернее, рыканья из глубины утробы: звуки эти невозможно не только выразить, но и уподобить чему-либо… Ах-а-ах!.. Какие муки!.. А-ах! А-а-ах! Страна моя!.. Ты спасай меня! Терзаюсь! Утроба моя горит… горит! А-а-ах! Леденею, цепенею! Сердце мое точит червь неусыпающий! А-ах! Эти муки лютее всех!

Затем раздавались вопли и рыканья без слов, страшные, оглушительные. Но к большему моему ужасу мне стало открываться умно, за что такая мука терзает мучимого: «блуд ненасытный заковал пол существа моего в тартаре».

Раздирающее утробу пламя – это приговоры мои – казни и убийства. Вопли потрясающие – за вопли от неправедных судов моих. Мука от червя ненасытного, точащего непрестанно сердце мое – за оскорбление святыни, за поругание законов церкви!

Я не в состоянии была вынести далее одолевающего меня ужаса от совершенного сознания духом моим, что это не мечта, не сон, но истинное видение того, что не ведано нам, смертным, в обыкновенном нашем состоянии. Как бы страшась уничтожиться, простерлась душа моя в трепете пред величием Страшного Судии живых и мертвых и начала вопить невыразимо: «Господи Боже! Возьми от меня это нестерпимое видение! Недомогаю к нему! Исчезает дух от ужасного созерцания! Страшусь, страшусь уничтожиться! Господи! Господи, помилуй!» Все скрылось. Осталось одно неизгладимое впечатление ужаса от которого, при воспоминании, стынет кровь в жилах, и не дает оно придать забвению страшное видение. Я пришла в себя в состоянии крайнего истощения всех сил, вся облитая холодным потом».

В ответ на это видение святитель писал между прочим: «Скончавшийся имел против себя одного из сильных исполинов рати супротивной – неведение. При кончине своей он не только не заботился о покаянии, но еще дерзновенно обещал окружающим его смертный одр молиться за всех! Явно уверенный в благоволении к себе Божием, несмотря на жизнь, проведенную в совершенном нерадении о мире с Богом и совестью, среди земного величия и громкой славы. Так способна душа человеческая усвоить в себе ложное мнение о своей праведности, прельщенная почестями и

суетною славою при благоденствии земной жизни! Так пагубно самомнение, ослепляющее человека до последних минут существования!»

В заключение своего отзыва богопросвещенный наставник, утверждая писавшую в смирении и покаянии, напомнил своей ученице евангельское изречение: «Иисус сказал им на это: думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете. Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме?» (Лк. 13, 2–4).

И завещал ей присоединить свои моления к молитвам Церкви об упокоении преставившегося.

Загробное состояние самоубийцы

Один благочестивый старец на духу сообщил своему отцу духовному, что он долго скорбел о преждевременной и нехристианской кончине своего отца, в его малолетстве порешившего с собою, повесившегося и похороненного в лесу без отпевания. «Крепко жаль мне было отца, – поведал старик священнику, – и часто думал я о нем. А как вырос, женили меня, и стал я жить да работать, отец не выходил у меня из головы». И начал я по ночам молиться Богу, чтобы узнать, где теперь отец мой. Вот однажды и вижу во сне: кто-то спросил меня, ровно такой же мужичок, как и я: «Ты хочешь знать, где твой отец?» – «Да, говорю, желал бы увидеть его». – «Пойдем, – говорит, – со мной». Долго мы шли, и не смогу сказать где, точно в темном лесу каком; только чем дальше мы шли, тем земля под ногами становилась горячее, так что ноги жгло.

Наконец дошли мы до такого места, где из земли выбрасывается сильный огонь на большой долине; слышу шум, треск. Незнакомый подводит меня ближе и ближе; даже против моей воли, мне уже и страшно, и больно было от жару.

В пламени том постоянно показывались люди; их выбрасывало из пропасти как будто вместе с огнем, а потом они опять низвергались в огненную бездну, лица их и все тело были черны как уголь. Стоны и вопли их были ужасны!

«О Господи! Здесь-то, видно, мучаются грешники?» – сказал я.

«Тут и твой отец», – сказал мне вожатый.

Но отца я не видел. После такого ужасного сновидения я решительно не знал, что делать, как помочь отцу, а помочь хотелось. В таком раздумье я однажды и заснул… Заснул с мыслью о горькой участи отца и опять вижу во сне: великое пламя выходит из земли, чувствую отвратительный, смрадный запах и слышу страшные вопли и стоны человеческие. Всматриваюсь, подошел ближе, думаю, не увижу ли здесь отца. Вдруг он показался на поверхности; да такой черный, как в смоле обмакнут. Я едва узнал его.

«О! Ваня, голубчик! Выкупи ты меня отсюда… там у вас копейка – здесь за рубль ценится…» И опять не стало его.

Я в испуге-то и слова не успел вымолвить с ним. И опять думаю: что я не спросил, чем можно помочь ему? Ведь он, поди, знает. А сам стою и гляжу на страшный огонь – не увижу ли еще отца. Между тем мне показалось, что сверху откуда-то как роса и мелкий дождь падает что-то на огонь и несколько ослабляет его силу. Думаю опять: что же это значит? И слышу голос: «Это милостыня и молитвы святых за тех, которые здесь мучаются, падают росою на огонь гееннский».

С тех пор я еще чаще стал подавать милостыню за душу Феодора – отца моего, и понял его слова «у вас копейка – здесь за рубль ценится» Только дело-то мое не богатое – подавал бы и щедро, да нечего.

Так закончил старик свой замечательный рассказ.

Сергиевский Н.Ф. Тайны загробной жизни, открытые в видениях творениях свв. отцов. М., 1903

Рассказ старицы о загробной участи своего отца-праведника и матери-грешницы

Загробная участь человека находится в прямой зависимости от дел земной его жизни и по большей части бывает противоположна сравнительно с настоящим его состоянием. Узкий и прискорбный путь земной жизни легко приводит к блаженству за гробом, тогда как широкий и пространный путь, исполненный земных наслаждений и неизбежного при них греха, легко приводит беспечных к жестоким мучениям и погибели в будущей загробной жизни. Вот что повествуется в отеческих сказаниях об одном видении, грозно подтверждающем эту истину.

Некий старец поведал о девице очень преклонных лет, преуспевшей в страхе Божием. Он спросил, что привело ее к монашескому жительству?

Она, прерывая слова воздыханиями, рассказала следующее: «Мои родители, достоуважаемый муж, скончались, когда я была в детском возрасте. Отец был скромного и тихого нрава, но слабый и болезненный. Он жил настолько погруженный в заботу о своем спасении, что едва кто из жителей одного с нами села изредка видел его. Если иногда он чувствовал себя получше, то приносил в дом плоды своих трудов. Большую же часть времени он проводил в посте и страданиях. Молчаливость его была такова, что не знавшие могли принять его за немого. Напротив того, мать моя вела жизнь рассеянную в высшей степени и столь развратную, что подобной ей женщину трудно было сыскать. Она была так говорлива, что казалось, все ее существо составлял один язык. Беспрестанно она затевала ссоры со всеми, проводила время в пьянстве с самыми невоздержанными мужчинами. Она расточила все, что нам принадлежало, а ей отец передал распоряжение домом. Она так злоупотребляла своим телом, оскверняя его нечистотами, что немногие из нашего селения избежали блудного с ней совокупления. Она никогда не подвергалась и болезни, со дня рождения и до старости у нее было совершенное здоровье. Так текла жизнь моих родителей. Отец, истомленный продолжительной болезнью, скончался. Едва он

умер, как небо потемнело, пошел дождь, засверкала молния, загремел гром, в течение трех дней и трех ночей непрерывно продолжался ливень. По причине такой непогоды задержалось его погребение, так что жители села покачивали головами и, удивляясь, говорили: «Этот человек настолько был неприятен Богу, что даже земля не принимает». Но чтобы тело его не начало разлагаться в самом доме, похоронили его кое-как: непогода и дождь все продолжались.

Мать моя, получив еще большую свободу по смерти отца, с большим исступлением предалась блуду. Сделав наш дом домом разврата, она проводила жизнь в величайшей роскоши и увеселениях. Когда настала ее смерть, то она сподобилась великолепного погребения. Сама природа, казалось, приняла участие в похоронах. По ее кончине я осталась в отроческих летах, и уже телесные вожделения начали во мне проявляться.

Однажды вечером я начала размышлять, чью жизнь избрать мне образцом для подражания: отца ли, который жил скромно, тихо и воздержно, но во всю свою жизнь не видел ничего доброго, провел ее в болезнях и печали, а когда скончался, то земля даже не принимала его тела. Если такое житье благоприятно Богу, то по какой причине отец мой, избравший его, подвергся стольким бедствиям? «Лучше жить, как жила мать, – сказало мне мое помышление, – предаться вожделению, роскоши, плотскому сладострастию. Ведь мать не упустила ни одного скверного дела! Она провела всю жизнь в пьянстве, была здоровой и счастливой.

Конечно, мне следует жить так, как жила мать! Лучше верить собственным глазам и тому, что очевидно, лучше наслаждаться всем, чем верить невидимому и отказываться от всего». Когда я, окаянная, согласилась в душе избрать жизнь, подобную жизни моей матери, настала ночь, я уснула.

Во сне предстал мне некто высокий ростом, взором страшный, грозно взглянул на меня, гневно и строго приказал: «Исповедуй мне помышление твоего сердца». Я, испугавшись, не смела и взглянуть на него. Еще более громким голосом повторил он приказание, чтоб я исповедала, какая жизнь мне понравилась. Растерявшись от страха и забыв обо всем, я сказала, что не имела никаких помышлений. Но он напомнил мне все, о чем я размышляла втайне. Обличенная, я умоляла его даровать мне прощение и объяснила причину этих размышлений.

Он сказал мне: «Пойди и посмотри обоих – и отца, и мать, – а потом избери жизнь по своему желанию». С этими словами он взял меня за руку и повлек. Привел он меня на большое поле неизреченной красоты со многими садами, с плодовыми деревьями, ввел меня в эти сады. Там встретил меня отец, обнял, поцеловал, назвал своей дочерью. Я заключила его в объятия и просила разрешения остаться с ним. Он отвечал: «Ныне это невозможно, но если последуешь моим стопам, то придешь сюда по прошествии непродолжительного времени». Когда я опять начала просить о том, чтоб остаться, показавший мне видение снова взял меня за руку, повлек и сказал: «Пойди, я покажу тебе и мать, как горит она в огне, чтоб знать тебе, по жизни кого из родителей направить свою жизнь».

В мрачном и темном доме, наполненном скрежетом зубов и горем, он показал мне огненную печь с кипящей смолой. Какие-то страшилища стояли у ее устья. Я заглянула внутрь и увидела в ней мою мать: она погрязла по шею в огне, скрежетала зубами и горела, тяжкий смрад разносился от червя неусыпающего. Увидев меня, она воскликнула с рыданием: «Увы мне, дочь моя! Эти страдания – последствия моих собственных дел. Воздержание и все добродетели казались мне достойными посмеяния. Я думала, что жизнь моя в сладострастии и разврате никогда не кончится. Пьянство и объедание я не признавала грехами. И вот! Я наследовала геенну, подверглась этим казням за краткое наслаждение грехами. За ничтожное веселие расплачиваюсь теперь страшными муками. Вот какую получаю награду за презрение Бога! Объяли меня всевозможные, бесконечные бедствия. Ныне время помощи, ныне вспомни, что ты вскормлена моей грудью! Воздай мне, если ты получила от меня когда-либо что-либо! Умилосердись надо мной! Жжет меня этот огонь, но не сжигает. Умилосердись надо мной! Меня в этих муках снедает отчаяние. Умилосердись надо мной, дочь моя, подай мне руку и выведи меня из этого места».

Когда я отказывалась это сделать, боясь тех страшных стражей, которые тут стояли, она снова причитала со слезами: «Дочь моя! Помоги мне. Не презри плача твоей родной матери! Вспомни мою болезнь в момент твоего рождения! Не презри меня! Погибаю в огне геннском». Ее вопль вызвал у меня слезы, я начала также стенать. Вопли и рыдания разбудили моих домашних. Они стали спрашивать

меня о причине столь громкого плача. Я рассказала им мое видение. Тогда я решила последовать жизни моего отца, будучи удостоверена, по милосердию Божию, какие муки уготованы для тех, кто позволяет себе проводить порочную жизнь». (Еп. Игнатий. Отечник. С. 541. № 177.)

Сергиевский Н.Ф. Тайны загробной жизни, открытые в видениях и творениях свв. отцов. М., 1903

Переход из времени в вечность

Смерть – великое и страшное таинство. И самое таинственное в ней – момент разлучения души с телом, переход человека из жизни телесной в жизнь чисто духовную, из временной – в вечную.

Дух человека скорее и легче отрешается от условий временной жизни, и иногда еще прежде окончательной смерти тела он уже витает как будто вне тела. Вот чем объясняются нередкие случаи, что в час кончины, еще не совершившейся, человек или, правильнее, дух его является в отдалении от тела близким по сердцу людям.

Еще несколько минут – и человек вступает в вечность. Как вдруг изменяется форма его бытия! Дух его видит свое собственное существо, видит предметы (и самые отдаленные) уже не телесными глазами, а каким-то непонятным нам ощущением. Он говорит слова не членораздельными звуками, а мыслью; не руками осязает предметы, а чувством. Движется не ногами, а одной силой воли, и то, к чему прежде он мог приближаться с великим трудом, медленно, теперь он достигает мгновенно; никакие естественные препятствия его не задерживают. Теперь и прошедшее ему видно, как настоящее, и будущее не так сокрыто, как прежде, и нет уже для него ни часов, ни дней, нет расстояний – ни малых, ни больших; все сливается в один момент – вечность.

Что же он видит и чувствует?

Он видит предметы, для которых у нас нет названий; слышит то, что на земле не может быть изображено никаким голосом и звуком; его созерцания и ощущения не могут быть выражены никакими словами. Он находит свет и мрак, но не здешний: свет, пред которым яркое солнце светилось бы как свеча пред солнцем; мрак, пред которым наша самая темная ночь была бы яснее дня.

Он встречает там и подобные себе существа и узнает в них людей, также отшедших из этого мира. Но какое изменение! Это уже не здешние лица и не земные тела: это одни души, вполне раскрывшиеся, со всеми их внутренними свойствами, которые и облекают их соответственными себе образами. По этим образам души узнают друг

друга, а силою чувства узнают тех, с которыми сближались в здешней жизни.

Встречаются духу нашему и существа, сродные ему по естеству, но такие, которых одно приближение дает ему чувствовать неизмеримо высшую силу их. Одни из них выходят из беспредельного мрака, и все существо их – мрак и зло; неизобразимые страдания в них самих, скорбь и гибель отличают их каждое движение и действие. Но это еще в низших сферах духовного мира, ближайших к миру земному. А там, далее, дух видит бесконечное море непостижимого света, из которого выходят и другие существа, еще более могучие; их природа и жизнь – одно необъятное добро, неизобразимое совершенство, невыразимая любовь: Божественный свет наполняет все существо их и сопровождает каждое движение. И так в этом чудном мире дух человека силой своей духовной природы и неодолимой силой притяжения сродного ей мира летит, летит все далее до того места или, лучше сказать, до той степени, до какой могут достигнуть его духовные силы, и весь поразительным для него образом перерождается.

Тот ли это дух, который жил в человеке на земле, дух ограниченный и связанный плотью, едва заметный под массою тела, всецело ему служащий и порабощенный так, что без тела, по-видимому, и жить и развиваться не мог!

Теперь что с ним сталось?

Теперь все – и доброе, и худое – быстро, с неудержимой силой раскрывается: его мысли и чувства, нравственный характер, страсти, стремления воли, все это развивается в необъятных размерах; сам он ни остановить их, ни изменить, ни победить не может: беспредельность вечности увлекает его до бесконечности; его недостатки и слабости обращаются в определенное зло: его зло делается бесконечным, его скорби обращаются в беспредельные страдания.

Представляете ли вы себе весь ужас такого состояния? Ваша душа, теперь не добрая, но еще подавляющая и скрывающая в себе зло, там явится злой до бесконечности; ваше худое чувство, здесь еще чем-нибудь сдержанное, если вы не искорените его здесь, обратится там в бешенство; если вы здесь владеете собой, там вы уже ничего не

сможете с собой сделать: все в вас и с вами перейдет туда и разовьется в бесконечность…

Душа человека, отрешась от тела, с многократной силой продолжает развивать в себе те качества, которые она приобрела в земной жизни…

Вследствие этого праведники утверждаются в добродетелях и преданности воле Божией, а нераскаянные грешники – в нечестии и ненависти к Богу. К концу мировой истории и на небе, и на земле будут только две категории людей: беспредельно любящие Бога праведники и так же ненавидящие Его грешники.

Чем же ты сделаешься там, неверующий, грешный человек? Если ты здесь не хорош, то там будешь темным, злым духом. О, тогда ты сам себя не узнаешь, или нет: ты тогда слишком хорошо себя узнаешь, и понесет тебя твое зло собственным своим тяготением туда, где живет вечное, бесконечное зло, в сообщество темных, злых сил. И на этом пути ты ни остановиться, ни возвратиться не сможешь и во веки веков будешь страдать. Чем? Бешенством от твоего собственного зла, которое не даст тебе покоя, и от той злой среды, которая будет вечно окружать тебя и терзать без конца.

А что же душа добрая, что будет с нею?

И добро также раскроется во всей полноте и силе; оно будет развиваться со всей свободой, которой здесь не имело, обнаружит все свое внутреннее достоинство, здесь большей частью сокрытое, неузнаваемое, неоценяемое, весь свой внутренний свет, здесь всячески затемняемый, все свое блаженство, здесь подавляемое разными скорбями жизни. И понесется эта душа всей силой своего нравственно развитого и добродетельного стремления в высшие сферы того мира, туда, где в бесконечном свете живет Источник и Первообраз всякого добра, в область светлых и чистейших существ, и сама сделается ангелом, т. е. таким же светлым, чистым, блаженным существом.

Она будет уже навеки тверда теперь в добре, и никакое зло, ни внутреннее, ни внешнее, не сможет уже ни поколебать ее, ни изменить, ни повредить ее блаженному состоянию. Но и не праздно будет жить душа и наслаждаться блаженством: она будет действовать своим просвещенным умом в созерцании и постижении тайн, здесь неразгаданных и неизвестных – тайн Бога, мироздания, себя самой и вечной жизни.

Состояние наше в будущей жизни не будет состоянием бездеятельного покоя, оно будет представлять гармоничное, всецелое удовлетворение всех потребностей и стремлений нашей души путем непрерывного, бесконечного развития. Ум, сердце и воля человека найдут для себя обильную пищу в развитии.

Непосредственное общение с Богом как всеозаряющим Светом должно раскрыть нам всю беспредельность законов бытия: пред нами откроется такой кругозор, о котором мы в настоящей жизни не можем иметь и понятия. Тогда только удовлетворится та духовная жажда знания, которой томился человек в настоящей жизни. Один Бог – беспредельное море сущности – будет уже служить неисчерпаемо возвышеннейшим предметом для нашего ума в его вечном стремлении постигнуть Виновника всего сущего.

Вторым предметом нашего духовного созерцания будет дело нашего искупления, совершаемое Сыном Божиим, то великое и чудное дело, в которое желают проникнуть и ангельские умы, которым наше человеческое естество возведено в Лице Богочеловека на Престол Божества.

Третьим предметом нашего познания будет мир ангельский, мир совершенных, чистейших духов.

Само человечество в его прошедших судьбах и настоящем его состоянии будет также представлять для нас величайший интерес. Наконец, преображенный и обновленный мир во всей его красоте и разнообразии будет привлекать к себе наш умственный взор и возбуждать чувство удивления и благоговения к Сотворившему все премудростью.

К этому следует прибавить высокое нравственное удовлетворение, которое будут испытывать праведники вследствие взаимного сближения между собою. Не будет между ними ни зависти, ни ненависти, ни вражды, ни лжи, ничего такого, чем так полна и постоянно отравляется наша жизнь на земле.

Братская любовь, ничем не нарушаемый мир, полнейшее согласие, чистейшая правда будут царствовать среди блаженных обитателей Нового Иерусалима на Небесах. Какая необъятная область ведения и жизнедеятельности! Какой неисчерпаемый источник блаженства!

Большинство людей, однако, изо всех сил гонят от себя мысль о смерти, и вещания Слова Божия не трогают их сердец, увлеченных страстями и суетностью мира. Но некоторые из тех, которые отошли в другой мир прежде нас, иногда являются сюда свидетелями и уверяют нас как очевидцы в истине всего того, что говорит нам Божественное Откровение о последней судьбе нашей.

Один врач, по имени Геннадий, – рассказывает блаженный Августин, – сомневался в бессмертии души и будущей жизни. Однажды он во сне видит юношу, который говорит ему:

– Ступай за мною.

Он последовал за ним и пришел в какой-то город. Потом, спустя некоторое время, тот же юноша явился ему во сне в другой раз и спросил:

– Знаешь ли ты меня?

– Очень хорошо, – отвечал врач.

– А почему ты знаешь меня?

– Ты меня водил в какой-то город, где я слышал необыкновенно приятное пение.

– Что, ты видел город и слышал там пение во сне или наяву?

– Во сне.

– А то, что теперь я говорю с тобою, во сне или наяву слышишь ты?

– Во сне, – отвечал тот.

– Где же тело твое в настоящую минуту?

– В моей постели.

– А знаешь ли ты, что в настоящую минуту ты ничего не видишь твоими телесными глазами?

– Знаю.

– Что же такое эти глаза, которыми теперь ты видишь меня?

Врач не знал, что отвечать, но юноша сказал ему:

– Как в настоящую минуту ты видишь и слышишь меня, хотя глаза твои закрыты и все чувства твои в бездействии, так будешь жить ты после твоей смерти: ты будешь видеть, но глазами духовными, поэтому не сомневайся, что после этой жизни будет другая жизнь.

Учение о мытарствах подтверждается Священным Писанием, которое называет воздух именно областью злых духов: «потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против

властей, против миродержителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6, 12).

Если же несомненно, что злые духи принимают великое участие в делах наших и стараются всячески вредить нам здесь, то, конечно, они не могут оставить нас спокойными в столь удобное для них время – при прохождении души через их как бы собственную область. Учение о мытарствах излагается в некоторых молитвах церковных и у многих отцов Церкви, конечно, на основании Священного Предания. Так, в одной молитве говорится: «страшно бо и грозно место имам пройти, тела разлучився, и множество мя мрачное и бесчеловечное демонов срящет». (В Следованной Псалтири молитва по 4-й кафизме.)

Свт. Иоанн Златоуст говорит в слове о памяти умерших, что по разлучении с телом душа имеет великую нужду в помощи и заступлении Ангелов, дабы препроводить ее мимо старейшин, и властей, и невидимых миродержцев воздуха сего. В творениях св. Ефрема Сирина есть много мест, доказывающих всеобщность в его время мнения о мытарствах.

Итак, мы можем видеть из сказанного, что души умерших – и праведников, и грешников – подвергаются частному суду при своем восхождении на Небо и, смотря по своим делам, тут же получают определение своей участи до всеобщего воскресения, «сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» (Гал. 6, 8). Души святых, праведных и богоугодно поживших на земле относятся Ангелами на Небо в райские обители и здесь блаженствуют – по учению Православной Церкви, предвкушают блаженство, а грешники, люди порочные, умершие без покаяния, низвергаются во ад и здесь приемлют мучение.

Архимандрит Пантелеимон. Тайны загробного мира. Киев, 2001

Глава 3
Рассказы о заботливом участии усопших в нашей жизни

Наши мертвые нас не оставят в беде…

Бывает, что уехавший сын сам отправляет родителям богатые посылки и переводы. В истории Церкви немало примеров, когда молитвенное общение с усопшими помогало живущим решить свои земные проблемы. Вот несколько примеров.

У одного священника умерла жена, которую он очень любил. Горечь утраты оказалась для него непосильной, и он начал пить. Каждый день он поминал ее в своих молитвах, но все глубже и глубже погружался в трясину алкоголизма. Однажды к этому священнику пришла прихожанка и рассказала, что во сне к ней явилась его умершая жена и сказала: «Налей мне водки». «Но ведь ты же никогда не пила при жизни», – удивилась прихожанка. «Мой муж приучил меня к этому своим нынешним пьянством», – отвечала умершая.

Этот рассказ настолько потряс священника, что он навсегда бросил пить. Впоследствии он принял монашество. Скончался в сане епископа. Звали его владыка Василий (Родзянко).

Другой случай. Студент духовной академии шел на экзамен, недостаточно хорошо зная материал. В коридоре на стене висели портреты ученых и богословов, в разные годы преподававших в академии. Студент молитвенно обратился к одному из давно почивших преподавателей с просьбой помочь ему сдать экзамен.

И на всю жизнь запомнил, насколько явной была эта помощь. Экзамен он сдал на «отлично», все время ощущая спокойную, доброжелательную поддержку того, к кому он обратился. Студент тоже стал монахом, а потом – епископом. Это – владыка Евлогий, архиепископ Владимирский и Суздальский. А на портрете был изображен преподаватель МДА митрополит Филарет (Дроздов), впоследствии канонизированный как святитель Филарет Московский (кстати, историю эту владыка Евлогий рассказал, когда Синод собирал материалы для канонизации свт. Филарета).

Удивительный случай молитвенного общения с усопшими описывает митрополит Сурожский Антоний. Однажды к нему обратился человек, который во время войны случайно застрелил любимую девушку, свою невесту. Одним выстрелом он разрушил все,

о чем они так много вместе мечтали. Счастливую жизнь после войны, рождение детей, учебу, любимую работу…

Все это он отнял не у кого-то, а у самого близкого и дорогого человека на земле. Этот несчастный прожил долгую жизнь, многократно каялся в своем грехе перед священниками на исповеди, над ним читали разрешительную молитву, но ничего не помогало. Чувство вины не уходило, хотя со времени того злополучного выстрела прошло почти шестьдесят лет. И владыка Антоний дал ему неожиданный совет. Он сказал: «Вы просили прощения у Бога, которому не причинили вреда, каялись перед священниками, которых не убивали. Попробуйте теперь попросить прощения у самой этой девушки. Расскажите ей о своих страданиях и попросите, чтобы она сама помолилась за вас Господу».

Впоследствии этот человек прислал владыке письмо, где рассказал, что сделал все как он велел, и ледяная заноза вины, сидевшая в его сердце долгие годы, наконец растаяла. Молитва убитой им невесты оказалась сильнее его собственных молитв.

Да и сам митрополит Антоний рассказывал, как в трудные минуты своей жизни он обращался к своей усопшей маме с просьбой помолиться за него и много раз получал ожидаемую помощь.

Когда-то Владимир Высоцкий пел: «…Наши мертвые нас не оставят в беде, наши павшие – как часовые». Уходя из этой жизни, наши любимые становятся ближе к Господу и могут ходатайствовать за нас перед Ним.

Поэтому мы и молимся святым, которые канонизированы Церковью.

Но нельзя забывать, что святыми Церковь считает не только внесенных в святцы прославленных угодников Божиих. Святыми в Церкви названы все христиане, освящающиеся Пречистыми Телом и Кровью Христовыми в Таинстве Евхаристии. И если наш близкий при жизни был членом Церкви, исповедовался и причащался святых Христовых Таин, тогда у нас не может быть достаточных оснований считать, что после его смерти он нуждается в нашем поминовении более, чем мы в его молитвах за нас.

Святитель Киприан Карфагенский писал: «…Не должно оплакивать братьев наших, по зову Господа отрешающихся от настоящего века. Мы должны устремляться за ними любовью, но

никак не сетовать за них: не должны одевать траурных одежд, когда они уже облеклись в белые ризы».

Александр Ткаченко. Журнал «Фома», № 8/40, 2006

«Есть, есть, есть!»

В Москве жили в период гражданской войны две сестры, Ирина и Настя. В их квартире жила еще их приятельница Надежда. Последняя была нетверда в вере. Настя ушла на фронт медсестрой. Там она заболела сыпным тифом и умерла.

Когда Ирина и Надежда получили горестное известие, у Надежды возникли мысли: «Вот если бы пришла ко мне Настя и сказала, есть ли что в том мире, я бы уверовала».

И в эту ночь Ирина видит во сне покойную Настю, которая говорит ей:

– Скажи Надежде: «Есть, есть, есть!»

Затем Настя исчезла.

Проснувшись, Ирина недоумевала: «Что они значат, эти непонятные слова?» Когда она передала Надежде содержание своего сна, та побледнела: она получила от Насти ответ на свой вопрос.

По мудрому Промыслу Божию Настя явилась не Надежде, а Ирине, которая не знала мыслей Надежды. Это утвердило Надежду в том, что был сон не случайным, а был прямым ответом на ее мысли, о которых не знал никто из живущих.

Современные случаи чудесной помощи. Клин, Фонд «Христианская жизнь», 1998

Посмертные явления епископа Игнатия Брянчанинова

В автобиографических записках схимонаха Михаила (Чихачева) отмечены посмертные явления святителя Игнатия своим пасомым.

Первое явление преосвященного на 20-й день кончины его 19 мая 1867 года описано видевшей его госпожою А.В. Жандр в Москве. Так, одна из духовных дочерей его, находившаяся в большой скорби из-за его внезапной кончины, видела его в неописуемом свете в храме.

Не менее важным по своему внутреннему смыслу представляется следующее чудесное сновидение о епископе Игнатии, по времени примыкающее к ближайшим дням по его смерти, – явление епископа Игнатия С.И. Снесаревой:

«В мое последнее свидание с преосвященным Игнатием, 13 сентября 1866 года, – пишет С.И. Снесарева, – он, прощаясь, сказал мне: «С.И.! Вам, как другу, как себе говорю: готовьтесь к смерти – она близка. Не заботьтесь о мирском: одно нужно – спасение души! Понуждайте себя думать о смерти, заботьтесь о вечности!»

В 1867 году 30 апреля преосвященный Игнатий скончался в Николаевском монастыре: я поехала на его погребение, совершавшееся 5 мая. Невыразима словом грустная радость, которую я испытала у гроба его.

В субботу 12 августа 1867 года ночью худо спала, к утру заснула. Вижу – пришел владыка Игнатий в монашеском одеянии, в полном цвете молодости, но с грустью и сожалением смотрит на меня: «Думайте о смерти, – говорил он. – Не заботьтесь о земном! Все это только сон, земная жизнь – только сон! Все, что написано мною в книгах, все – истина! Время близко, очищайтесь покаянием, готовьтесь к исходу. Сколько бы вы ни прожили здесь, все это – один миг, один только сон». На мое беспокойство о сыне владыка сказал: «Это не ваше дело; судьба его в руках Божиих! Вы же заботьтесь о переходе в вечность». Видя мое равнодушие к смерти и исполняясь сострадания к моим немощам, он стал умолять меня обратиться к покаянию и чувствовать страх смерти. «Вы слепы, ничего не видите и потому не боитесь, но я открою вам глаза и покажу смертные муки».

И я стала умирать. О, какой ужас! Мое тело стало мне чуждо и ничтожно, как бы не мое, вся моя жизнь перешла в лоб и глаза; мое зрение и ум увидели то, что есть действительно, а не то, что нам кажется в этой жизни. Эта жизнь – сон, только сон! Все блага и лишения этой жизни не существуют, когда наступает со смертью минута пробуждения. Нет ни вещей, ни друзей – одно необъятное пространство, и все это пространство наполнено существами страшными, непостигаемыми нашим ослеплением; они живут вокруг нас в разных образах, окружают и держат нас. У них тоже есть тело, но тонкое, как будто слизь какая, ужасное! Они лезли на меня, лепились вокруг меня, дергали меня за глаза, тянули мои мысли в разные стороны, не давали перевести дыхания, чтобы не допустить меня призвать Бога на помощь. Я хотела молиться, хотела осенить себя крестным знамением, хотела слезами к Богу, произношением имени Иисуса Христа избавиться от этой муки, отдалить от себя эти страшные существа, но у меня не было ни слов, ни сил. А эти ужасные кричали на меня, что теперь уже поздно, нет молитвы после смерти!

Все тело мое деревенело, голова неподвижна, только глаза все видели и в мозгу дух все ощущал. С помощью какой-то сверхъестественной силы я немного подняла руку, до лба не донесла, но на воздухе я сделала знамение креста, тогда страшные корчились. Я усиливалась не устами и языком, которые не принадлежали мне, а духом представить имя Господа Иисуса Христа, тогда страшные прожигались, как раскаленным железом, и кричали на меня: «Не смей произносить этого имени, теперь поздно!» Мука неописанная!

Лишь бы на одну минуту перевести дыхание! Но зрение, ум и дыхание выносили невыразимую муку от того, что эти ужасные страшилища лепились вокруг них и тащили в разные стороны, чтобы не дать мне возможности произнести имя Спасителя. О, что это за страдание! Опять голос владыки Игнатия: «Молитесь непрестанно, все истина, что написано в моих книгах. Бросьте земные попечения, только о душе, о душе заботьтесь». И с этими словами он стал уходить от меня по воздуху как-то кругообразно, все выше и выше над землею. Вид его изменялся и переходил в свет. К нему присоединился целый сонм таких же светлых существ, и все как будто ступенями необъятной, невыразимой словом лестницы.

Как владыка по мере восхождения становился неземным, так и все присоединившиеся к нему в разных видах принимали невыразимо прекрасный, солнцеобразный свет. Смотря на них и возносясь духом за этою бесконечною полосою света, я не обращала уже внимания на страшилища, которые в это время бесновались вокруг меня, чтобы привлечь мое внимание к ним новыми муками. Светлые сонмы тоже имели тела, похожие на дивные, лучезарные лучи, пред которыми наше солнце – ничто.

Эти сонмы были различных видов и света, и чем выше ступени, тем светлее. Преосвященный Игнатий поднимался все выше и выше. Но вот окружает его сонм лучезарных святителей, он сам потерял свой земной вид и сделался таким же лучезарным. Выше этой ступени мое зрение не достигало.

С этой высоты владыка Игнатий еще бросил на меня взгляд, полный сострадания. Вдруг, не помня себя, я вырвалась из власти державших меня и закричала: «Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего преосвященного Игнатия и святыми его молитвами спаси и помилуй меня, грешную!» Мгновенно все ужасы исчезли, настала тишина и мир. Я проснулась в жестоком потрясении.

Никогда ничего я не боялась и охотно оставалась одна-одинехонька в доме, но после этого сна несколько дней я чувствовала такой ужас, что не в силах была оставаться одна.

Много дней я ощущала необыкновенное чувство на средине лба: не боль, а какое-то особенное напряжение, как будто вся жизнь собралась в это место. Во время этого сна я узнала, что, когда мой ум сосредоточивается на мысли о Боге, на имени Господа нашего Иисуса Христа, ужасные существа мигом удаляются, но лишь только мысль отвлекается, в тот же миг они окружали меня, чтобы мешать моей мысли обратиться к Богу и молитве Иисусовой».

Отец современного иночества. М., 1996

Спасение от самоубийства

Однажды духовная дочь известного в Москве по своей благочестивой жизни и как молитвенника протоиерея отца Иоанна Кедрова имела большие переживания и треволнения, лишившие ее душевного покоя. Находясь в таком состоянии, она решила пойти к отцу Иоанну, чтобы найти утешение в молитве и в причащении Святых Таин, тем более что не только мучилась морально, но и лишилась сна, а между тем состояла на государственной службе, неся нелегкие обязанности по своей специальности. Она исполнила свое намерение, но во время исповеди не покаялась из ложного стыда в одном грехе, который ее особенно мучил.

Причастившись Святых Таин, она не только не получила утешения, но впала в уныние. Стала задумываться над тем, что она великая грешница, ее мучила совесть, что она скрыла свой грех. Все ее переживания и личные скорби с новой силой стали терзать ее измученное сердце, и тут впервые ей пришла мысль о самоубийстве.

Конечно, тут дело не обошлось без влияния врага рода человеческого, действующего «насильством смертного сего телесе», и мысль покончить с собой у несчастной окончательно созрела. Когда она твердо это решила, то стала обдумывать вопрос, как успешнее привести в исполнение задуманное намерение.

Девушка, о которой идет речь, жила вблизи линии окружной железной дороги, и недалеко от ее квартиры был переезд через рельсы со шлагбаумом, около которого стояла будка сторожихи. Она пошла, чтобы ознакомиться с местностью, и рассмотрела, что будка находится с левой стороны переезда, а с правой – керосинокалильный фонарь, что сторожиха при прохождении поезда становится близ фонаря и что от будки падает густая тень, что там можно заблаговременно спрятаться, оставаясь совершенно незамеченной, и, выбежав быстро, кинуться под проходящий поезд, так что сторожиха не будет в состоянии ей помешать. Так она решила на другой день и поступить, когда будет проходить после полуночи ночной поезд.

Когда наступил вечер и было довольно поздно (несчастной девушке, твердо решившей покончить с собой, осталось жить не более

двух часов), в ее квартире неожиданно раздался звонок. Она пошла отворять, крайне раздосадованная тем, что так не вовремя к ней приходят и могут помешать ей исполнить свое намерение.

Когда она отворила дверь, то при свете уличного фонаря увидела очень молодую девушку в меховой шапочке, с муфточкой на шнурке и в короткой шубке, отороченной мехом. Неизвестная спросила ее, назвав фамилию.

– Простите, я никак не могу вас принять, теперь так поздно, – промолвила в смущении духовная дочь отца Иоанна.

– Я вас долго не задержу, позвольте мне войти. У меня к вам очень серьезное дело, и вы должны меня выслушать, – отвечала неизвестная девушка, и с этими словами они вошли в комнату.

Здесь девушка-подросток объяснила, что она дочь отца Иоанна Кедрова, и затем прибавила:

– Я знаю, что вы решили сегодня покончить с собой; послушайте, не делайте этого. Ваше удрученное состояние духа и уныние происходят оттого, что вы, исповедуясь, скрыли от папы свой тяжкий грех, который вас мучает. Сходите завтра к папе и покайтесь в этом грехе, и все будет хорошо. Послушайте меня.

Проговорив все это, девушка удалилась. Духовная дочь отца Иоанна прямо остолбенела и, когда пришла в себя, выбежала на крыльцо вслед за девушкой, но ни на крыльце, ни на улице никого не было.

Легко можно судить о том, что переживала несчастная, когда таким неожиданным образом была обнаружена ее затаенная мысль.

На другой день она отправилась к отцу Иоанну на квартиру и просила его немедленно выслушать ее исповедь. Она покаялась в своем грехе и, получив отпущение, рассказала своему духовному отцу о том, что обязана спасением своей жизни его дочери, которая вчера поздно вечером пришла к ней и настойчиво советовала ей покаяться в грехе, который она из ложного стыда скрыла.

Отец Иоанн вынес ей большую фотографическую карточку, на которой была снята их семейная группа, и спросил:

– Какая из моих дочерей, изображенных здесь, к вам вчера вечером приходила?

Духовная дочь показала отцу Иоанну.

– Она полтора года, как скончалась, – ответил с грустью священник.

Вот приблизительно как до меня вскоре дошло об этом событии от лица серьезного и заслуживающего доверия.

Я решил, что нужно выждать и тогда так или иначе проверить сообщенный мне факт, имеющий громадное значение для религиозного сознания верующих людей.

Вскоре в тех же почти словах мне сообщили из другого источника о явлении умершей дочери отца Иоанна девушке, которая решила покончить с собой, чем было отвращено покушение ее на самоубийство.

Тогда я решил проверить достоверность этого события во что бы то ни стало.

Вскоре представился к этому благоприятный случай. Наступил канун дня кончины батюшки, когда для участия в служении по нем парастаса в числе других почитателей незабвенного старца всегда приходил священник, духовный сын батюшки и ближайший сотрудник покойного отца Иоанна, который тогда еще был жив.

Я рассказал ему о том, что мне передали о явлении умершей дочери отца Иоанна.

Священник, выслушав мое сообщение, сказал:

– Все, что вам передали, действительно произошло.

Отец Иоанн тогда же распорядился составить об этом протокол для церковной летописи и подписал его, а я скрепил этот протокол своей подписью.

Протоиерей Константин Ровинский. Беседы старого священника. М., 1995

Благословение сына только что умершей матерью

В книге профессора М.П. Погодина находим следующий поразительный рассказ В. Энгельгардта из своей жизни, не только явно подтверждающий несомненное существование загробной жизни, но и свидетельствующий о том, что связь между умершими и живыми не прекращается за гробом, что и там сила любви усопших к близким здравствующим братьям продолжает действовать и иногда выражается в очевидной, осязательной форме.

«В 1858 году, находясь на службе в Москве, я, – пишет о себе г. Энгельгардт, – в начале февраля был командирован в Архангельск по делам службы. 5 февраля, перед самым моим отъездом, я написал поздравительное письмо моей матушке, жившей в Петербурге; ей 8 февраля должно было исполниться 80 лет. Кроме пожелания ей Господней благодати, я убедительнейше просил матушку о родительском ее благословении, без которого – писал я – не совершить мне благополучно этого дальнего пути. Отправив письмо на почту, я сел в повозку и поехал. До Ярославля дорога была сносная; пробыв в этом городе сутки, я отправился дальше. От Ярославля до Вологды дорога была невообразимо дурна: подобных страшных ухабов я не мог себе представить, точно волны морские, внезапно окаменевшие от сильного мороза! Разбитый до крайности от подобной ужасной качки, я на ночь остановился на одной станции, чтобы до рассвета перевести дух и расправить мои сильно помятые и усталые члены. Одетый, как был, только без шубы, я растянулся на диване и, не имея счастливой способности скоро засыпать, занялся чтением; но чтение шло плохо и рассеянно; я встал с дивана и погасил свечу – в надежде, что в темноте скорее засну, – но не успел я снова лечь на диван, как вдруг, к крайнему моему удивлению, вижу в нескольких шагах от меня матушку мою в сопровождении сестры моей, скончавшейся еще в 1846 году. Пораженный этим непостижимым видением, я не мог ни шевельнуться, ни протянуться с места, но пристально и, признаюсь, с каким-то непонятным страхом смотрел на явившихся мне дорогих лиц. Матушка, совершенно как живая во плоти, заботливо и нежно глядя,

крестным знамением благословила меня, а сестра, хотя ее вполне узнать можно было, имела вид более, так сказать, эфирный, спокойный, просветленный. Я внезапно взял тут лежащую спичку и зажег свечу, и в светлой комнате не стало уже видения!..

Это событие произошло ночью между 12 и 13 февраля 1858 года, в третьем часу утра.

Пробыв в Архангельске неделю, я получил письмо от зятя, которым тот извещал меня, что в эту самую ночь матушка моя в Петербурге скончалась!.. И я твердо верую, что Всемилостивый Отец Небесный дозволил чадолюбивой матери видимо, лично благословить сына, который так настоятельно умолял ее о том перед ее кончиной!»

К этим словам очевидца (достоверность рассказа его никак нельзя поставить под сомнение) нам прибавить нечего. Он сам слишком красноречиво говорит за себя.

Погодин М.П. Простая речь о мудреных вещах. М., 1873

Обращение неверующего грешника по загробным молитвам родителей

Один сельский священник передает следующий поразительный пример чудесного обращения заблудшего и неверующего грешника на путь добра действием благодати Божией, посредством загробных теплых молитв о нем его родителей пред Престолом Всевышнего.

«186… года, летом, приехал к нам в село, – рассказывает этот почтенный батюшка, – молодой человек лет двадцати пяти и поселился в чистеньком домике. Дом этот, стоявший на горе и окруженный темным, непроходимым лесом, принадлежал сначала одному помещику, потом поступил во владение крестьян и теперь был продан вновь приехавшему господину.

Этот господин, или, как называли его крестьяне, «барин», сначала никуда не выходил, потом недели через две я увидел его в церкви. Физиономия его была одна из тех, какие с первого же раза бросаются в глаза и возбуждают любопытство во всяком, кто только успел взглянуть на нее. Несмотря на его молодые годы, лицо его было помято, морщины кое-где лежали целыми складками и невольно говорили, что не без потрясений и бурь прошло его юношество. Он стал часто посещать нашу церковь, и не только в праздник, но даже и в будние можно было видеть его молящимся где-нибудь в углу, при слабом мерцании лампадки. Он всегда приходил рано, уходил поздно и каждый раз с каким-то особенным благоговением целовал крест и брал у меня антидор[20].

Появление такого господина, приехавшего не знаю откуда, не знаю зачем и, как слышно, рассчитывавшего остаться жить у нас навсегда, его нелюдимость и особенно набожность – все это заинтересовало меня, и я решился познакомиться с ним каким бы то ни было образом; но познакомиться с ним было довольно трудно.

Прошло лето, вот уже и зима на исходе… Животворные лучи февральского солнца уже начали тревожить ледяную кору земли. Наступила св. Четыредесятница; уныло и редко гудел церковный колокол, призывая на покаяние грешные души, жаждущие очищения, и как-то особенно хорошо отзывались эти удары в душе истинного

христианина; вот уже наступил и пяток первой недели, и я, значительно устав за исповедью прихожан, возвращаюсь домой и узнаю, что мне прислана записка от барина: «Прошу вас, незнакомый, но уважаемый батюшка, пожаловать ко мне на квартиру сегодня вечером». Меня очень заинтересовала эта коротенькая записка, и я поспешил отправиться к незнакомому господину.

На мой легкий стук дверь уединенного дома отворилась, и я встретил на пороге помещика с улыбающимся лицом.

– Пожалуйте вот сюда, батюшка, в эту комнату, а я сейчас приду к вам, – сказал он мне и удалился в противоположную комнату.

Комната, в которую я вошел, была маленькая. Стены, обитые фиолетовыми обоями, приняли от времени темный вид. Шторы, опущенные на окна и не пропускавшие света в комнату, делали эту маленькую каморку какой-то мрачной. Впереди стояло резное Распятие, а пред ним лежал разложенный молитвенник; на столе пред диваном лежало Евангелие в русском переводе, несколько духовных журналов, огромный искусственный череп и кое-какие бумажки. Я походил несколько времени по комнате и уселся в кресло в ожидании хозяина.

– Здравствуйте, батюшка, – сказал наконец он, входя в комнату и подходя ко мне под благословение.

– Здравствуйте, – отвечал я, благословляя его.

– Извините, пожалуйста, что побеспокоил вас в такую пору – теперь уже 11-й час, и вы, быть может, уже скоро хотели ложиться спать…

– Помилуйте… К чему такие извинения, – отозвался я. – Мне как человеку будет очень интересно познакомиться с вами, потому что здесь нет никого, с кем бы можно поговорить о чем-нибудь серьезном. Потом, как пастырь я должен по своей обязанности прийти к вам, потому что, быть может, вам нужен я как пастырь, как врач духовный…

– Именно так: вы мне нужны, как врач… Мне нужно ваше поучение, ваше теплое, сочувственное, наставительное слово.

– Очень, очень рад, что могу послужить вам! Прошу говорить все, что есть у вас на душе; мое дело разделять все нужды пасомых, врачевать их раны и приводить к Отцу Небесному…

– Благодарю, благодарю вас, батюшка… так позвольте попросить у вас внимания и терпения для выслушивания рассказа моей короткой, но дурной жизни. Когда вы узнаете ее, то лучше вам будет предписывать то или другое средство для моего врачевания.

Отец мой, – начал молодой человек, – был мелкопоместный помещик. В деревне мой батюшка имел большой дом, в котором он постоянно жил и в котором я получил первоначальное воспитание. Мой батюшка был дома почти постоянно и вместе с матушкой старался вложить в меня начала всякого добра и христианского благочестия. Оба они любили рассказывать мне разные священные истории, и часто, бывало, слушая эти рассказы в продолжение долгого зимнего вечера, я так и засыпал, где сидел. И, Боже мой, какие сладкие сны тогда грезились мне! Все, что я ни слышал в этот вечер, отражалось у меня во сне, и в моем детски невинном воображении, как бы в тумане, проносились дорогие священные образы из рассказов родителей. Вот как теперь вижу – Спаситель в терновом венце, обагренный кровью, висит на крестном древе. Его глаза полны любви, и Он просит Бога Отца отпустить мучителям: «ибо не видят, что творят!» И Божия Матерь – как теперь вижу – стоит при Кресте, с бледным лицом, полная беспредельной любви к страдающему Сыну, и сколько муки и страдания выражается в Ее очах! Все эти сны наполняли мою душу неизъяснимым блаженством, и на моем лице изображалась какая-то неземная улыбка, как говорила моя добрая мать. И сколько радости было у родителей, когда они любовались мной у моей кроватки: «с Ангелами беседует», – говорили они. Тихо, плавно текла моя жизнь, и я был примерный ребенок. Я молился, и моя детская молитва была искренна, усердна и тепла; хорошо жилось тогда, и нельзя без радостного замирания сердца вспомнить теперь об этой детской жизни. Но не всегда же должна была продолжаться эта блаженная жизнь: мне исполнилось 10 лет, и я поступил в одно из средних учебных светских заведений.

Тяжело мне было привыкать к новой жизни. В заведении, в которое я поступил, я уже не слышал более того теплого, истинно религиозного наставления, какое мне давалось дома на каждом шагу. Сначала я был религиозен и часто молился. Молился я… но эта молитва была часто причиной насмешек моих глупых и дурных товарищей. Все воспитанники этого заведения без надзора

богобоязненных родителей были страшными кощунниками, и их язвительные насмешки сыпались градом на мою голову за мою набожность. Время шло, поддержки у меня не было, и моя охота к молитве постепенно начала ослабевать и, наконец, совсем пропала, сначала потому, что я боялся товарищей, потом это обратилось уже в привычку; я пристал к моим товарищам, и молитва уже более никогда не приходила на ум. Беседы и разговоры наши были самые грязные, богопротивные: насмешки над Священным Писанием, над богослужением, над усердием и религиозностью некоторых священников и простого народа – вот что было постоянным предметом наших разговоров. Сначала меня коробило от всего этого, потом время и общество притупили во мне и это последнее проявление доброго – остаток домашнего воспитания. Но все-таки, как бы я ни опошлился в этой среде, во мне было сознание, что я грешу этим пред Богом, но я продолжал это делать заодно с товарищами… Иногда – это бывало очень нередко – я чувствовал потребность молиться и даже начинал молиться, но это была уже не прежняя молитва, это была скорее механическая работа, не согретая сердцем, и я чувствовал, что чего-то недостает мне… Время шло, я перешел в последний класс, и тут-то окончательно совершилось мое падение, и прежние насмешки над обрядами и религиозностью людей перешли в полное осмеяние всей Божественной религии.

Время летело, и я сделался отъявленным неверующим безумцем… Крест – это орудие нашего спасения – я, теперь страшно и подумать, сбросил с себя и с каким-то презрением посмотрел на него. Когда я стоял в церкви по приказанию начальства, как издевался, как смеялся над отправлением Божественной службы! Когда наступали постные дни, я нарочно старался покушать скоромного, чтобы показать полное презрение к церковным постановлениям. Святые иконы, житие святых были главными предметами моих насмешек. Одним словом, в это время я был каким-то извергом, а не человеком. Но вот наступило время моего выхода из учебного заведения, и тут-то со всей силой я ринулся в бездну погибели, и много я увлек за собой чистых и невинных душ…

Да, за эти падшие души мне придется отдать страшный отчет Господу! Я их соблазнил, а в Писании сказано: «горе человеку тому, чрез которого соблазн приходит!»

Разум наш слишком слаб, чтобы остановить нас от пошлости, когда в нас нет голоса совести или, вернее сказать, когда этот голос совести заглушен порочной жизнью. Так и я: заглушив все святое в моем сердце, я старался руководиться во всем рассудком; но он не помогал мне, и я окончательно погибал. Окруженный безбожными и развращенными товарищами и потерявшими стыд и совесть женщинами, я проводил целые ночи за бутылками вина – и чего не бывало в этих шумных бесовских оргиях!.. Время шло, я еще более развратился и окончательно погряз в бездне порока. Казалось, чего больше: человек окончательно погиб, и никакая сторонняя рука не могла меня вытащить из этого омута; но, знать, нет греха, побеждающего милосердие Божие, знать, Господь не хочет смерти грешника, «но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был» (Иез. 33, 11); если мне не мог помочь человек, то помог всесильный Господь, Которого я отвергал; особенное действие Промысла Его обратило меня на путь истинный и вызвало к нравственному возрождению.

В один год умерли от холеры мои добрые родители, и их-то теплая молитва пред Престолом Всевышнего, должно быть, повела к исправлению заблудшего сына. После получения известия о смерти родителей я отправился в село к их могиле. Странно, как я ни опошлел, как ни смеялся над всеми святыми чувствами человека, все-таки эта привязанность к родителям осталась, и холодный развратный ум уступил голосу сердца – желанию побывать на могиле – и не осмеял его. Это я приписываю особенному действию Промысла Божия, потому что поездка на родину была началом или поводом к моему исправлению.

Приехав в родное село, я спросил церковного сторожа, где могила таких-то, и, не думая перекреститься в церкви, отправился к указанному месту… Вот уже могила от меня шагах в десяти, вот уже я вижу свежую насыпь, но… вдруг потемнело у меня в глазах, дыхание захватило, голова закружилась, и я упал без памяти на землю. Не знаю, что со мной тут было, только я в сознание пришел уже в квартире, нанятой моим служителем у одного крестьянина. Из рассказа его я узнал, что все окружавшие меня думали, что со мною удар, потому что я был без памяти, с багровым лицом и пеной у рта. На другой день я встал совершенно здоровый и, как ни ломал голову, не мог объяснить

себе, отчего со мною сделался такой припадок. Потом я опять в те же часы дня отправился на могилу, но каково было мое удивление, когда и в этот раз случилось со мной то же, что вчера! Думая, что меня постигла падучая болезнь, периодически возвращающаяся в известные часы дня, я на третий день остался дома, и припадка не было. Но когда я пошел на четвертый день и лишь только стал приближаться к могиле, прежний припадок снова повторился. Встав утром на другой день, я встретил своего слугу каким-то испуганным, боящимся меня. После я узнал, что он решил, что в этих припадках есть что-то недоброе и что я должен быть слишком грешен, коли Господь не допускает меня до могилы родителей. Он был тогда счастливее меня: у него была вера в Промысл, вера в Бога, а я был жалкий, несчастный человек и не хотел признаваться во всем этом действии перста Божия. Впрочем, меня довольно озадачили эти странные припадки, и я послал за доктором. Доктор обещал прибыть на другой день, и в обещании его я уснул часов в 12 ночи. Утром я проснулся рано, и – Боже мой – странно вспомнить: я не мог пошевелиться, язык не повиновался, я лежал весь расслабленный, тело мое было все в огне, губы высохли, я чувствовал страшную жажду и окончательно упал духом. Явился доктор, осмотрел меня и дал лекарство, началось лечение. Сначала доктор прописал мне лекарства без затруднения, но потом долго иногда простаивал над моей постелью, кусая губы, и вот однажды, после шестинедельного лечения, написал мне на бумаге: «Имея дело с мужчиной, я открыто всегда говорю о его болезни, как бы она ни была опасна: ваша болезнь необъяснима, несмотря на мои усилия открыть ее; поэтому, не предвидя успехов от трудов моих, я оставлю вас ждать, когда она сама собою откроется». Каков был мой ужас, когда меня оставляла человеческая помощь, на которую я только и надеялся! У другого есть надежда на высшую помощь, но ее отверг мой развратный ум.

Время шло, болезнь моя еще больше усилилась, на теле появились пупырышки, которые превращались в гнойные раны, от которых несся смрадный запах; и я не знал, что и делать. Целые ночи я не спал и не находил себе покоя. И какие страшные картины рисовались тогда в моем воображении! Вот как сейчас помню, однажды мне представилось мрачное, сырое, душное подземелье… смрад не дает вздохнуть, кругом тьма… отовсюду несутся стоны, крики и какое-то

дикое рычание… Свеча горела тускло… в комнате было темно, и я насилу забылся. Как только я стал засыпать, вдруг почувствовал в своей руке другую руку. Я вздрогнул, раскрыл глаза, и – Боже мой – что я увидел: предо мною стояла моя мать! Я не мог вообразить, как и каким образом она очутилась предо мною. Да ведь она умерла, – подумал я, – как же она может существовать? А между тем сердце билось при виде дорогой матери. Она была вся в белом, и только в одном месте было черное пятно; лицо ее было сумрачно, и она была вся в каком-то полумраке. «Я – твоя мать, – начала она. – Твои беззакония и твоя распутная жизнь, полная неверия и безбожия, дошли до Господа, и Он хотел истребить тебя, стереть с лица земли. Ты не только погубил себя, но даже запятнал и нас, и это черное пятно на моей одежде – твои тяжкие грехи. Господь, говорю, хотел поразить тебя, но отец твой и я молились пред Престолом Всевышнего о тебе, и Он захотел обратить тебя к Себе, но не милостью, потому что ты этого не мог понять, а строгостью.

Он знал, что одна могила наша для тебя дорога здесь, и потому не допустил тебя к ней, поражая сверхъестественною болезнью, дабы ты признал над собою высшую силу, тобою отвергаемую, но ты не обратился!

Потом Господь послал меня к тебе – это последнее средство для твоего исправления. Ты не признал Бога, будущей жизни, бессмертия души: вот же тебе доказательство загробной жизни: я умерла, но явилась и говорю с тобою; уверуй в отрицаемого тобою Бога; помни твою мать, которая, жизни не жалея, старалась сделать из тебя истинного христианина».

С этими словами лицо ее еще больше помрачилось, глухие могильные рыдания раздались в комнате и потрясли мою душу. «Еще раз заклинаю тебя, – продолжала мать, – обратись к Богу. Ты не веришь и, может быть, думаешь объяснить мое явление расстройством твоего воображения, но познай, что твои объяснения ложны, и я своим духовным существом предстаю пред тобой. И в доказательство этого вот тебе крест, отвергнутый тобою, прими его, иначе погибнешь, уверуй, и твоя болезнь исчезнет чудесным образом. Погибель и вечный ад тебе, если ты отвергнешь меня!» Так сказала мать – и скрылась. Я опомнился и увидал в руке своей маленький крестик, во всей комнате пахло чем-то невыразимо хорошим. Сверхъестественное явление

матери, ее просьбы и проклятия потрясли до самой сокровенной глубины мою душу; никогда, кажется, не бывало со мной такого переворота: совесть поднялась со всей силой, прежние убеждения рушились – и я в минуту, кажется, весь переродился! Какое сладкое, непонятное чувство у меня явилось в груди, и я хотел уже поблагодарить Бога за Его милость, за Его благодатное обращение меня; но вот услышал, что кто-то идет ко мне… я прислушался, и в комнату мою вошел лакей, держа у себя чайную чашку с водою. «Искушай-ка, батюшка, может, и полегче будет; это святая водица с животворящего креста», – проговорил мой лакей, подавая чашку. Я с радостью принял его предложение и, приподнятый им, выпил воды. Господи! Не могу вспомнить без слез этой чудесной минуты, я тут же почувствовал себя здоровым, члены стали повиноваться, язык стал свободно говорить, на месте струпов остались одни пятна, и в том-то подтвердились слова матери. Я встал, и первым моим долгом было помолиться пред образом, который принес мне лакей (у меня же своего не было, потому что я в своем безумном отрицании считал это суеверием!). После этого я пошел в церковь и там молился… И сколько было искренности в этой непритворной молитве, когда душа могла свободно высказаться пред Господом после долговременного рабства в оковах греха и служения сатане! Тут же я отправился на дорогую могилку… целовал я ее, плакал, и эти слезы омывали прежнюю мою жизнь и были раскаянием блудного сына. День моего исцеления – и духовного, и телесного – был 15 июля, и я всегда праздную этот день как день своего избавления. Пробыв еще несколько дней там, я решился ухать оттуда сюда, потому что в судебные следователи туда поступил один товарищ моей буйной жизни, а видеться мне с ним не хочется. В свет же я не поеду, потому что он не мил мне после исповеди и приобщения Св. страшных и животворящих Христовых Таин. Я лет десять не был удостоен этого, вы мне посоветуете, что мне делать для заглаждения прежней моей жизни?

– Долго говорил я с этим господином, – заканчивает батюшка свой глубоко поучительный рассказ, – долго и много я давал ему советов и, наконец, пошел домой. «Слава Тебе, Боже милосердый, показавший свет этому человеку», – думал я, идя домой и сердечно радуясь обращению грешной души на путь истины».

Прот. Григорий Дьяченко. Уроки и примеры христианской надежды. М., 1892

Красные яблочки. Пример загробной благотворительности

Жил в Москве один богатый и благочестивый купец. Каждому бедняку он старался помочь, никому не отказывал ни в деньгах, ни в добрых советах. Однажды он приютил одного беспомощного калеку, кормил и одевал его, а когда добрый купец умер, наследники выгнали бедняка из теплого угла на улицу. С горючими слезами пошел калека на могилу своего благодетеля и, вдоволь наплакавшись, тут же уснул с горя.

И вот является ему во сне покойный купец и спрашивает: «О чем ты так плачешь, Степан Ильич?»

– Как же мне не плакать, – отвечал тот, – когда двери вашего дома для меня уже заперты? Как я теперь буду без вас доживать свой век?

Глубоко вздохнул его благодетель и говорит ему:

– Если уж двери моего дома для тебя заперты, то иди в четвертый дом направо от моего магазина; там есть купец (он назвал его по имени), ступай к нему и скажи: «Ради тех красных яблочек, о которых ты знаешь, дай мне три тысячи рублей», и он даст, и их хватит на твой век. Только молись о моей душе.

Проснулся Степан Ильич, перекрестился и побрел туда, куда ему было сказано в сновидении, которое как живое стояло в его памяти. Приходит в указанный магазин и застает там большую суету: кто меряет материю, кто считает деньги, кто записывает. Не без страха подошел он к самому хозяину, который сидел за большим прилавком и смотрел, как росло его богатство каждый час. Увидев калеку, купец поднялся и приветливо подал ему монету. Ободренный его добротою калека сказал ему, что видел он такой сон, который не смеет даже рассказать, что приснился ему покойный его благодетель и сказал ему вот что.

Купец слушал калеку со вниманием, потом положил на себя крестное знамение и сказал: «Не только три тысячи, но если бы покойник велел дать тебе десять тысяч ради красных яблочек, и тогда я с удовольствием бы тебе дал!» И он приказал тут же отсчитать три тысячи рублей. Никогда не видавший у себя столько денег калека упал

в ноги купцу и сказал: «Ни за что не возьму этих денег, пока вы не скажете мне, что это за красные яблочки, ради которых вам не жаль такой суммы!»

И купец рассказал ему вот что: «В молодости своей я был очень беден и торговал яблоками за копейки. Покойный часто покупал у меня яблоки, чтобы только доставить мне пользу. Раз шел проливной дождь, я промок до костей и очень прозяб. Продать за весь день не удалось ничего, так что вечером не на что было купить и хлеба. Иду по улице и кричу: яблоки красные – хорошие! Покойный увидал меня в окно и позвал к себе. Вхожу на двор – полон двор гостей: это был день его свадьбы. Идти в палаты не смею, смотрю – он выходит сам. «Бедный Николка, – говорит он, – что это ты в такой дождь не сидишь дома?» Я сказал, что еще не ел сегодня – ничего не удалось продать. Он взял у меня корзину с яблоками и говорит:

– Подожди тут.

А сам пошел в палаты. Там все гости окружили его с вопросами. А он говорит:

– Мы тут пируем, братцы, гости любезные, а торговец этими яблоками еще не ел сегодня и просит купить у него этот товар.

– А что вы заплатили за него? – спрашивает один богач.

– Сто рублей.

– Это дешево, я даю 300! – говорит гость.

– А я 500! – говорит другой. – Надо помочь бедняку.

Тогда покойный говорит им:

– Я уже раньше вас купил, не угодно ли вам купить у меня по 50 рублей за яблоко?

– Хорошо! – сказали гости.

И золото посыпалось на стол. Было 60 яблок, и покойный вынес мне за них 3000 рублей.

Со слезами радости и с целым кошельком червонцев пошел я прямо в церковь поблагодарить Бога за такое неслыханное счастье. «Не попусти мне, Господи, возгордиться, – так молился я там, – подай мне, Господи, смысл и уменье, как распорядиться этим добром честно, во славу Твою, на счастье себе и ближним моим!» Вот с чего разжился я по милости Божией; вот почему с радостью даю и тебе три тысячи, чтобы они с моей руки так же умножились, как у меня с руки

покойного благодетеля! Вот тебе и объяснение, что такое красные яблочки!»

Так закончил купец свой поучительный рассказ.

Сергиевский Н.Ф. Тайны загробной жизни, открытые в видениях и творениях свв. отцов. М., 1903

Загробные ходатаи за живых

Весьма поучителен в жизни митрополита Московского Филарета следующий случай загробного ходатайства за живых, передаваемый со слов преосвященного епископа Иакова.

В один из московских монастырей поступил иеромонахом вдовый, престарелый священник из полковых. По прошествии некоторого времени предался он известной и довольно распространенной слабости человеческой – неумеренному пристрастию к спиртным напиткам. На увещаниях архимандрита он слезно каялся и зарекался от своей слабости, однако неоднократно нарушал свой зарок. Архимандрит вынужден был войти к митрополиту Филарету с донесением об этом и с предложением запретить слабому иеромонаху священнослужение хотя бы временно. Доводы архимандрита были, вероятно, довольно основательны, почему владыка в числе других дел тут же решил и это – запретить виновному иеромонаху священнослужение. Резолюция, однако, не была еще написана, и вот, после дел и обеда, митрополит Филарет лег на диван для кратковременного отдыха. И лишь только смежил он глаза в легком сне, как видит своего бывшего владыку, приснопамятного митрополита Платона. Является он к нему, как бы в прежнее время, в своем любимом Вифанском саду, одетый в легкую ряску, с бархатной куфейкой на голове, и, просительно глядя на Филарета, говорит ему: «Василий Михайлович! (Митрополит Платон знавал Филарета еще под мирским его именем.) Прости ты прегрешившего отца Ивана!..» И едва хотел Василий Дроздов, как бывало, повернуться к стопам любимого святителя, как видение исчезло, и сам митрополит Филарет пробудился от сна и открыл глаза, будучи еще объят живостью всей обстановки посетившего его видения.

«Какой такой прегрешивший отец Иван? – подумал владыка. – Много у меня отцов Иванов!..» За разными делами митрополит Филарет в тот вечер забыл об этом видении – и так лег спать.

В ту же ночь видит владыка второй необыкновенный сон. Является к нему император Александр I в походном генеральском

сюртуке и треугольной шляпе с перьями в том виде, как был он в великом походе против французского императора Наполеона I, и тоже просил Филарета: «Не клади гнева, владыка, на моего храброго отца Иоанна!»

«Сердцеведче Господи! – думал проснувшийся от сна владыка. – Кто таков этот отец Иоанн, что вот уже в другой раз души усопших из горних селений приходят просить меня о нем?» И на имевшейся около его постели аспидной доске он записал, как имел обыкновение ловить мимолетные мысли, несколько слов на память. После этого Филарет снова заснул, и спустя малое время из сонной, подобной смерти тьмы сознания проявился пред ним третий величайший образ – образ фельдмаршала Кутузова. Славный победитель Наполеона предстал пред владыкою старым и изнеможденным краткой, но смертельной болезнью своей, поразившей его во время погони за отступившим великим полководцем, и тоже обратил к Филарету просительные слова: «Не входи, владыка, в суд, снизойди к слабости духовника моего Ивана!» И только было хотел митрополит воздеть руку для благословения болящего старца, образ его как бы растаял во мгле, и Филарет снова пробудился…

Уже забрезжил свет утра; пора было вставать. Сильно взволнованный такими необычными снами владыка встал перед образами и в усердной молитве просил у Бога вразумления.

Когда через некоторое время владыка сел за дела, то первое, что он увидел, было дело о неисправном иеромонахе Иоанне, присужденном к запрещению служения. Филарета сразу осенило:

– Вот он! Это и есть иерей Иоанн, чья судьба потревожила душу великих людей в их вечном упокоении и заставила их явиться ко мне, недостойному, с просьбами… Он из полковых и мог быть знаем этими персонами, но что значит столь разнообразное их появление? Почто взволновали душу мою столь дорогие образы?..

Никому не сообщая о своих тайных думах, владыка послал в монастырь за неисправным иеромонахом, чтобы он в тот же день явился лично к митрополиту в определенный час.

Со строгим взором и нахмуренным челом ждал владыка появления приехавшего к нему виноватого иеромонаха.

Отворив двери покоя, где находился митрополит, келейник пропустил мимо себя высокого старца с большой бородой, седина

которого не могла совсем побороть черного цвета молодости, и он пробивался прядями сквозь нее. Помолившись и облобызав руку владыке, иеромонах упал ему в ноги и со слезами стал просить.

– Веем, владыко, почто звал еси мя! Не помяни греха моего! Грех мой предо мною есть выну!.. Не лишай, владыко, благодати благословения десницу, благословлявшую царя на битву!..

Эти слезы и слова старца взволновали митрополита, и он, сдерживая волнение, сказал ему:

– Встань… слабый… и скажи мне, как протекала жизнь твоя и откуда ты произошел?

– Из причетнических детей, владыко, а обучался в Московской духовной академии.

– Значит, ты должен помнить владыку Платона?

– Помнить, владыко! – воскликнул иеромонах, всплеснув руками, причем обильные слезы снова полились из его глаз. – Владыку Платона помнить!.. Пусть прилипнет язык к гортани моей, когда я забуду славить владыку Платона! Забудь меня Господь Бог, когда я хотя раз, отходя ко сну, забуду вознести мою молитву о владыке Платоне!.. Он питал ко мне отчую любовь; я был у него лучшим учеником. Владыка пророчил мне высокую участь, но, волею Создателя, я пошел в белое духовенство, а у владыки Платона явился другой, достойнейший преемник, Василий Михайлович Дроздов, звезда коего воссияла и на ком до сих пор почиет благословение владыки Платона!..

Иеромонах, говоря это, плакал; по лицу митрополита Филарета текли невольные слезы при воспоминании о Платоне, нарекшем его своим духовным преемником в деле проповеди слова Божия.

– Дальше, дальше, – говорил Филарет.

– Дальше?.. Женился, и суета мирская объяла меня… Что должно было расцвести и принести плод еще в состоянии почки, было побито хладом мятежной жизни. При полках протекло мое служение, и с ними я отправился в великий поход против предводителя галлов…

– Так, так… ну и здесь ты имел случай видеться с покойным императором Александром Благословенным?

– Неоднократно служивал я на походе благодарственные молебны о дарованных нашему оружию победах. Хотя меча в руки не брал, но силою креста Господня трижды прогонял супостатов и, вознося его перед строем дрогнувших воинов, вливал новую бодрость и отвагу и

вел на вражеские окопы… Был любим я и простыми воинами, военачальниками, и сам монарх лобызал однажды меня в уста, и слезы блестели в его добрых глазах…

«Так вот ты каков! – подумал про себя Филарет, оглядывая крупную и сильную фигуру иеромонаха. – Действительно, в воинском стане таковому священнику настоящее место…»

– Ты говорил вот, военачальники тебя любили… Ты при Кутузове под Смоленском состоял?

– Не состоял при нем, но был любим маститым князем. Когда в немецкой земле, в городе Бунцлаве, сего предводителя постиг внезапный и тяжелый недуг, я, недостойный, принял от него предсмертную исповедь и напутствовал его в жизнь вечную.

«Так вот он каков – храбрый отец Иван! – думал владыка, созерцая мощную фигуру, стоящую теперь пред ним, скорбно и смиренно согнувшись. – Многомятежна была жизнь его, и в свое время был он истинный иерей Божий и много пользы принес… Не простое это совпадение обстоятельств, столь легко разрешаемое людьми материального образа мыслей… Не войду я в суд с храбрым отцом Иваном, снизойду и прощу ему по глаголу отца моего по духу, владыки Платона!..»

Сказав несколько увещательных слов иеромонаху, владыка преподал ему благословение и отпустил.

– Иди и не прегрешай более, – сказал ему митрополит Филарет.

И после того он по-прежнему стал священнодействовать, но от порока своего скоро совсем избавился.

Сергиевский Н.Ф. Тайны загробной жизни, открытые в видениях и творениях свв. отцов. М., 1903

Предупреждение о смерти

В одном селе жила одна почтенная чета: старик (заштатный священник) и старушка, жена его. Жили они очень долго на свете, и между собою, как говорится, душа в душу. Священник приобрел своей жизнью уважение у многих в окрестности. Это был человек доброго старого времени, хлебосол, приветливый и ласковый со всяким, а главное – благочестивый и добрый. Но всему бывает на свете конец: священник занемог, слег в постель и, напутствованный христианскими таинствами, тихо и мирно перешел в вечность, оставив горько оплакивавшую его спутницу жизни. Старушка, жена его, накануне годичного о нем поминовения после разных хлопот легла немножко отдохнуть. И вот видит во сне покойного мужа. С радостью бросилась она к нему и начала расспрашивать: что с ним и где он теперь находится? Покойник отвечал: хотя я и не обязан с тобой говорить, но так как при жизни не было у меня от тебя никаких тайн, то скажу, что, по милости Божией, я не в аду; скоро и ты последуешь за мною, готовься к смерти через три недели после этого дня.

Покойник медленно удалился, как бы не желая с нею расстаться, а старушка, проснувшись, радостно стала всем рассказывать о своем свидании с покойным мужем. И действительно, ровно через три недели она мирно скончалась. («Душеполезное чтение» за 1868 г.)

Сергиевский Н.Ф. Тайны загробной жизни, открытые в видениях и творениях свв. отцов. М., 1903

Просьба умершей матери о причащении сына

В Париже произошел следующий поразительный случай. Однажды утром к священнику явилась какая-то дама с просьбой отправиться вместе с нею в приготовленной карете для напутствия ее умирающего сына. Взяв запасные дары и все нужное для приобщения, батюшка в сопровождении просительницы отправился в указанный ею дом, где она, когда священник поднимался вверх по лестнице, незаметно скрылась. На звонок священника вышел молодой, по-видимому, самого цветущего здоровья офицер.

– Что вам угодно, батюшка? – спросил он.

– Меня пригласила сюда какая-то дама к ее умирающему сыну исповедовать и приобщить его Святых Таин, – отвечал священник.

– Тут явное недоразумение, – возразил офицер. – В этой квартире живу я один. Я совершенно здоров и за вами никого не посылал.

Священник между тем вошел в квартиру, где увидел в зале портрет позвавшей его пожилой дамы.

– Вот она указала мне вашу квартиру, – сказал священник.

– Помилуйте, батюшка, – возразил офицер, – да ведь это моя матушка, умершая лет 20 тому назад.

Но священник был непоколебим в своих показаниях, а офицер, пораженный необычайностью происшедшего, пожелал исповедаться и причаститься и на другой день действительно, согласно предсказанию покойной матери, скончался внезапно от разрыва сердца.

Свящ. Дмитрий Булгаковский. Из области таинственного. СПб., 1895

Спасительный голос из страны загробной

Один священнослужитель за отличные качества ума и сердца пользовался особенным почетом и уважением духовных и светских лиц, даже самого своего архипастыря. На 16-м году брачной жизни он лишился своей умной, благовоспитанной и благочестивой супруги. Разлука с любимой супругой сильно поразила его. Глубокая скорбь и невыразимая тоска овладели им, он впал в уныние и, при всей рассудительности и разумной твердости своей воли, пошатнулся было и пошел путем несколько опасным.

Вот его собственный рассказ о том, переданный местному достопочтенному протоиерею города Переяслава Полтавской губернии И. Крамаренко достоверными и дружественными по отношению к почившему собрату лицами.

«Лишившись жены, – говаривал он им, – я совершенно растерялся: невыносимая тоска и сильная грусть на моей душе лежали гнетом; ничто не радовало меня, я чувствовал ужасную пустоту в сердце и не знал, чем бы наполнить ее, не находил никаких средств к облегчению моего горя.

В таком скорбном и безотрадном положении пришла мне однажды при отходе моем ко сну искусительная мысль: не легче ли будет, если я выпью немного водки? Не разгоню ли я этим сколько-нибудь своей грусти? Не имея привычки к употреблению хмельных напитков, я долго колебался и как бы боялся испытывать это средство врачевания моей туги.

Но какой-то зловещий дух не умолкая шептал мне: «Выпей, тебе будет легче», и я под напором искусителя не устоял – решился наконец выпить, после чего мне стало как будто и в самом деле легче и веселее.

На другой день тот же дух-искуситель снова пристал ко мне в то же время и с тем же предложением, и я уже менее сопротивлялся ему; а чтобы еще веселее, выпил уже двойную порцию против вчерашнего. На третий день то же искушение. И я для той же цели с некоторым промежутком времени выпил втрое больше.

Не знаю, долго бы я шел этим гибельным путем и куда бы зашел, если бы не остановила меня покойная моя жена. Она явилась в сонном

видении и, принимая искреннее участие в моем положении, сказала мне: «Друг мой! Что с тобой? Ты избрал опасный путь, на котором уронишь себя во мнении людей, а главное – можешь лишиться благоволения Божия, которое доныне почивало на нашем доме. Ты в таком сане, в котором и малое пятно представляется великим; ты на таком месте, откуда видят тебя со всех сторон, и у тебя шесть непорочных птенцов, для которых ты должен быть теперь и отцом, и матерью. Ужели ты перестал дорожить своим саном, своими заслугами и тем почетом, которым пользовался от всех? Ужели для тебя не дорого теперь твое семейство? Ужели твоя жизнь, твои заслуги, твоя честь нужны были только для одной твоей супруги? Подумай, друг мой, об этом; прошу и умоляю тебя: размысли и рассуди здраво и поспеши сойти с того опасного пути, на который ты, к невыразимой моей горести, так необдуманно и опрометчиво попал.

Ты грустишь о разлуке со мной: но, как видишь, союз наш не прерван, мы и теперь можем иметь духовное общение друг с другом, а в жизни загробной можем навеки соединиться на лоне Авраама, если будем того достойны. Ты жалуешься на пустоту в сердце твоем: наполняй эту пустоту любовью к Богу, к детям и братьям твоим; питай душу твою хлебом ангельским (как любил ты называть слово Божие и любил питать им себя и семейство твое); укрепляй себя богомыслием и частым богослужением; молись Богу за меня и за себя, за детей наших и за души, тебе вверенные».

Этот голос искренне любимой супруги моей глубоко проник в мою душу и благотворно подействовал на меня. Я принял его, как голос моего Ангела-Хранителя, как голос Самого Бога, вразумляющего меня, и решился всеми силами противостоять искушению и (благодарение Богу!) при Его помощи преодолел искусителя и твердой ногой стал на путь правый».

И этот незабвенный священнослужитель остальные дни вдовьей своей жизни провел, как проводил и прежде, до смерти своей супруги, – в строгой трезвенности и примерном целомудрии, был образцом благочестивой и богоугодной жизни, дал прекрасное воспитание своим детям и скончался в преклонных летах кончиною мирною и непостыдною.

Сергиевский Н.Ф. Тайны загробной жизни, открытые в видениях и творениях свв. отцов. М., 1903

Загробное вразумление

В Душеполезном чтении за 1861 год напечатан следующий поучительный рассказ.

«Более сорока лет тому назад, – рассказывает один из военных ветеранов, – я знал двух молодых людей, они служили в Переяславском конно-егерном полку обер-офицерами: господин А. православного вероисповедания и господин Ш. – лютеранского. Эти молодые мои приятели были друзьями между собою. Они дали друг другу обет, что тот, кто из них прежде умрет, придет оставшемуся в живых и скажет, что бывает с человеком по исходе души и что ожидает их в будущей жизни.

Несколько лет я не видал ни того, ни другого, однако же знал, что один из них, а именно Ш., умер в 1836 году. Мне предстояла надобность быть в Тамбове, откуда в 25 верстах проживала в одном селе тетка моя. Я приехал к ней с намерением пробыть у нее несколько дней. В первый день моего приезда она рассказала мне об одном страннике, посвятившем себя Богу.

«Он ведет самую строгую жизнь, – говорила она, – так что, почитая себя недостойным входить в храм, часто становится у порога и, несмотря на холод, стоит босиком, носит монашеское полукафтанье и опоясывается ремнем. Не хотите ли видеть его? – спросила она меня. – Он теперь у меня».

Я попросил познакомить меня с ним. Странник по приглашению моей тетки пришел, и что же? Это был А. Я вскочил с места, подбежал к нему и вскричал:

– А это вы?

– Да, это я, – отвечал мне странник, и мы обнялись.

– Какими судьбами ты сделался таким?

Он объяснил, что, по данному обету, его друг явился ему не в сновидении, а наяву, рассказал, что испытывает душа по переходе из тела.

– А что именно – говорить мне запрещено, – прибавил А. – Но чтобы сколько-нибудь понять, что это такое, достаточно тебе видеть на мне вот эту свитку. Вот причина, по которой я, продав свое богатое

имение, употребил деньги на богоугодные дела и хожу, как бедный грешник, умоляя Господа о прощении грехов. Надеюсь, Господь меня не оставит».

Сергиевский Н.Ф. Тайны загробной жизни, открытые в видениях и творениях свв. отцов. М., 1903

Случай из жизни митрополита филарета

Г. Листовский в № 10 «Русского архива» за 1885 год в статье «Рассказы из недавней старины» приводит следующий интересный факт из жизни митрополита Московского Филарета.

«Против одного священника, – говорит Листовский, – было много обвинений. Журнал консистории о запрещении ему служить был подан Филарету на утверждение. Это было на Страстной неделе. Филарет проживал тогда в Чудовом монастыре. Он взял уже перо, чтоб подписать журнал, но почувствовал какую-то тяжесть в руке, как будто бы перо ослушалось его. Он отложил подписание журнала до следующего дня.

Ночью видит он сон: перед окнами толпа народа разного звания и возраста о чем-то громко толкует и обращается к нему. Митрополит подходит к окну и спрашивает, чего им надо. «Оставь нам священника, не отстраняй его!» – просит толпа.

Впечатление этого сновидения было столь сильно, что митрополит не мог отделаться от него по пробуждении и велел позвать к себе осужденного священника. «Какие ты имеешь за собой добрые дела, открой мне», – обращается он к нему. «Никаких, владыко, – отвечал священник, – достоин наказания». Но владыка с настойчивостью убеждает его подумать. «Поминаешь ли ты усопших?» – спрашивает Филарет. «Как же, владыко; да у меня такое правило: кто подаст раз записочку, я уж постоянно на проскомидии вынимаю по ней частицы, так что и прихожане ропщут, что у меня проскомидия дольше литургии, а я уж иначе не могу».

Филарет ограничился переводом этого священника на другой приход, объяснив ему, кто был за него ходатаем. Это так тронуло священника, что он приложил старание к исправлению своему и отличался потом примерною жизнью».

Явления усопших родственников умирающим людям

Смерть – великая тайна. В чем заключается и проявляется загробная жизнь души без тела, мы не знаем, но представляется интересным то обстоятельство, что умирающие нередко как бы предвкушают эту будущую жизнь и видят то, что окружающие смертный одр не видят, не слышат и не замечают.

Жития святых и жизнь подвижников благочестия дают много примеров того, что умирающие праведные люди видят перед самою смертью Спасителя, Ангелов, святых апостолов и святых, а также своих скончавшихся родителей и близких лиц.

Приведу пример кончины моего дяди (брата матери) отрока Василия. Ему было семь лет, когда он заболел детскою болезнью, которая свела его в могилу.

Отрок Василий отличался удивительной кротостью, любил молиться Богу, был необыкновенно послушным мальчиком, которого все любили в семье, любила и прислуга.

Болезнь, которую он захватил, не поддавалась лечению, и наконец доктор сказал, что мальчик умирает. Кроватку его окружили мать, братья и сестры.

Все плакали. Умирающий, пока мог говорить, всех утешал, наконец впал в забытье. Вдруг он быстро приподнялся и сел в кроватке, протянул вперед руки, воскликнув: «Спаситель мой!» – и, откинувшись назад, скончался.

Кончина эта произвела на всех глубокое впечатление.

Мне известен еще подобный случай смерти одной благочестивой крестьянки прекрасной жизни. Она умирала с улыбкой на устах, окруженная родными и близкими людьми. Вдруг она воскликнула: «А вот тетка Лукерья пришла! Вот и дядя Прохор здесь!» – и перечислила еще ряд близких родных, давно умерших.

После этого она тихо скончалась. Эти примеры показывают, что мы не должны бояться смерти, но жить во Христе и умирать во Христе, и что явления умерших перед смертью лишний раз доказывают, что существует связь воинствующей (земной) Церкви с

небесной (торжествующей). Вот почему мы должны постоянно молиться об упокоении родных, друзей и знакомых, подобно тому, как они молятся за нас и своими молитвами нам помогают.

Протоиерей Константин Ровинский. Беседы старого священника. М., 1995

Глава 4
О том, почему православные христиане молятся за умерших

Важность поминовения усопших

Святая Православная Церковь, как благопопечительная мать, заботится о своих чадах, при жизни испрашивает им у Бога здоровья, во всем благополучия и оставления грехов и по смерти возносит о них частые моления к Богу, например, на полунощнице, утрени, вечерни и повечерии она просит о прощении грехов и упокоении их со святыми.

Но особенно на Божественной литургии Святая Церковь вопиет к Богу за умерших, твердо веруя, что Честною Кровию Божественного Искупителя нашего Господа Иисуса Христа отмываются грехи всех поминавшихся за литургией. Это поминовение преимущественно важно в течение первых сорока дней по кончине, потому что в сороковой день изрекается определение Божие о душе, решающее участь ее до Страшного Суда. Потому-то и советуется служить и заказывать о скончавшихся «сорокоусты».

Польза, важность и сила этого поминовения засвидетельствованы многими примерами не только в житиях святых, но и в устных и письменных сообщениях от начала христианства и до настоящего времени, из которых видно, что усопшие ожидают молитв за себя, являясь во сне или в бодрственном состоянии, просят о них, показывая это в различных знамениях или образах.

Архимандрит Пантелеимон. Тайны загробного мира. Киев, 2001

Рассказ протоиерея Бориса филипповского о явлении во сне его жене умершей подруги

Это произошло в городе Старом Осколе в ночь с Пасхального Воскресения на Светлый Понедельник 1912 года. Когда я был женихом Зины, то приезжал в Курск на каникулы и на Святки. Года за полтора до свадьбы в Рождественские святки под Новый год Зина говорит мне:

– Боря, пойдем встречать Новый год к моей подруге Верочке Гостевой, у нее тоже есть жених, Алеша Королев.

Мы пошли, и я в доме у Гостевых в первый и последний раз увидел худенькую девушку, приветливо поздоровавшуюся с нами. Отец у нее умер. Мать и она были хозяйками дома. Встретили шумно в полночь Новый год, провеселились до утра, и больше я Верочки этой не видел. Оказывается, у нее вскоре развилась скоротечная чахотка. 10 июля старого стиля Верочка умерла, о чем Зина написала мне. Так мне жаль было ее, хоть я видел ее всего несколько часов среди шумного веселья!

Похоронили Верочку богато на Херсонском кладбище, могилка с чугунной решеткой, но молиться за нее было некому. Жених Алеша, ученик реального училища, вряд ли, насколько я знал его, молился (он убит на войне с австрийцами в Карпатах в 1914 году), а я, тогда еще студент Московской академии, записал девицу Веру в свое поминание и, как только совершалась литургия в нашем академическом храме, подходил к жертвеннику и просил священника вынуть просфору за нее. А когда в мае 1911 года сам стал священником, то ни одной литургии не пропускал, чтобы от всей души и всего сердца не помянуть угасшую во цвете лет Верочку.

Когда я с молодой женой Зиной священником приехал в Курск, нашим общим желанием было сходить на Херсонское кладбище и отслужить над могилкой панихиду. Как сейчас помню, Зина говорит мне.

– Сходим, Борис, к Верочке на могилку.

Что и сделали. Через месяц еще раз сходили и отслужили вторую панихиду. Таким образом, получилось: за чужого по родству человека молимся усерднее, чем ее родные, что она и высказала во сне.

Настала Пасха 1912 года, первая Пасха в моем священническом сане. Еще надо было объяснить, почему Верочка со своей благодарностью явилась именно на Пасху, не раньше и не позже.

Наша Церковь верует, что на Пасхальной неделе нет преграды между земным и небесным миром, нет мытарств для умерших. Два мира как бы сливаются в духовном общении, внешним знаком чего служат открытые всю неделю Царские врата в храмах. И на данном примере оправдалась эта вера Церкви. Верочка Гостева с благодарностью явилась не в какое другое время, а именно на Пасхальной неделе, в первую же ночь по наступлении Пасхальной Седмицы. Рано утром в Светлый Понедельник Зина будит меня и возбужденно говорит мне:

– Боря, Боря, какой я видела сейчас чудесный сон! Мне сейчас Верочка Гостева явилась и благодарила. В белом платье, такая веселая, и сказала: «Спасибо, мои дорогие друзья! Вы оказались самыми добрыми из всех моих родных и знакомых! Но вам пока рано умирать: поживите, потерпите, а потом мы с вами будем вместе!»

Эти слова Верочки, переданные мне Зиной сейчас же после сновидения, я буквально запомнил на всю жизнь! Я далек от того, чтобы каждый сон считать вещим и придавать каждому сну значение. Но такой сон, как сон Зины, такие слова Верочки, слова, соответствующие фактам, ибо мы молились за нее больше, чем родные, я считаю действительным явлением из загробной жизни и благодарностью «оттуда»!

Записки казанского протоиерея Бориса Филипповского (1885—7.12.1957). www.kds.eparhia.ru

Просьбы из загробного мира

Когда я получил назначение священником храма при N-ской общине, вскоре ко мне пришла сестра главного врача общины и напомнила о себе. Мы оказались земляками, и я вспомнил, что видел ее однажды, когда ей было 16 лет. Она просила меня при совершении литургии не отказать каждый раз поминать ее мать, отца и своего несчастного убитого мужа Павлушу и с этим заплакала.

Я знаю, что она вышла замуж за моего товарища по гимназии – состоятельного молодого красивого человека, избранного чуть ли не с университетской скамьи на видный пост в уезде, очень удивился сообщению о его кончине и невольно воскликнул:

– Когда же Павлуша умер?

– Он убит в 1918 году, – отвечала она мне сквозь слезы.

Я немедленно записал в свой синодик имена всех этих лиц. Отца своей гостьи я помнил с детских лет, так как он был с моим отцом в прекрасных отношениях и бывал в нашем доме.

При совершении литургии я всегда поминал вместе с другими лицами, имена коих были записаны в синодике, и усопших мужа и родителей моей знакомой. При этом я только добросовестно исполнял принятое на себя обязательство, но в молитве не горел.

Через три года храм при общине был закрыт, и я начал совершать литургию раза 2–4 в неделю в другом храме. Не состоя в составе клира этого храма, не извлекая дохода из своей профессии, я занимал, пока был в силах трудиться, скромное место на государственной службе.

Прошло еще четыре года. Однажды у моих знакомых я случайно встретил приехавшую из провинции даму средних лет, читавшую лекции в одном из высших учебных заведений в большом городе, бывшую в дружеских отношениях с хозяйкой дома. Я был ей представлен, причем меня назвали по имени, а фамилию не назвали или назвали так неразборчиво, что она не обратила на нее внимания, ее же фамилию произнесли внятно.

Мы оказались земляками, и фамилия этой дамы мне была хорошо известна, тем более что я встречал ее близкого родственника, когда служил в Петербурге. Я знаю, что она двоюродная сестра моей

знакомой, просившей меня молиться за ее родителей и умершего мужа, и поэтому сказал этой даме:

– Знаете ли вы, что здесь ваша двоюродная сестра?

– Да, знаю, но я не знаю адреса ее сводного брата, доктора. Не можете ли сообщить мне его, и я зайду к ней.

Я исполнил эту просьбу, и дама, очень куда-то спешившая, со мною простилась.

После этого прошло еще около полутора лет. Я продолжал молиться, совершая литургию, за всех усопших, записанных в мой синодик, поминая их не только за проскомидией, но и после освящения Святых Даров.

Однажды зимой, придя в храм в шесть часов утра, в мой очередной день, когда было совершенно темно, я увидел знакомую, в доме которой я когда-то встречал ученую даму, о которой упомянул выше.

Моя знакомая, подойдя ко мне, просила уделить ей пять минут для беседы и затем вынула из ридикюля письмо, полученное ею от этой дамы, прося разрешения его прочесть.

Вот что было там написано:

«Дорогая… Со мной произошел необыкновенный случай, о котором я хочу тебе скорее написать. Третьего дня мне приснилась покойная мама, как живая, и сказала: «Напиши сейчас в Москву отцу (были названы мои имя и фамилия), чтобы он молился за меня и за твоего умершего брата Бориса. Мы очень нуждаемся в молитвах».

Ты знаешь, дорогая, что мы как-то не привыкли задумываться над снами и довольно скептически относимся к таким явлениям, не придавая им серьезного значения, имея дело с точной наукой, почему и я не обратила внимания на сон, который мне приснился. Но в следующую ночь мать мне опять приснилась и сказала: «Дочка! Дело, о котором я тебя просила, серьезное: я и твой брат очень нуждаемся в молитвах. Напиши сейчас же в Москву священнику отцу Константину, чтобы он молился за меня и за твоего умершего брата Бориса».

Проснувшись, я поняла, что этот сон неспроста, и стала наводить справки в городе, где я служу и где фамилия священника, о котором мне говорила во сне мать, известна, справки о нем. Но мне не могли точно объяснить, кто именно из семейства, носившего фамилию, названную моей матерью, принял сан священника.

Уж не тот ли это священник отец Константин, которого я года полтора тому назад встретила у тебя и которого ты мне отрекомендовала как моего земляка? Если это то самое лицо, то попроси его, пожалуйста, отслужить по рабам Божиим Надежде и Борису заупокойную литургию с панихидой и вообще за них постоянно молиться».

Я, конечно, немедленно исполнил просьбу моей знакомой и записал названные мне имена в свой синодик.

Три недели спустя моя знакомая приехала ко мне домой и прочитала мне письмо своей подруги, которая через нее послала мне глубокую благодарность за исполнение просьбы молиться за ее мать и брата и прибавляет: «Вчера мне приснилась мать радостной и сказала: «Спасибо, доченька. Я теперь покойна – отец Константин молится за меня и за бедного твоего брата»».

А через месяц моя землячка прислала мне икону Божией Матери в серебряном окладе, объяснив, что этой иконой мать благословила ее умершего брата на брак, который не состоялся вследствие его внезапной кончины.

Интересно, что икона была копией той иконы, которая была в нашем, ныне закрытом, храме, и, таким образом, я имею утешение видеть перед собою образ, который так чтился у нас, постоянно мне напоминая о храме, где я служил в течение шести лет, помогая настоятелю, и где подвизался незабвенный батюшка.

Каким же образом произошло, что умершая госпожа Б., никогда меня не видавшая и обо мне, наверное, и не слыхавшая, явившись во сне своей дочери, живущей в другом городе, просила именно моих недостойных молитв и назвала мои имя и фамилию?

Объяснение весьма простое: родители вдовы моего умершего товарища, о которых она просила меня молиться, поминая вместе и убиенного ее мужа, были близкие родные госпожи Б. Очевидно, они получили большое утешение и облегчение, когда я молился за них за литургией и, имея общение друг с другом в потустороннем мире, поделились с нею своею радостью. Раба Божия Надежда пожелала иметь такое же утешение, и ей было дозволено сообщить об этом дочери во сне. (Без воли Божией общение умерших с живыми происходить не может.)

Этот случай, который не может быть объяснен положительной наукой, должен дать великое утешение всем верующим, так как он ясно показывает:

а) что умершие помнят о своих близких и могут иметь общение с ними;

б) что они нуждаются в молитвах и, конечно, сами молятся за своих родных и друзей;

в) при содействии и через умерших люди могут получать видимым образом помощь от Бога в скорбях и обстояниях и даже спасение, что тоже подтверждает веру, что земные и небесная Церкви находятся в общении.

*** * ***

Очень мне близкий и глубоко верующий человек, считавший одну очень высокопоставленную особу главной виновницей всех бед, свалившихся на Россию, никогда не молился за нее. Не молился и тогда, когда узнал о ее трагической кончине. Через некоторое время после своей смерти эта особа приснилась ему как живая и, подавая две просфоры, сказала:

– Зачем вы не молитесь за меня? Мы все здесь так нуждаемся в молитвах.

*** * ***

Этот же человек, переписывая синодик, пропустил как-то имя одного умершего епископа, большого молитвенника, бывшего в прекрасных отношениях с его отцом, отпевавшего мать и благословившего его на брак.

Через несколько месяцев этот епископ явился ему во сне и сказал:

– Отчего вы перестали за меня молиться? Я вас знал ребенком и так любил.

*** * ***

Мать одной из моих духовных дочерей – гражданка одного из иностранных государств Запада, где у нее остались дочь и сыновья, лет около двенадцати тому назад уезжала навсегда из нашей республики к своим сыновьям. Ей было много за семьдесят лет, и огорченная дочь за несколько дней до отъезда матери с волнением сказала ей:

– Мама! Я вдвойне сокрушаюсь и горюю в ожидании предстоящей разлуки. Прежде меня печалит то, что мы уже никогда не увидимся, а во-вторых, меня смущает и волнует то обстоятельство, что вы – человек неверующий. Годы ваши преклонные, и жить-то осталось немного, и меня очень страшит ваша загробная участь. Вы знаете, как я вас люблю, и мысль, что вы не будете со Христом и на том свете, меня просто убивает.

С этими словами она с плачем обняла мать.

Растроганная старушка сказала:

– Чем же я виновата, что у меня нет веры в Бога и в загробную жизнь? Но я понимаю твое волнение и грусть и скажу тебе одно: ты знаешь, как я любила твоего покойного отца и как меня потрясла его кончина. Так вот, если бы я его увидела телесными очами, то убедилась бы в существовании потустороннего мира, а следовательно, признала бы и существование личного Бога.

В ту же ночь старушка увидела во сне умершего мужа очень грустным и озабоченным. На вопрос, заданный ею во сне, почему он такой грустный, покойный спутник ее жизни, отличавшийся своей глубокой верой и гуманностью, назвав ее ласково уменьшительным именем, сказал:

– Как же мне не быть грустным? Человек ты старый, смерть не за горами, а когда она придет, мы, так хорошо жившие на земле в любви и согласии, здесь не будем вместе, так как ты не веришь ни в Бога, ни в загробную жизнь.

Это так ее потрясло, что она села на постели и в этот же момент увидела телесными очами покойного мужа уходившим из комнаты и затворяющим за собой дверь. Тем не менее, хотя старушка была очень потрясена тем, что увидела покойного мужа, это необычайное событие все же не пробудило в ней веры, и она уехала за границу неверующим человеком.

Особа эта, несмотря на преклонный свой возраст, еще жива и, по словам дочери, пишет, что читает Евангелие и стала употреблять в письмах выражения и слова, которых дети никогда от нее ранее не слышали, вроде: «Да благословит вас Господь», «Слава Богу», «Бог поможет».

Кто знает, не начинается ли у нее в душе переворот, не просыпается ли вера? Ведь пути Господни, коими Он ведет нас ко спасению, неисповедимы.

Протоиерей Константин Ровинский. Беседы старого священника. М., 1995

Чудесное обретение иконы

2 июля 1893 года к преосвященному Мартиниану, епископу Таврическому и Симферопольскому, явились настоятель Петропавловской церкви о. Димитрий Койко и один из местной интеллигенции, человек с высшим образованием. Они рассказали владыке о следующем.

В ночь на 30 июня означенному лицу приснился сон, что к нему подошел какой-то офицер с окровавленной повязкой на голове и просил его передать священнику Петропавловской церкви вопрос, почему тот не молится за него, а равно не молится тем угодникам Божиим, мощи которых находятся в пожертвованной им иконе, причем прибавил, что 20 июля, на Илию, образу этому исполнится двести лет. Видевший сон немедленно утром отправился к настоятелю Петропавловской церкви и сообщил ему свое сновидение. На это о. Димитрий заметил, что в церкви нет двухсотлетней иконы, так как самая церковь существует лишь с 1805 года, а равно нет икон с частицами мощей, но что его удивляет явление офицера во сне, так как в церкви есть икона, которую, как рассказывал ему предшественник его, протоиерей Руднев, ныне уже умерший, во время Крымской кампании привез какой-то офицер и оставил в церкви с условием, что если он возвратится из Севастополя, то возьмет икону обратно, если же не возвратится, то жертвует ее в храм.

Неизвестный офицер не возвратился, и икона осталась в церкви. Это совпадение побудило о. Димитрия Койко осмотреть эту святыню, причем о. Димитрий как лицу, передававшему сон, так впоследствии и владыке засвидетельствовал, что, состоя четырнадцать лет при церкви, он ни разу не открывал того образа. Немедленно послали за диаконом, и все три лица отправились в церковь для осмотра иконы.

Икона представляла кипарисную доску, на которой старинной живописью изображена Пресвятая Троица, а также лики нескольких угодников. В особом углублении помещался серебряный крест. Когда его с большим трудом вынули, то оказалось, что он раздвигается, и в середине его находятся частицы мощей св. Лазаря, св. великомученика

Феодора Стратилата, св. апостола и евангелиста Луки и св. первомученика и архидиакона Стефана.

Надписи указывали, что тут были еще и другие частицы, в том числе первомученицы Феклы. Но осматривающих ждало еще большее удивление: внизу креста чуть заметной вязью стояла вырезанная надпись, гласившая: 7201 год от сотворения мира, а следовательно, иконе исполнилось двести лет. Когда об этом было доложено преосвященному Мартиниану, то владыка сделал распоряжение, чтобы в этой церкви ежедневно были совершаемы заупокойные ектении о воинах, павших на поле брани за веру, царя и отечество. («Свет», 1893.)

Сергиевский Н.Ф. Тайны загробной жизни, открытые в видениях и творениях свв. отцов. М., 1903

Посмертное явление монахов

В письмах святогорца, изданных в 1858 году, подробно описано посмертное явление одного святогорского монаха Н. духовному его отцу на Афоне. Этот монах, незадолго перед тем утонувший в морских волнах, предстал пред своим старцем и убедительно просил его, а чрез него и всю монастырскую братию (пред которою при жизни погрешил), чтобы они об утопшем возносили ко Господу святые свои молитвы, в которых он, по его словам, крайне нуждается, и затем, дав несколько коротких ответов на вопросы своего отца С., вдруг стал невидим.

Описав этот случай, святогорец присовокупил к рассказу свое мнение в следующих словах: «Бог весть, что теперь происходит с ним (утонувшим монахом) в загробном мире. Если он и не оправдан, то есть надежда, что оправдается: иначе для чего позволено было бы ему возвратиться к братии и просить о себе молитв».

На востоке в одном месте стали рыть землю для основания монастыря и нашли в земле двадцать тел, черных как уголь, но нисколько не тронутых тлением. Святитель, иноки и народ, желая узнать, чьи это тела, стали со слезами молиться Богу, и по их молитвам один из этих несчастных восстал и сказал, что тут был некогда монастырь, что он и девятнадцать его товарищей, несмотря ни на какие убеждения и угрозы настоятеля, жили нечестиво.

И вслед за этим просил, чтобы двадцать иноков обещались пред Богом в течение двадцати лет, проведенных в иночестве, молиться за них Богу с приношением бескровной жертвы. Когда же святитель с иноками изъявил на то свое согласие, усопший оградил себя крестным знамением и опять уснул сном смерти – и сразу же тела его и его товарищей превратились в прах, так что святитель тогда же велел засыпать по обычаю все кости в общую усыпальницу.

Иеромонах Серафим (Веснин Симеон Авдиевич). Сочинения и письма святогорца, собранные после его смерти. СПб., 1858

Молитва сына за отца

В духовном журнале «Странник» за декабрь 1864 года помещен следующий сообщенный священником Флоринским замечательный рассказ.

«У секретаря тверского приказа общественного призрения господина Селинина в 1850-х годах скоропостижно скончался родитель его – причетник одной сельской церкви. Добрый сын, узнав о кончине добросердечного и попечительнейшего отца, впал в сильную тоску. Около года тяготила она его сердце. Но, побывав в родном селе своем спустя год по кончине родителя своего и помолившись над гробом покойного отца, Б. Селинина, несколько утешился, особенно тем, как сказал сам, что видел могилу отца близ самого клироса, на котором певал покойный. Но беспокойные думы о загробной участи покойного родителя не покидали его: тревожимый ими нежный сын спросил один раз не только меня, но и другого общего мне и ему товарища и друга по семинарии – Г.Б. Быстрицкого: «Вы, братья, учились в академии. Скажите же мне: в какое именно время за литургией лучше всего поминать усопших?» На этот вопрос оба мы (тогда еще наставники Владимирской семинарии) отвечали господину Селинину, что лучше всего поминать после пения стиха: «Тебе поем, Тебе благословим».

Недели через две мы увиделись с другом, и вот что он нам рассказал: «Господа, молился я часто во время обедни о покойном моем родителе, но с особенным усердием припал к Премилосердному Господу в прошедший праздник (Духов день) во время пения стиха «Тебе поем» с мольбою об упокоении души моего отца. И что же? В ночь на следующий день (т. е. вторник Пятидесятницы) снится мне во сне, будто бы мой батюшка, придя ко мне, кланяется мне в ноги, не говоря, однако же, мне ничего. Я, не представляя еще, что родитель мой уже умер, с недоумением спрашиваю его: «Помилуйте, батюшка, за что вы кланяетесь в ноги сыну своему? Как можно мне от отца принимать такие поклоны?» Родитель, не отвечая на мой вопрос, кланяется мне в другой раз в ноги, опять не говоря ни слова. «Я, – продолжает Селинин, – представив теперь, что батюшка мой уже умер,

еще с недоумением говорю ему: «Батюшка! Когда вы были в живых, я, обучаясь в семинарии, требовал от вас пособия; теперь Господь благословил меня, и мне можно бы вас утешить, но вы уже умерли. За что же вы мне так низко кланяетесь?»

В ответ на это покойник еще в третий раз упал в ноги сыну, присоединяя слова: «Спасибо, любезный сын, что меня не оставляешь», и с этими словами сделался невидим. Г. Селинин многократно рассказывал мне и Быстрицкому это утешительное сновидение».

Влияние на человеческую душу дивного чина отпевания умерших и заупокойной службы

Просьба умершего профессора об отпевании

Покойный профессор геолог Самойлов был мне дальним родственником. По своей специальности он был очень известен, можно сказать, знаменит. Знала я его давно, а также его брата, тоже известного профессора-физиолога. Оба брата были очень образованные, умные и, разумеется, неверующие.

В 1929 году покойный профессор-геолог должен был ехать за границу на съезд геологов по вопросу фосфатов.

Вечером он с женой и другом обсуждал предстоящую поездку. По уходе гостя внезапно ему стало плохо, и он скончался через несколько минут от припадка грудной жабы. Жена его стала звонить по телефону знакомым и друзьям.

Я пошла к ним. Жена, убитая горем (на ее кровати я увидела небольшой образок). Я постояла, перекрестила его и ушла с тяжелым сердцем. Я знала, что хоронить его будут без церковного отпевания, по-граждански.

На следующий день я пошла в церковь и подала записку за обедней об упокоении его души. Мне пришлось быть и на похоронах его. Тяжелые были для меня эти похороны. Было очень торжественно, много ученых, студентов. Гроб утопал в венках. Похоронами заведовали два ассистента покойного, и я хорошо запомнила их лица. Это было на дому.

Когда стали прощаться с покойным, я одна перекрестилась и перекрестила его, при этом чувствуя, что здесь это как бы неприлично. Но иначе я не могла проститься с ним. На Новодевичье кладбище я не поехала, не хотелось слушать хвалебные речи о нем вместо молитв за него.

Прошло два дня, и я увидела очень знаменательный сон: сидят за столом два брата-профессора, при жизни необыкновенно дружные. И вот вхожу я. Тогда покойный профессор берет брата за плечи и, провожая, говорит: «Иди отдыхай». Затем он обращается ко мне и

умоляющим голосом просит меня дать ему в руки необходимую, очень нужную для него бумагу.

Я тотчас же поняла, что он просит отпевания и ту разрешительную молитву, бумагу, которую при отпевании кладут в руку покойника. Но мне так ясно было его решительное и определенное неверие, что я ответила ему довольно холодно:

– Вы же не верите в загробную жизнь, зачем же вам эта бумага?

На это он мне тут же с живостью ответил:

– Я жив, жив, понимаете, как вы живы. Дайте же мне мою бумагу, мне она нужна.

В это время в комнату входят те два ассистента, которые заведовали его похоронами. Подойдя к нему, они весьма почтительно говорят, что будет заседание в память его научной деятельности как известного профессора и будут прочитаны доклады о его трудах о животной клетке. Они подходили к нему, а он отмахивался от них, говоря:

– Теперь все это мне не важно и не нужно, – а затем, обращаясь ко мне, он снова просит меня нужную, необходимую ему бумагу.

С этим я и пробудилась. Мне было совершенно ясно, что он просил у меня отпевания заочно. Но мне не хотелось этого делать. Я думала, что если отпевать, то нужно известить его жену, хотя бы затем, что ее вина, что его не отпевали. Но идти к жене профессора, рассказывать мне свой сон по малодушию не хотелось. И вот, вспоминая слова двух ассистентов о том, что будут читать о трудах профессора о животной клетке, я старалась убедить себя, что сон мой не имеет значения. Все же он меня мучил, я пошла, рассказала своему духовному отцу и по его совету решила отпевать и сходить к вдове покойного. Всем я дома все рассказала про эту животную клетку, которая, по моему мнению, как к геологу, не подходила к нему.

Я рассказала вдове покойного мой сон и мое намерение отпевать ее мужа заочно в храме, где служил мой духовный отец Р. Она заплакала, благодарила и обещала прийти на отпевание. Ее смущали расходы, но все было сделано бесплатно и очень хорошо, с хором. Прочли ему его молитву, он получил свою бумагу, и у меня полегчало на душе.

Прошло месяца полтора, и мне прислали по почте конверт с траурной каймой – пригласительный билет на заседание, посвященное

памяти покойного профессора геологии. Мне не хотелось идти, так как я в геологии ничего не понимаю, но муж уговорил, так как жена, приславшая нам приглашение, может обидеться.

Мы пошли в Политехнический музей. Огромный портрет занимал большую стену.

Начались доклады. Я слушала рассеянно, мало что доходило до меня. Хотелось молиться за него, вспоминались его слова, что земные дела и земная жизнь ему не нужны. Даже моя слабая молитва ему нужнее…

Но вот на кафедру входит один из тех ассистентов, который мне снился, а за ним и другой – те, что говорили о заседании в память его заслуг перед наукой. И что же? И тот, и другой стали читать о его трудах о животной клетке.

Оказывается, он открыл, что горы вдоль Уральского хребта состоят из остатков морских раковин, так как раньше там было море. Это – его заслуга открытия там животных клеток.

Я вся похолодела, слушая эти доклады. А я-то все ссылалась на эти животные клетки, чтобы не отпевать его. За полтора месяца вперед я узнала об этом. Жутко стало, и муж меня привел домой, потрясенную происшедшим. Не забуду этого вечера.

Рассказ Евгении Александровны Нарсессовой

«Со святыми упокой»

Ни одна христианская Церковь не имеет таких глубоко прочувствованных заупокойных служб, полных глубокой мысли, сердечной молитвы за усопших и выражения надежды, что Господь покроет Своим милосердием их грехи и успокоит в селениях праведных, а среди живых сохранит о них вечную память. Нигде, как только в Православной Церкви, мы не услышим таких дивных заупокойных напевов. Одно православное богослужение об умерших способно дать лицам, потерявшим близких и дорогих людей, утешение, примирить их с совершившимся тяжелым для них событием и успокоить их страдающую душу.

Когда я служил в храме при общине, однажды привезли в нее опасно больную, лет тридцати, красивую даму, которая была в бессознательном состоянии уже в течение нескольких дней.

Муж ее, довольно известный деятель одного из наркоматов, Я-в, безумно ее любивший, впал в полное отчаяние, тем более что все попытки врачей вернуть ей сознание ни к чему не приводили (она заболела менингитом). Через 2–3 дня больная, не приходя в сознание, скончалась.

Это был такой удар для Я-ва, что он окаменел и совсем потерял голову, так что им нужно было руководить, иначе он ничем не мог распорядиться. Он лишился сна, не отходил от умершей, не говорил ни слова, и у него, главное, не было благодетельных слез. Чувствовалось, что свалившееся на Я-ва горе его пришибло, и, несмотря на свой сильный характер и железную волю, он падает под тяжестью постигшего его несчастья, может не перенести его и покончить с собою. Действовал он как манекен.

В таком состоянии Я-в пришел ко мне, чтобы условиться о дне похорон и часе, когда начнется заупокойная литургия.

Видя, в каком тяжелом состоянии он находится – забывал о том, что он начинал говорить, останавливаясь внезапно на полуслове, хватаясь за голову, – я понял, что его может утешить только молитва, почему сказал Я-ву:

– Накануне я отслужу вам по усопшей парастас. Советую вам присутствовать при этом богослужении, которое принесет вам большое утешение в вашем горе.

– А что такое парастас? – спросил меня этот типичный интеллигент, не знакомый с церковными службами.

Я объяснил ему, что это заупокойное всенощное бдение, на котором Церковь особенно молится об упокоении умершего. Через всю службу среди обычных молитвословий всенощной красной нитью проходит теплая, сердечная молитва Церкви об умершем. Церковь с молитвой встречает появившегося на свет человека и, как чадолюбивая мать, провожает его с молитвой после смерти, когда он рождается для новой жизни, до общего воскресения, бестелесной.

Скорбящий вдовец просит меня непременно отслужить парастас. Он пришел к самому началу службы и неподвижно, как каменное изваяние, стоял у гроба своей безвременно скончавшейся жены, с лица коей он не сводил глаз. Он молился, казалось, не замечая ни окружающих, ни того, что происходит в храме, так он был убит и поглощен своим горем.

Но вот певчие запели «Со святыми упокой».

В общине служили на разных должностях несколько бывших монахинь по случаю закрытия одного женского монастыря. Они стали петь в церкви, принеся с собой дивные напевы (киевский и болгарский), которые пелись в их монастыре.

Они много содействовали красоте богослужения в храме общины. Но особенно хорошо они исполняли все заупокойные службы.

Едва раздались первые, хватающие за душу аккорды этой исходящей из глубины сердца молитвы об усопшей, Я-в как-то рухнул на колени и, держась одной рукой за гроб, поник головой и зарыдал.

Мужчины редко плачут, и если такой твердый человек, как Я-в, зарыдал, то это свидетельствовало о том, как велико, как безысходно было постигшее его горе. Но эти слезы оказались благотворными для его организма. У Я-ва пропало «окамененное нечувствие». После службы он подошел ко мне и горячо благодарил за то, что отслужил парастас, прибавив, что он совершенно был не знаком с этим «дивным богослужением».

На похоронах жены он тоже был спокойнее, молился все время на коленях и, прощаясь с телом, прослезился. Но слезы тихо струились из глаз, не было слышно рыданий, которые накануне раздирали вдовцу грудь.

С этого времени Я-в возлюбил меня, был у меня и оказывал мне много знаков внимания и расположения. Потом он получил командировку за границу и самовольно остался там. Оттуда он писал мне и прислал посылку с продуктами (время было голодное). На это письмо я не ответил и не знаю, какая судьба постигла названное лицо.

На мою душу особенно действует, кроме пения «Со святыми упокой», еще песнопение, которое исполняется во время отпевания и панихиды, – «Благословен еси Господи, научи мя оправданием Твоим» болгарского распева.

По моему мнению, трудно лучше выразить и музыкально оттенить скорбь близких лиц, потерявших дорогого человека и в молитве ищущих утешения и успокоения.

Когда скончался император Александр III, в русской посольской церкви в Лондоне была назначена панихида по усопшему монарху. Кроме членов русского посольства и русской колонии в полном составе, на панихиду прибыла английская королева Виктория в

сопровождении членов королевского дома и членов кабинета и нескольких членов парламента.

На всех англичан наше заупокойное богослужение произвело сильное впечатление, но особенно оно потрясло престарелую королеву Викторию. Более всего она растрогалась при исполнении певчими «Со святыми упокой» (всем иностранцам был роздан перевод на английский язык чина панихиды). Вскоре королева повелела внести в чин заупокойного богослужения англиканской Церкви эту молитву.

Все пережитое мною во время отпевания усопших произвело на меня такое глубокое впечатление, что я дал себе слово, что никогда не буду сокращать чина отпевания и чина панихиды. В результате в домовую церковь общины начали приносить для отпевания покойников из соседних приходов, причем родные усопших объясняли, что очень уж хорошо отпевают в нашем храме и дают «большое утешение».

Протоиерей Константин Ровинский. Беседы старого священника. М., 1995

Почему нам снятся наши умершие близкие?

Основываясь на тех данных, какие представляют нам рассказы о явлениях умерших, мы можем отметить следующее. Умершие являются преимущественно близким их сердцу – родным, друзьям и знакомым, хотя иногда бывают случаи явления их и посторонним лицам, даже незнакомым. Почему не все умершие являются в этот мир, а лишь некоторые, неизвестно. Видно только из одного рассказа, что им строго воспрещено являться людям, которые сильно могут испугаться их.

Так как вера в бессмертие души и существование загробной жизни озаряет наш земной путь и раскрывает перед нашим взором назначение земной жизни, то многие умершие являются единственно с целью убедить тех, кто колеблется в вере или совсем потерял ее. Одна умершая, когда явилась больной сестре, которая страшилась смерти, показала ей на самой себе, что есть смерть.

Другие являются близким их сердцу с тем, чтобы уверить, что они снова свидятся в загробном мире, где соединятся навеки. Являются умершие и с тою целью, чтобы известить родных и друзей, как они живут за гробом.

Умершие весьма часто со слезами просят своих родных, друзей и знакомых молиться за них и подавать милостыню. И эти просьбы их, конечно, весьма понятны для нас.

Им дорого и приятно думать, что они не покинуты за гробом, что на земле есть существа, которые помнят их, интересуются судьбою их и желают им блаженства. Но, главное, они чувствуют на себе, как наши молитвы умилостивляют Бога.

Судя по целям, с какими являются умершие, мы полагаем, что души, удостоенные вечного блаженства, редко возвращаются на землю для свидания с живыми.

Если же являются иногда, то стараются проявить свое влияние на живых в смысле нравственного усовершенствования и исправления порочной жизни, отнюдь не вмешиваясь в житейские интересы их.

Многие лица, которые ранее не были убеждены в бессмертии души и существовании загробной жизни, после явлений умерших

навсегда сделались глубоко верующими, и эту веру их уже никакие возражения не в состоянии поколебать.

Архимандрит Пантелеимон. Тайны загробного мира. Киев, 2001

Глава 5
Спасая других – спасаешь себя

С любимыми не расставайтесь!

Минута молчания

Поминать умерших можно только когда веришь, что они живы. Эта парадоксальная, на первый взгляд, мысль подтверждается тем не менее даже не церковным учением, а обычной человеческой интуицией.

«Все там будем…» – так звучит самая распространенная в нашем народе формула поминовения умерших.

И нужно сказать, что это очень глубокое отношение – глядя на чужую смерть, помнить о своей собственной. Но есть очень важный момент, который в этой формулировке никак не обозначен: а собственно, где это – «там»? Что находится за чертой, которую уже перешел умерший и которую рано или поздно предстоит пересечь каждому из нас?

Если за ней лишь пустота, небытие и полное уничтожение человеческого самосознания, тогда сама фраза «все там будем…» лишается всякого смысла, поскольку никакого «там» в этом случае просто нет и быть не может.

Получается, что, поминая наших умерших даже такой простой фразой, мы исповедуем свою веру сразу в три серьезных факта:

1. Биологическая смерть не уничтожает человеческую личность.
2. После смерти, лишившись тела, человек попадает в иной, неизвестный нам пока еще, но вполне реальный мир.
3. Переход в этот мир объективно неизбежен для всех людей, независимо от их личного желания.

Когда близкий человек попадает в больницу, мы навещаем его, носим ему книги, фрукты и куриный бульон в баночке, рассказываем последние новости и, прощаясь, говорим, что завтра обязательно придем к нему снова. Если кто-то из дорогих нам людей находится в заключении, мы тоже знаем, как проявить свою любовь к нему, нам известно, в чем он нуждается, мы собираем ему передачи и шлем посылки, пишем письма, ездим на свидания, короче – делаем все, что может помочь ему перенести тяготы лишения свободы.

Но когда родной человек умирает, это всегда ставит нас в какой-то тупик. Нет, мы, конечно, не стали любить его меньше, горечь разлуки даже усилила наше чувство и помогла понять – как дорог нам тот, кого смерть у нас отняла. Но что делать дальше, как эту нашу любовь выразить, как сделать, чтобы она дошла до любимого и помогла ему или порадовала его там, где он оказался, – этого мы не знаем.

У нас просто нет опыта бытия там – за гранью земной жизни, мы даже представить себе не можем, что же происходит с человеком после смерти. А когда не хватает своего личного опыта, вполне разумно обратиться за помощью туда, где подобный опыт имеется, – обратиться к Церкви, которая уже почти две тысячи лет поминает своих умерших и имеет огромное количество свидетельств действенности молитвенного поминовения усопших.

Поэтому очень часто смерть близкого человека приводит в Церковь даже тех, для кого мнение Церкви никогда не являлось авторитетным во всех остальных вопросах их жизни.

Вообще без веры в жизнь после смерти поминать умерших – довольно бессмысленное занятие. В советский период истории нашей страны была такая традиция – почитать память погибших в Великой Отечественной войне минутой молчания. Для атеистического государства это был очень логичный ритуал. Сердце человека требовало: «Поблагодари этих людей. За твое спокойное и мирное существование они отдали самое дорогое, что у них было, – свою жизнь. Ты навсегда в долгу перед ними, поблагодари их».

Но разум возражал: «Как можно благодарить тех, кого нет? Какие слова можно сказать тому, кого не просто нет рядом с тобой – вообще нигде нет, как не было тебя самого до твоего рождения?» К небытию бессмысленно обращаться с какими бы то ни было словами, здесь действительно остается одно только скорбное молчание, как какое-то торжественное выражение неверующим человеком своего бессилия перед фактом смерти близких людей.

Для атеистического сознания возможны лишь бессловесные формы поминовения умерших, будь то минута молчания или поминальная чарка – молча и не чокаясь.

Но если человек отказывается полагать, что его близкие, умирая, растворились без следа в мировом пространстве, если он верит, что они живы, и надеется на будущую встречу с ними (пускай даже после

собственной смерти), тогда такому человеку для выражения своей надежды, веры и любви просто необходимы слова.

И простого, брошенного походя «…все там будем» здесь уже явно недостаточно. Нужны другие слова – более точные и красивые, нужно понять – в чем смысл такого поминовения, нужно разобраться, наконец, что же происходит с человеком в этом самом загадочном «там», где все мы в конце концов должны будем оказаться.

Чего боятся верующие?

Армянский поэт X века Григор Нарекаци (почитаемый в Армении как святой) писал:

Мне ведомо, что близок день Суда
И на Суде нас уличат во многом…
Но Божий Суд не есть ли
встреча с Богом?
Где будет Суд? Я поспешу туда!

Никто на свете не может предсказать с полной уверенностью посмертную участь того или иного человека. Но Церковь с уверенностью говорит о неизбежном для всех людей событии: после смерти каждый из нас обязательно встретится с Богом.

А вот станет ли эта встреча для человека источником вечной радости или окажется для него мучительной и невыносимой – зависит уже от того, как сам он прожил свою жизнь. Если он готовил себя к этой важной встрече, стремился к ней, если всю жизнь главным критерием оценки своих поступков, слов и даже мыслей для него был вопрос: «А понравится ли это Богу?», то умирать такому человеку уже не очень и страшно. Нет, конечно, предстоящая встреча с Господом вызывает в его сердце волнение и трепет.

Он лучше, чем кто-либо, знает, как часто его стремление жить праведно разбивалось о его же собственную лень, жадность, тщеславие, насколько неудачной была почти каждая его попытка сделать что-то ради Бога, а не ради собственных страстей и капризов. Но он знает также и другое.

Пытаясь жить по заповедям Божьим, он с удивлением и радостью увидал, что Бог любит его даже таким слабым и несовершенным, не способным, по сути, ни на что доброе. Это реальное переживание Божьей любви – главная, самая дорогая ценность в жизни каждого верующего человека. Он научился видеть, с какой трогательной заботой и вниманием участвовал Господь в его земной жизни. И ему кажется нелепым даже предположить, что после смерти Бог отвернется от него и сменит эту любовь на бездушную и холодную справедливость…

Заблудившийся летчик

Отвернувшись от света, мы рискуем оказаться во тьме собственной тени. Если человек сделал главным содержанием своей жизни не стремление измениться к лучшему, не подготовку к этой посмертной встрече со своим Создателем, если он разменял свою жизнь на дешевые или дорогие развлечения, на упоение властью, деньгами или собственной гениальностью, тогда у него возникают серьезные проблемы.

Не научившись любить Бога, не увидав Его любви к себе при жизни, наглухо замкнувшись в скорлупу собственных страстей и желаний, человек не сможет и не захочет быть с Богом и после своей смерти.

Грех ведь тем и страшен, что наслаждаться им человек может, лишь пока он жив.

Назначение души – управлять телом, и только в их совокупном существовании человек может полноценно жить, действовать и изменять себя как в лучшую, так и в худшую сторону.

Смерть отнимает тело у души и делает ее не способной к какому-либо действию, а значит, и к изменению. Душа не может больше ни грешить, ни каяться; и какой она стала к моменту смерти человека, такой и пребудет в вечности. Чтобы это было понятнее, можно представить, что наша жизнь – авиарейс, тело – самолет, а душа – летчик, который знает, что запас топлива у него ограничен и позволяет пролететь, скажем, пять тысяч километров до пункта назначения.

Если он не теряет связь с диспетчером и держит верный курс, то, несмотря на нелетную погоду, плохое самочувствие и неполадки в двигателе, он все же дотянет до аэродрома. Или совершит аварийную

посадку где-нибудь неподалеку, так что спасатели легко смогут его отыскать. Но когда летчик летит наобум, куда глаза глядят, без ориентиров и целей и даже не задумывается, что с ним будет и где он окажется, когда в баках кончится горючее…

Скорее всего такой горе-пилот окончательно заблудится, приземлится совсем уж невесть где, да там и сгинет без вести, потому что непонятно, где искать того, кто летел неизвестно куда. А пешком ему оттуда уже не выбраться.

Господь сказал об этом предельно ясно: «В чем застану, в том и сужу». Это вовсе не означает, будто Богу безразлично, что там с человеком было перед смертью и в каком состоянии он умер. Наоборот, Церковь говорит, что Господь призывает человека на суд в самый благоприятный для его посмертной участи момент. Каждый из нас умирает либо на пике своего духовного развития, либо когда Бог видит, что дальнейшая жизнь будет изменять его душу только в худшую сторону.

А вот взять правильный курс и вывести себя на этот свой духовный максимум человек должен уже сам. И никто за него не сможет проделать эту работу, даже Бог.

Но что же могут сделать близкие для такого потерявшегося летчика, чем они могут помочь ему? Они могут многое – раскалить докрасна телефон начальника аэродрома, до которого не смог долететь пропавший пилот, засыпать письмами министерство, стучать кулаками по столу в различных кабинетах и требовать, требовать, требовать организации новых спасательных и поисковых экспедиций. Право на такую настойчивость дает им любовь к пропавшему.

А наша любовь заставляет нас обращаться к Богу с просьбами о прощении грехов наших близких и об упокоении их «со святыми». В этом и заключается один из смыслов молитвенного поминовения усопших в Православной Церкви.

Мамина рука

Святитель Игнатий Брянчанинов называл существование души в аду бытием без бытия, странной формой жизни в отсутствие жизни. Эту неспособность грешной души к действию мы все, как ни странно, в разной мере испытали уже сейчас, при жизни. Наверное, любой

человек хотя бы однажды переживал состояние глубокой депрессии, уныния.

Когда лежишь на диване, отвернувшись к стене, и никого не хочешь ни видеть, ни слышать. Когда даже солнечный свет мешает жить, и ты бежишь от него, задергиваешь шторы, укрываешься с головой одеялом, только чтобы не видеть мрака, овладевшего твоей душой. Ты еще не умер, но сил и желания жить дальше у тебя уже нет, и кажется, что так теперь будет всегда.

И тут в твою темную комнату войдет мама. Она не будет спрашивать, что с тобой случилось, и даже не станет тебя утешать. Она просто сядет на краешек дивана, возьмет тебя за руку, погладит по голове, начнет говорить о чем-то совсем не важном ни для нее, ни для тебя… В общем, не сделает ничего особенного. Но ты вдруг почувствуешь, что черный мешок уныния, в котором ты провел несколько дней, расползается по швам, и ты снова способен жить.

Оказывается, любовь позволяет нам делиться с близкими самым главным – жизненной силой, самой возможностью бытия. На этом принципе Церковь и основывает необходимость поминовения усопших и возможность изменения посмертной участи тех, кого мы любим и за кого молимся. Да, душа после смерти не может сама изменить себя. Но она может измениться благодаря усилиям тех, кто остался на земле и помнит о ней.

Дело в том, что Церковь – это не просто формальное объединение людей, верующих в Бога. Христиане составляют в Церкви единый организм, в котором состояние одного органа определяет самочувствие всех остальных. Все мы живые клеточки живого Тела Христова. Апостол Павел написал об этом удивительные слова: «…Вы – тело Христово, а порознь – члены», еще: «Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна; или так же голова ногам: вы мне не нужны». Физическая смерть не отрывает человека от Тела Христова. Но те духовные болезни, которые он не долечил при жизни, теперь излечимы только усилием всего организма, сам для себя он уже ничего сделать не в состоянии.

Как же один человек может духовно помочь другому, тем более – усопшему? Точно так же, как в организме одна клетка помогает другой, пораженной заболеванием. Чтобы подавить воспалительный процесс в одной части тела, организм включает иммунные процессы,

которые все силы организма бросают на борьбу с заболеванием. Здоровые клетки берут на себя дополнительную нагрузку, чтобы помочь больным. Так на войне бойцы не бросают раненого товарища, а бережно выносят его из-под огня, рискуя при этом собой. Так в походе груз подвернувшего ногу человека распределяется на всех.

Но помочь больному может только здоровый. Это главный принцип духовной помощи. В этом суть молитвы за другого человека, живого или усопшего – не важно. Для того чтобы помочь ближнему, мы сами должны заняться своим духовным здоровьем, чтобы иметь возможность поделиться им с любимым человеком.

Предположим, наш ближний был при жизни гневлив, любил злословить, пьянствовал и чревоугодничал, был жадным. Значит, мы должны научиться воздерживаться от гнева, удерживать свой язык от злых речей, соблюдать посты, раздавать милостыню и т. д. Проще говоря, нужно самому начать жить по-христиански и тем самым получить возможность делиться этой жизнью с нашими усопшими через молитву.

Любовь реализует себя в жертве. И если наше поминовение будет основано на таком христианском самоотвержении, оно станет для души умершего человека тем самым прикосновением любви, которое способно влить в него часть нашей жизни во Христе.

Богатый родственник

В разговоре о поминовении усопших очень часто упускается важный вопрос: а кому, собственно, больше нужно такое поминовение – им или нам самим? Было бы бесконечной самонадеянностью и дерзостью утверждать, что некто из наших умерших близких попал в ад, нуждается в помощи и его необходимо вымаливать. У христиан есть заповедь не судить ближнего при жизни.

Тем более нелепо выносить приговор тому, кто уже окончил свое земное странствие и предстал перед судом Божиим. Мы можем беспокоиться за него, как родители беспокоятся за сына, уехавшего учиться в далекий город. Но мы не должны забывать, что у нас есть в этом городе богатый и любящий нас родственник. Причем не просто богатый – он в этом городе самое главное лицо и решает там все вопросы, чего бы они ни касались.

И мы не должны рвать себе сердце переживаниями – этот родственник позаботится о нашем сыне гораздо лучше, чем мы сами.

Но эта забота не мешает нам посылать ему письма, посылки со всякими вкусностями и деньги на карманные расходы. Сын может ни в чем не нуждаться, но наш богатый родственник очень деликатен, он не лишает нас возможности проявлять свою любовь подобным образом. И когда мы звоним и просим его: «Ты уж не оставляй там нашего мальчика, пожалуйста! Присматривай за ним, помогай, а то мы тут волнуемся!», это совсем не означает, что без нашего звонка сын остался бы без поддержки и внимания.

Просто мы любим его, а он уехал и теперь далеко. И что мы можем сделать еще, чтобы выразить свою любовь и заботу? Только звонить и слать письма с посылками. Так и молитва ко Христу за наших усопших нужна нам самим не меньше, чем тем, о ком мы молимся.

Потому что у всех нас есть такой богатый родственник. Это – Христос, Который и вочеловечился для того, чтобы сделать нас Своими родственниками по плоти. А родственников не судят беспристрастно, их судят – с любовью. Его суд – не наш суд. Достаточно вспомнить, сколько раз в Евангелии Христос оправдывает и защищает тех, кого люди осудили, причем из самых справедливых соображений.

Слезы, летящие к небу

Чувства, которые мы испытываем, когда умирает любимый человек, прекрасно выразил в своей «Балладе о прокуренном вагоне» поэт Александр Кочетков.

Как больно, милая, как странно,
Срастясь листвой, сплетясь корнями,
Как больно, милая, как странно
Раздваиваться под пилой…
Не зарастет на сердце рана,
Прольется чистыми слезами,
Не зарастет на сердце рана,
Прольется пламенной смолой…

Смерть всегда покушается на самое дорогое – на единство нашей любви. Она пытается оторвать от нас тех, кто делил с нами горести и невзгоды, кто наполнял нашу жизнь смыслом и радостью. Мы давно срослись с ними, они стали неотделимой частью нас самих.

И теперь, молясь за усопших, мы протестуем, мы просто отказываемся признать законность этого разделения любимых людей на живых и мертвых. Бог не создавал смерти, и она не имеет ни силы, ни права на наших близких, потому что у Бога – все живы.

Огоньки свечей, которые мы зажигаем на панихиде, напоминают по форме слезы. Но слеза капает на землю, а пламя свечи всегда стремится вверх. Мы хороним наших близких в могилы, а сердца свои устремляем в небеса, ко Христу, и просим Его, чтобы Он позаботился о тех, кто нам так дорог. А они, быть может, просят Бога позаботиться здесь о нас. Это единство взаимной любви во Христе умерших и живых людей и есть Церковь Христова.

В том же стихотворении Александра Кочеткова есть еще такие слова:

С любимыми не расставайтесь,
С любимыми не расставайтесь,
С любимыми не расставайтесь,
Всей кровью прорастайте в них!

Православные христиане не расстаются со своими любимыми даже после их смерти. Каждый день, поминая усопших в своих утренних и вечерних молитвах, мы вписываем их в круг нашей жизни. Как если бы они вдруг уехали в далекий край и мы просто давно их не видели.

Но при этом мы надеемся, мы очень верим, что когда-нибудь обязательно встретимся с теми, кого мы так любим и кто так любит нас…

Потому что всех нас любит Бог!

Александр Ткаченко. Журнал «Фома», № 8/40, 2006

Что мы можем сделать для умерших?

Всякий желающий проявить свою любовь к умершим и подать им реальную помощь может наилучшим образом сделать это молитвой о них и в особенности поминовением на литургии, когда частицы, изъятые за живых и умерших, погружаются в Кровь Господню со словами: «Омый, Господи, грехи поминавшихся зде Кровию Своею честною, молитвами святых Твоих».

Ничего лучшего или большего мы не можем сделать для усопших, чем молиться о них, поминая на литургии. Это им всегда необходимо, особенно в те сорок дней, когда душа умершего следует по пути к вечным селениям. Тело тогда ничего не чувствует: оно не видит собравшихся близких, не обоняет запаха цветов, не слышит надгробных речей. Но душа чувствует молитвы, приносимые за нее, благодарна тем, кто их возносит, и духовно близка к ним.

О, родные и близкие покойных! Делайте для них то, что нужно и что в ваших силах, используйте свои деньги не на внешнее украшение гроба и могилы, а на то, чтобы помочь нуждающимся в память своих умерших близких, на Церкви, где за них возносятся молитвы. Будьте милосердны к усопшим, позаботьтесь об их душе. Тот же путь лежит и перед вами, и как нам тогда захочется, чтобы нас поминали в молитве! Будем же и сами милостивы к усопшим.

Как только кто умер, немедленно зовите священника или сообщите ему, чтобы он мог прочитать «Молитвы на исход души», которые положено читать над всеми православными христианами после их смерти. Постарайтесь по мере возможности, чтобы отпевание было в церкви и чтобы над усопшим до отпевания читалась Псалтирь. Отпевание не должно быть тщательно обставленным, но совершенно необходимо, чтобы оно было полным, без сокращения; думайте тогда не о своем удобстве, но об умершем, с которым вы навеки расстаетесь. Если в церкви одновременно несколько покойников, не отказывайтесь, если вам предложат, чтобы отпевание было общим для всех. Лучше, чтобы отпевание было отслужено одновременно о двух или более усопших, когда молитва собравшихся близких будет более горячей, чем чтобы последовательно было отслужено несколько отпеваний и

службы из-за отсутствия времени и сил были сокращены. Потому что каждое слово молитвы об усопших подобно капле воды для жаждущего. Сразу же позаботьтесь о сорокоусте, т. е. ежедневном поминовении на литургии в течение сорока дней. Обычно в церквях, где служба совершается ежедневно, усопшие, которых так отпевали, поминаются сорок дней и более. Но если отпевание было в храме, где нет ежедневных служб, сами родственники должны позаботиться и заказать сорокоуст там, где есть ежедневная служба. Хорошо также послать пожертвование в память усопшего монастырям, а также в Иерусалим, где в святых местах возносится непрестанная молитва. Но сорокадневное поминовение должно начаться сразу же по смерти, когда душе особенно нужна молитвенная помощь, и поэтому поминовение следует начать в ближайшем месте, где есть ежедневная служба.

Позаботимся же об ушедших в иной мир до нас, чтобы сделать для них все, что мы можем, помня, что «блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5, 7).

Святитель Иоанн (Максимович). Жизнь после смерти. М., 2008

Как нам помогать усопшим?

В день очередного поминовения всех усопших православных христиан мы все должны прийти в храм Божий, чтобы исполнить свой долг любви и поминовения перед умершими родителями, родственниками и друзьями. «Поминать кого-либо» означает «молиться о ком-либо». В молитвенной памяти об умерших проявляется наша любовь к ним. И как безжалостны мы бываем, когда забываем о них.

Правда, многие по смерти близких им друзей, родных или знакомых, желая сохранить о них память, хранят некоторые их вещи, фотографии, воздвигают памятники, обсаживают могилы их цветами. Конечно, «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» – это свойство любого нормального человека, «в сем обретает сердце пищу», мы все это читали у Пушкина. Но это ли нужно нашим усопшим родным? Ведь это вполне похоже на то, как если бы умирающему от голода вместо хлеба кто-либо поднес цветок с приятным запахом.

Даже из опыта людей, переживших клиническую смерть, достоверно известно, что после смерти тела продолжается жизнь души, которая все видит, слышит, находится в полном сознании, хотя уже и не имеет соответствующих телесных органов. Если есть на то воля Божия, души умерших людей являются живым во сне и даже наяву. При этом они могут оставлять вещественные доказательства своего присутствия, и тому есть документальные свидетельства. А из Святого Евангелия и опыта Церкви мы знаем, как различны судьбы душ умерших людей.

В каком же состоянии живут души, которые перешли в иной мир?

Одни томятся в ожидании страшного приговора на последнем суде Божием. Это души тех, которые на земле не приготовили себя для жизни вечной. Другие находятся в светлой радости. Господь наш Иисус Христос дал нам заповеди блаженства. Если человек живет по этим заповедям, то душа его еще при жизни земной делается радостной и блаженной.

Господь сказал: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Если душа не смиряла себя на земле, то теперь она содрогается там, лишенная добродетелей, ибо Бог гордым противится, а смиренным дает благодать.

«Блаженны плачущие, ибо они утешатся». Кто не плакал на земле о грехах своих, душа того горько рыдает там, видя, что время покаяния безвозвратно ушло.

«Блаженны кроткие…» Кто не был кротким здесь, на земле, душа того ожесточена и там и жестоко страдает от собственной злобы.

«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся». Кто на земле не искал правды словес Христовых и наполнил свою жизнь ложью, душа того страшно голодает там.

«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». Кто убивал младенца во чреве, был немилосердным по отношению к людям, душа того страшно мучается теперь в ожидании наказания, ибо видит, что время делать добро ушло.

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Кто не старался очистить свое сердце от грехов и пороков, провел свою жизнь в блуде, пьянстве, наркотическом дурмане или ненасытной погоне за материальными благами, душа того мучается теперь от стыда за свою смрадность и нечистоту, недостойная видеть Божественный свет.

«Блаженны миротворцы…» Кто не имел мира в душе своей и не заботился о мирной жизни с другими людьми, душа того ощущает там великое смятение.

Но Господь безмерно благ! Он оказывает милость страдающим душам, принимая нашу молитву о них.

Главное моление об упокоении усопших Церковь совершает за Божественной литургией. Для этого следует перед началом литургии подать в храме записки с их именами (вписывать можно только крещеных, православных). Поминовение на Божественной литургии – это наибольшее благо для тех, кто нам дорог.

Кроме этого, по усопшим служится панихида в дни всеобщего поминовения усопших или в частном порядке по просьбе верующих.

В храме принимают и записки для поминовения усопших христиан на 40 дней (сорокоуст), на полгода и на год. В этом случае имена записываются в поминальный синодик, и священнослужители в

течение указанного срока за каждым богослужением молятся о наших близких.

Советский богоборческий период не мог не породить различных извращений в отношении к нормам церковной жизни. На Пасху вместо храма многие шли на кладбища. Вместо поминовения усопших в церкви пили на могиле водку. Тем временем вообще нельзя поминать усопших водкой. Это приносит большие страдания душе усопшего. Пьяного человека и в дом порядочный не пустят, не то что в Царство Божие, а здесь родственники как бы заочно пьют с покойником.

Необходимо помнить и то, что любые домашние поминки должны начинаться с молитвы: «Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего (имя), прости все его согрешения вольные и невольные». Родственники усопшего должны читать за него Псалтирь или акафист «О единоумершем» в течение 40 дней. Тогда усопший будет благодарен своим родственникам и станет утешаться надеждой на помилование и упокоение. Такая молитва необходима и нам, потому что, когда уходит близкий человек, от этого мы глубоко страдаем. И кто может утешить в этот момент, кроме Самого Бога?

Одно из самых тягостных зрелищ на свете – поминки, совершаемые атеистами. Как это происходит, представить несложно. Вот все пришли домой от свежей могилы. Встает старший, поднимает рюмку… И в этот момент все просто физически ощущают, что что-то могут и должны сделать для того, с кем только что простились.

Молитва об ушедших – это потребность сердца. Сердце требует: помолись! Но рассудок, покалеченный безбожием, говорит: «Молиться некому, и от того человека, с которым мы жили еще три дня назад, не осталось уже ничего, кроме безобразия, засыпанного землей». И звучат столь не нужные никому слова: «Покойный был хорошим человеком и добросовестным работником…»

В конце концов, то, что придает смысл жизни, придает смысл и смерти… Именно ощущение бессмысленности жизни, а следовательно, и смерти, делает столь тяжелыми и неестественными похороны атеистов. Событие смерти – одно из важнейших во всей жизни человека. Из Святого Евангелия мы знаем, как различны судьбы душ умерших людей. Одни томятся в ожидании страшного приговора на последнем суде Божием. Это души тех, которые на земле не приготовили себя для жизни вечной. Другие находятся в светлой

радости. Обобщая многовековой опыт посмертных откровений, Церковь свидетельствует о том, что души усопших, находящихся во аде, сильно рыдают и непрестанно вопиют к нам: «о, любимые наши дети, сродники и близкие! Если бы возвратиться к вам и рассказать, какие мы испытываем скорби и лютые муки. Если бы мы получили возможность опять жить на земле, то день и ночь бы каялись. Пусть бы жилище наше было наполнено зловонием и тела наши точили бы черви, мы с радостью терпели бы все это, лишь бы избавиться от этих мук. Не забывайте нас, молитесь о нас, ибо за ваши молитвы, милостыню и ваше собственное покаяние Господь очищает и успокаивает наши мятущиеся души, и мы получаем надежду на помилование».

А между тем живые, часто близкие, даже родные, забывают о них, забывают дети своих родителей, родители – детей, братья – сестер, сестры – братьев. У всех большей частью одна забота – о том, что могут видеть другие, например, дорогие надгробные памятники, а души их сродников, их тяжкая участь – это никого не волнует. А ведь наши предки помнили и поминали не только своих родителей и близких, кого лично знали, но также бабушек, дедушек, прабабушек, прадедушек – и так до пятого или даже десятого колена предков своего рода. И воистину было так, как мы слышим в церкви на заупокойной службе: «память их род и в род».

«Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать… время смеяться, и время плакать», – говорится в Священном Писании. Может быть, самое разительное отличие современных людей от людей прошлых эпох – в неумении умирать. Человек подходит к порогу смерти, не столько стараясь всмотреться за его черту, сколько без конца оборачиваясь назад и с ужасом вычисляя все возрастающее расстояние от поры своей молодости. Старость из времени «подготовки к смерти», когда пора подумать о душе, стала временем последнего и решительного боя за место под солнцем, за последние «права»… Она стала временем зависти.

В середине прошлого века один из константинопольских патриархов так говорил о времени умирания: «Я хотел бы умереть после болезни, достаточно долгой, чтобы успеть подготовиться к смерти, и недостаточно длительной, чтобы стать в тягость моим

близким. Я хотел бы лежать в комнате у окна и видеть: вот смерть появилась на соседнем холме. Вот она входит в дверь. Вот она поднимается по лестнице. Вот уже стучит в дверь… И я говорю ей: войди. Но подожди. Будь моей гостьей. Дай собраться перед дорогой. Присядь. Ну вот, я готов. Идем!»

В наше время очень многие люди по причине различных суеверий или своего полного равнодушия к вере не приглашают священника к своим тяжелобольным, а порой и умирающим родственникам. В то же время священник, являясь к одру больного со Святыми Дарами, несет с собою не весть о приближающейся смерти, а Божественную благодать, которая врачует немощи и очищает грехи – причину всякой болезни. Божественная благодать, носителем которой является священник, вносит в душу больного не смущение и расстройство, а мир и утешение – если только в нем не погасла искра веры и религиозного чувства.

Тот, кто откладывает приглашение священника к тяжелобольному человеку, причиняет страждущему вред, лишает его нравственного успокоения и целительной силы, которая преподается в Святом Причастии. Сила эта многократно приносила болящим не только облегчение, но и полное исцеление, если на то была воля Божия; воздвигала со смертного ложа тех, от кого отказывались врачи.

Как же поступать в случае тяжелой болезни ближнего? В первую очередь – обратиться в ближайшую православную церковь к священнику с просьбой исповедать болящего и причастить его. При этом болящий должен иметь твердое намерение покаяться в нераскаянных грехах с семилетнего возраста и желание причаститься. Принуждение против воли больного недопустимо.

Священник может исповедовать и причастить только человека православной веры или желающего стать таковым (через Таинство Крещения). Больной должен находиться в сознании, ибо потерявшим чувство невозможно исповедаться и принять Святые Таины.

После исповеди и причащения хорошо соборовать больного, ибо в Таинстве Елеосвящения (Соборования) прощаются грехи, забытые по слабости памяти.

Кто скрывает тяжесть болезни, зная о близкой смерти больного, тот становится соучастником и помощником врага рода человеческого – диавола, лишая умирающего христианской кончины и надежды на

блаженное упокоение. Многие люди после смерти их родственника говорят, что «сделали все, как положено»: отпели и устроили поминки. Но никто не задумывается о том, какой великий грех взяли на себя родственники умершего, если по их вине кто-либо из близких ушел в вечность без покаяния и примирения с Богом.

Мы должны верить, что, молясь об усопших, мы молимся в то же время о самих себе, потому что за нашу милость к умершим Господь нам посылает Свою милость, за нашу молитвенную память о них Господь помнит и о нас по Своему милосердию. Мы должны верить, что никакое добро не забывается, не пропадает даром. Всемилостивый Бог по Своей премудрой и всемогущей благости устраивает так: кто молится о покойных, за того после смерти тоже непременно будут молиться.

Священник Вадим Гупало

Спасительная сила поминовения

Следующий случай, передаваемый известным русским святогорцем, также убедительно говорит о силе поминовения усопших.

Один схимник русского Святогорского монастыря пошел в монахи после следующего случая. Живя в молодости беспечно, он любил увеселения, но при всем том был и набожен.

Когда давали в Петербурге театральное представление «Страшный суд» (это было на Масленице), где и он находился, то увидел священную сцену в неприличном месте, вознегодовал на глупость театра и выскочил из него. Через несколько минут после его выхода театр вспыхнул…

Вслед за тем он сильно захворал и два месяца был в крайнем изнеможении. В один день, когда болезнь была в высшей степени, он видит, что два юноши вошли к нему, взяли его за руки и сказали: «Следуй за нами!» Больному представилось, что он, не чувствуя никакой болезни, встал, оглянулся на свою постель и видит, что тело его осталось на ней… Тогда только понял он, что оставил земную жизнь и должен явиться в иной мир. В лице юношей он узнал Ангелов и в сопровождении их долго шел по чрезвычайно трудным и мрачным местам. Наконец ему послышался шум как будто огненной лавы, визг и вопль людей… В страхе и трепете он увидел что-то вроде печей, в которых бушевал огненный вихрь, крутилось пламя и среди него раздавались страдальческие стоны людей; но печи были наглухо закрыты, и только легкий огонь пронизывал сквозь трещины их. Тогда юноши начали объяснять, за какой грех уготовано то или другое огненное место; наконец, показали ему страшное наказание, также пламень и различные виды мучений, за народные бесчинные увеселения и сказали трепетавшему брату: «Если ты не отстанешь от своих грехов и привычек прежней жизни – вот твое место…»

Несчастный, видя огненное свое жилище на целую вечность, дрожал как лист и ни слова не мог выговорить. Вслед за тем один из Ангелов выхватил одного человека из среды пламени, и брат наш видит, что этот несчастный черный, как уголь, весь обгорел и вдобавок

окован с ног до головы, так что ужасно было смотреть на его положение. Тогда же оба Ангела сняли с мучившегося оковы, и как будто мрачная шелуха слетела с него чернота: этот человек сделался чист и светел, как Ангел, вышел прекрасен и с неописанной райской веселостью в очах. Бог весть откуда Ангелы взяли одеяние вроде царской порфиры, блиставшее как снег, и одели этого страдальца. Брат наш между тем, смотря на все это, недоумевал, восхищался и благоговел пред тайною совершившегося чуда и видоизменения в человеке, дотоле страшном и обгорелом, как головня…

– Что это значит? – наконец смиренно спросил он Ангела. – Ради Господа, объясните и скажите мне.

– Эта душа, – отвечал один из Ангелов, – была очень грешна, и потому, отлученная от Бога, должна была, по делам своим, вечно гореть в этом пламени. Между тем родители этого грешника по смерти его много подавали за него милостыни, много делали поминовений при литургии и панихидах, и вот ради поминовения и молитв родительских и ходатайства Церкви Бог умилостивился: душа эта избавлена от вечного мучения и теперь предстанет пред лице своего Господа и будет радоваться со святыми Его вовеки. А ты, – продолжал говорить нашему брату Ангел, – иди еще в свое место и, ежели хочешь избавиться этой гееннской муки, исправься и перестань грешить.

При этих словах видение кончилось. Молодой человек, очнувшись от сна, видит, что домашние плачут по нему и распоряжаются приготовлением его тела к погребению. С того времени бросил он свои привычки и пошел в монастырь. Теперь этот брат уже в схиме и с ужасом рассказывает, что видел своими очами за гробом. А мы между тем не можем не радоваться, благодаря от всей души Господа, что Он ради поминовения церковного и молитв о нас не оставляет нас щедротами и по смерти. (Извлечено из писем святогорца.)

Итак, на вопрос о том, «что бывает с душою человека по разлучении ее с телом?» – вопрос неподвластный познанию человеческому, – на основании слова Божия, учения святых отцов и многочисленных чудесных откровений можно, однако же, с твердой уверенностью отвечать, что это состояние души усопшего до всеобщего суда не есть окончательное ее состояние. Рассуждения святых отцов и очевидные бесспорные примеры свидетельствуют, что

и мы, живые, можем помогать усопшим своими о них молитвами, благотворениями, приношением за них бескровной жертвы, что поминовение, творимое нами по усопшим братьям, приносит им великую спасительную помощь.

Сергиевский Н.Ф. Тайны загробной жизни, открытые в видениях и творениях свв. отцов. М., 1903

Достоверные случаи прощения грехов усопшим

Свидетельства возможности испросить прощение грехов усопшим ходатайством живых, еще пребывающих на земле, находим в жизнеописаниях святых мужей и в благодатных откровениях. Были случаи, что и сами умершие грешники являлись живым и свидетельствовали о перемене своего загробного состояния. В жизнеописании св. Григория Двоеслова, епископа Древнего Рима, находим подтверждение возможности испросить прощение грехов умершему. Однажды, идя по дороге, св. Григорий вдруг остановился и начал молиться об оставлении грехов умершего уже царя Траяна. Скоро он услышал от Бога следующие слова: «Молитве твоей Я внял и Траяну дарую оставление грехов, но ты впредь не приноси Мне молитв за нечестивых».

Об этом свидетельствуют Восток и Запад. Св. Григорий, называемый Двоесловом (Беседовником), сделался Папою в 596 году и умер в 604 году, следовательно, жил в VI и в начале VII века и был одним из великих мужей Римской Церкви. Его молитва за умерших свидетельствует, что в это время заупокойная молитва была общей на Востоке и Западе.

Все Богом установленные средства, как средства для спасения человека, выражающие единение, союз, отношение и общение еще пребывающих на земле с перешедшими в мир загробный и еще не достигшими святости, вместе с тем служат и верным признаком изменения к лучшему загробного состояния покойников по ходатайству о них живых, подвигнутых любовью к ушедшему и надеждой на Божье милосердие. Грешники получают прощение и освобождение из ада. Это догмат Православия, это учение нашей Церкви.

«Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете» (Мф. 7, 7). Это – обещание Самого Господа Иисуса Христа, следовательно, истина; и наше желание, как согласное с волею и желанием Иисуса Христа спасти человека, непременно исполнится, и умерший спасется. Иначе сердце молящегося не согрелось бы благодатью к ходатайству за

умершего. Живой молится за умершего, потому что так угодно Богу. Если же ходатайство живого за умершего угодно Богу, то умерший будет спасен.

Тот же Бог един и всемогущ вчера, сегодня и вовеки. Промысл Божий о спасении рода человеческого и Его любовь к человеку так же сильны, как и прежде. Если ныне не воскресают мертвые, чтобы побеседовать с живыми о спасении тех и других, то причину этого высказал Авраам в притче «О богаче и Лазаре»: «Не поверят живые!..» (Лк. 16, 31). Однако явления мертвых живым во сне и в других видениях были, есть и будут по воле Божией. Вот, например, случай, не подлежащий сомнению, видение во сне – свидетельство об испрошении прощения грехов умершему мужу ходатайством его жены-вдовы, для которой сбылись апостольские слова: «Неверующий муж освящается женою верующею» (1 Кор. 7, 14).

При «Описании знамений и исцелений в 1863 году от Святыни Афонской в России» приложено литографированное письмо, адресованное афонскому иеромонаху Арсению 21 декабря 1863 года, следующего содержания:

«Много скорбели мы, – начинает рясофорная монахиня Симбирского Спасского женского монастыря, мать Досифея, – о смерти нашего брата, князя М.Н. Чегодаева, последовавшей в 1861 году в Самаре. И тем более печалились, что смерть его была внезапной, без покаяния и напутствования Святых Таинств.

Но вот вижу сон, будто я и покойный мой брат идем вместе по прекрасной местности. Подходим к новому, как бы недавно построенному селу, при входе в которое стоит новый высокий деревянный крест, а при выходе из села высится чудесной красоты дом, также новый. Приблизившись к нему, брат с радостным видом сказал мне:

– Вот какое богатое село недавно купил я, и этой покупкой я очень и очень обязан моей жене Ташеньке; надобно написать к ней и поблагодарить ее за сделанную милость для меня.

Я же сказала ему:

– А мне можно, братец, войти в ваш чудесный дом и полюбоваться на него?

Он отвечал:

– Можно, пойдем и посмотрим, как в нем все хорошо.

Вдруг очутилась тут же и его жена, княгиня Татьяна Никифоровна, которую брат стал благодарить за все, что она сделала для него, кланялся ей до земли.

Значение этого сна скоро объяснилось. Я получила письмо от Татьяны Никифоровны, в котором она меня извещала, что ей Господь помог устроить вечное поминовение по мужу, моему брату, во Святом Афоне, во время нахождения в Самаре Святыни Афонской из Русского Пантелеимонова монастыря».

Не видно ли здесь точного исполнения слов Господа Иисуса Христа: «Если молитесь, то истинно говорю вам, все, что вы будете просить в молитве, верьте, что получите, и будет вам».

Церковь ветхозаветная, а равно и новозаветная учила, учит и будет учить о возможности спасения некоторых грешников, верующих во Христа Спасителя, принесших при смерти покаяние, но не успевших сотворить плодов покаяния, и об освобождении их от адских вечных мучений ходатайством Церкви и живых, знающих усопшего. Убежденная в истине, имея многочисленные подтверждения, Церковь несомненно верует, а потому и учит своих членов ходатайствовать перед Богом за переселившихся в загробную жизнь отцов, матерей, братьев, сестер, супругов, детей, друзей, знакомых и вообще, по закону любви, за всех тех христиан, которым обещано от Самого Господа отпущение грехов за гробом, т. е. скончавшимся в вере и надежде.

Ты, Господи, соединивший нас бессмертной любовью, не разлучающий нас и смертью и полагающий предел покаяния нам нашим исходом из этой временной жизни, требуешь молитвы живых за умерших, молитвы за их прегрешения. Веруем, Господи, что Ты даешь просящему у Тебя; следовательно, по молитве пребывающих на земле за перешедших в загробный мир последним являешь Свою милость. Будем же помогать друг другу богоугодными делами, пока не наступил еще тот страшный час, когда уже помощь будет неуместна.

Истинная, благовременная помощь неизбежно производит благотворное следствие. Поэтому Иоанн Дамаскин пишет: «Будем помогать друг другу приносить жертвы братолюбия любящему братство, человеколюбивому и милосердствующему о душах Богу. Ибо Он приемлет их с великим благоволением за тех, которые преждевременно и как бы приуготовившись скончались. Человеколюбивый Господь хочет, чтобы мы молились Ему об этом, и

благоволит исполнять прошения Своих тварей, относящиеся к спасению, и особенно преклоняется не тогда, когда кто хлопочет только ради спасения собственной души, но когда это делает и ради ближнего. Ибо через это он восходит к богоподражанию, испрашивая даров для других, как милости для себя самого, исполняет меру совершенной любви, получает отсюда блаженство и вместе с душой ближнего и для собственной души делает превеликое добро» («Слово об усопших в вере»).

Далее он же пишет, что благость и милосердие Божие будут до Судного страшного дня побеждать осуждение греха. Грех Богом осуждаем, но покаяние вызывает благость Божию. Нет греха, который бы покаянием не изгладился; но покаяние имеет для себя конечное время, после которого оно уже не существует. Блажен тот, кто трудится для своего спасения, но еще блаженнее тот, кто усердствует и за себя, и за ближнего. «Ибо это наиболее приятно и любезно милосердному Господу, чтобы каждый старался помогать ближнему. Этого желает милосердный Бог, чтобы каждый из нас благотворил другому и в жизни, и после смерти; ибо иначе Он не дал бы нам случая совершать воспоминание об усопших при бескровном жертвоприношении, а также творить поминовение в 3-й, 9-й, 40-й, годовой и другие дни, назначенные Церковью для особых молитвословий об умерших…»

Монах Митрофан (Алексеев В.Н.). Как живут наши умершие и как будем жить и мы после смерти. СПб., 1897

Ходатайство живых за пребывающих в мире загробном
(из творений свт. Иоанна Златоуста)

Есть, подлинно есть возможность облегчить наказание усопшего грешника, если пожелаем…

Так, если будем совершать за него частые молитвы, если будем подавать милостыню, то хотя бы он сам и был недостоин, Бог услышит нас. Если ради апостола Павла Он спасал других и ради других милует иных, то не сделает ли того же самого и ради нас? Из собственного его имения, из твоего, из чего хочешь окажи помощь, возлей на него елей, или по крайней мере воду. Он не может представить собственных дел милосердия? Пусть будут дела, совершенные за него таким образом. Чем в больших он виновен грехах, тем более необходима для него милостыня. Теперь она уже имеет силы гораздо меньше, ибо не все равно, творит ли ее кто сам или другой. Итак, чем милостыня менее по силе, тем больше мы должны увеличивать ее по количеству.

Собери вдовиц, скажи имя покойного, пусть они творят за него молитвы и моления. Это сообразно с человеколюбием Божиим. Стоящие вокруг и плачущие вдовицы могут спасти если не от настоящей, то от будущей смерти. Многие получили пользу от милостынь, совершаемых за них другими, если и не стали совершенно помилованы, то по крайней мере получили некоторое утешение.

А если кто одинок и никого при себе не имеет? За то самое он и подвергается наказанию, что не имеет никого, столь близкого к нему и столь добродетельного. Потому, если мы сами не добродетельны, то должны стараться иметь добродетельных друзей, жену сына, для того чтобы получить какую-нибудь пользу чрез них, хотя малую, пользу, однако же – пользу.

Не напрасны бывают приношения за усопших, не напрасны молитвы, не напрасны милостыни. Все это установил Дух Святый, чтобы мы приносили друг другу взаимную пользу; ибо тот получает пользу чрез тебя, а ты получаешь пользу ради него. Ты истратил имущество, решившись сделать доброе дело, и ты для него сделался

виновником спасения, а он для тебя – виновником милости. Не сомневайся, что это принесет великий плод.

Великая честь быть воспомянутым в присутствии Господа во время совершения страшной Жертвы, неизреченных Таинств. Пред лицом сидящего царя всякий может испрашивать все чего хочет, когда же встанет со своего места, то что бы уже ни говорить – будешь говорить напрасно. Так и здесь, пока предлежат таинства, то для всех величайшая честь – удостоиться поминовения. Ибо смотри, здесь возвещается то страшное таинство, что Бог предал Себя в жертву за вселенную. Вместе с этим тайнодействием благовременно вспоминаются и согрешавшие. Подобно тому, как в то время, когда празднуются победы царей, прославляются и те, которые участвовали в победе, и освобождаются те, которые в это время находятся в узах.

А когда пройдет это время, то не успевший получить уже не получит ничего. Так точно и здесь, это время победного торжества. «Ибо всякий раз, – говорит апостол, – когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете» (1 Кор. 11, 26). Зная это, будем помнить, какие утешения мы можем доставить усопшим.

Вместо слез, вместо рыданий, вместо надгробных памятников – милостыни, молитвы, приношения. Будем совершать это утешение им, дабы и им, и нам сподобиться обетованных благ.

Свт. Иоанн Златоуст. Беседа 21 на Деяния святых апостолов. Печатается по книге: Сергиевский Н.Ф. Тайны загробной жизни, открытые в видениях и творениях свв. отцов. М., 1903

Притча о спасении. Видение одним старцем будущей судьбы людей

В одном древнем «Отечнике» содержится следующее поучительное сказание.

Один глубокий старец, живший в уединенной пустыне, впал в уныние, и тьма помышлений начала сокрушать душу его, внушая ему недоумения, правильно ли идет он и есть ли надежда, что труды его увенчаются наконец успехом. Старец сидел, поникши головою. Сердце ныло, но очи не давали ему слез. Сухая скорбь томила его. Между тем, так как он убивался горем, предстал ему Ангел и сказал: «Что смущаешься и зачем помышления входят в сердце твое? Не ты первый и не ты последний идешь путем этим. Многие уже прошли им, многие идут, и многие пройдут в светлые обители райские. Ступай за мною, я покажу тебе разные пути, какими ходят сыны человеческие, равно как и то, куда приводят эти пути. Смотри и вразумляйся».

Повинуясь мановению Ангела, старец встал и пошел, но едва сделал несколько шагов вперед, как стал вне себя и погрузился в созерцание дивного видения, которое открылось умным очам его. Он видел по левую от себя сторону густой мрак, как стену непроницаемую, внутри которого слышал шум, тревогу и смятение. Всматриваясь внимательно во мрак, увидел он широкую реку, по которой волны ходили взад и вперед, вправо и влево, и кто-то всякий раз, как мелькала пред очами его волна, как бы на ухо внятно произносил старцу: это – волна неверия, беспечности, холодности; это – немилосердия, разврата, взяточничества; это – неги, забавы, зависти, раздора, а это – пьянства, нечистоты, лености, неверности супругов. И всякая волна поворачивала пред ним несметное множество людей, поднимала их из реки и снова погружала в глубь ее. В ужасе старец воскликнул: «Господи! Ужели все сии погибнут, и нет им надежды спасения?» Ангел сказал ему: «Смотри далее и узришь милость и правду Божию».

Старец взглянул еще на реку и увидел ее по всей широте и по всей долготе своей покрытою малыми ладьями, в которых сидели светлые юноши со всякого рода орудиями ко спасению утопавших. Они всех

призывали к себе, иным подавали руки, другим спускали жерди и доски, кому-то бросали веревки, а иногда погружали вглубь багры и крюки – не ухватится ли там кто? И что же? Редкий-редкий откликался на призывный голос их, и еще менее было таких, которые пользовались как следует подаваемыми им орудиями спасения. Большинство же с презрением отвергало их и с каким-то диким услаждением погружалось в реку, издававшую чад, смрад и гарь.

Старец простер взор свой вдоль реки и в конце ее увидел бездну, в которую низвергалась она. Юноши в большом количестве стремительно плавали в ладьях туда и сюда у самого края бездны, заботливо подавая помощь всякому; но, несмотря на то, каждую минуту на каждой точке реки целые тысячи людей вместе с рекою низвергались в бездну. Оттуда были слышны одни стоны отчаяния и скрежетание зубов. Старец закрыл лицо свое и зарыдал. И был к нему голос с неба: «Горько, но кто виноват? Скажи, что бы мог Я сделать для спасения их, чего бы не сделал? Но они с ожесточением отвергают всякую подаваемую им помощь. Они отвергнут и Меня, если Я снизойду на помощь к ним в самые безотрадные места их страданий».

Успокоившись несколько. Старец обратил очи свои на правую сторону, к светлому востоку, и утешен был отрадным видением. Те, которые, внимая зову светлых юношей, подавали им руку или хватались за какое-либо спасительное орудие, были извлекаемы ими на правый берег. Здесь принимали их другие лица, вводили в небольшие стройные здания, рассеянные в большом количестве по всему протяжению берега, где обмывали их чистою водою, облекали их в чистые одежды, опоясывали, обували, давали посох и, подкрепив пищею, отсылали в путь далее к востоку, заповедав им не озираться вспять, идти без остановки, внимательно смотреть под ноги и не пропускать ни одного подобного здания без того, чтобы не зайти в него и не подкрепить себя в нем пищею и советом от тех, чьему попечению вверены сии здания, равно как и все заходящие в них. Старец провел глазами по берегу и увидел, что на всем протяжении его готовятся в путь эти избавленные. На лицах всех отпечатлевались радость и воодушевление. Видно было, что все они чувствовали особенную легкость и силу и с некоторою неудержимостью устремлялись в путь, первые стадии которого были усеяны приятными цветами.

Старец обратил свой взор далее к востоку, и вот что ему открылось. Приятный луг оканчивался недалеко от берега, далее начинались горы, лежавшие хребтами в разных направлениях. Они были то голые и утесистые, то покрытые кустарниками и лесами, поднимаясь все выше и выше и пересекаясь пропастями. Повсюду на них видны были путники-труженики. Иной карабкался на крутизну, другой сидел утомленный или стоял в раздумье, третий боролся со зверем или змеею, один шел прямо к востоку, а другой по косвенному направлению, а иной перерезал поперечно пути другим, только все были в труде и поте, в борьбе и напряжении сил – и душевных, и телесных. Редкий путник всегда видел дорогу, часто она совсем пропадала или раздроблялась на распутья; в ином месте ее скрывали туман и мрак; в ином пересекала пропасть или крутой утес; там преграждали ее звери из дубравы или ядовитые гады из ущелий.

Но ведь что дивно! Повсюду по горам рассеяны были красивые здания, подобные тем, в которые были принимаемы в первый раз спасенные от воды. Коль скоро путник заходил в них, как ему заповедано вначале, то как бы он ни был изможден до того времени, выходил оттуда добрым и полным сил. Тогда звери и гады не могли выносить взора его и бежали от него, никакие препоны надолго не останавливали его, и он легко и быстро отыскивал скрывавшийся каким-либо образом путь по тем указаниям, какие получал в тех зданиях. Всякий раз, как преодолевал кто препятствие или одолевал врага, становился крепче, выше и статнее. Чем выше кто восходил, тем более хорошел и светлел. К вершине горы местность опять становилась гладкою, цветистою, но вступавшие на нее скоро входили в светлое облако или туман, из которого более уже не показывались. Старец приподнял очи выше этого облака, и из-за него или из-за горы увидел чудный неописуемой красоты свет, из которого доносились к нему сладостные звуки: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф!» Старец в умилении пал ниц, и под ним звучно пронеслось слово Господне: «Так бегите, чтобы получить» (1 Кор. 9, 24).

Поднявшись снова на ноги, старец увидел, что с разных высот горы немалое число путников в разных местах стремительно снова бежали к реке, то молча, то с криком и хульными, бранными словами. К каждому из них и сверху, и снизу обращаемо было воззвание: «Остановись, остановись!» Но, гонимые какими-то малорослыми

муринами, они не внимали остережению и снова погружались в реку. Тогда старец воззвал: «Господи, что сие?» и услышал в ответ: «Плод самочиния и непокорливости богоучрежденному порядку!» Тем видение кончилось. Ангел, показавший все это старцу, спросил его наконец: «Утешен ли?» И старец поклонился ему до земли.

Это поучительное видение, представившееся духовному взору благочестивого старца как бы в виде некоей притчи, по изъяснению преосвященного Феофана Затворника, обозначает следующее.

«Река есть мир, погруженные в ней – люди, живущие по духу мира в страстях, пороках и грехах; светлые юноши в ладьях суть Ангелы и вообще призывающая к спасению благодать; бездна, в которую низвергалась река с людьми, есть пагуба; красивое на правом берегу здание – церковь, где чрез Таинство Покаяния или Крещения обратившиеся грешники омываются от грехов, облекаются в одежду оправдания, препоясуются на путь ко спасению; восход на гору с разными затруднениями – разные труды в очищении сердца от страстей; звери и гады – враги спасения; гладкая к вершине местность – умиротворение сердца; светлое облако, скрывающее спутников, – покойная смерть; свет из-за горы – рай блаженный; здания, рассеянные по горе, – храмы Божии. Кто заходит в сии здания на пути – т. е. принимает таинства и участвует в священнодействиях и молитвословиях церкви, пользуется советом и руководством пастырей, – тот легко преодолевает все препятствия и скоро приходит к совершенству, а кто самолично отвергает их, не подчиняясь указаниям и советам пастырей, тот скоро падает, и дух мира снова увлекает его».

Сергиевский Н.Ф. Тайны загробной жизни, открытые в видениях и творениях свв. отцов. М., 1903

Никогда не говори «прощай»

Помнить о смерти нужно. Помнить, но не бояться. Ведь смерть – это путь, к которому мы готовимся всю жизнь. Когда мы вступим на этот путь, знает лишь любящий нас Господь. Ни нам самим, ни нашим близким не дано прогнозировать времена и сроки. Нужно быть просто всегда готовыми, а Господь Сам знает, когда это должно произойти. Святые отцы настаивали, что неведение смертного часа также относится к области Божественного замысла. Если бы человек знал о смертном часе, то принужден был бы делать добро из страха приближающейся кончины. И, напротив, не радел бы о спасении, зная, что время еще есть… Но тайна часа смертного ставит нас перед необходимостью каждую минуту жить как бы последнюю.

К.С. Льюис писал, что христиане никогда не должны говорить «прощай».

Это верно. Смерти нет. Есть лишь уход в иной мир. Как отъезд, например, в далекую другую страну: он может быть печальным, грустным. Но это временный отъезд. В свое время мы приедем к близким нам людям. Мы всегда будем вместе. Ничто не разлучит любящих.

Смерть побеждена Христом. Смерть – это переход в блаженную жизнь с Господом, переселение на Небеса, а никак не уход во тьму. Разумеется, все это говорится о тех, для кого Христос был центром жизни, кто подражал Христу и считал благодать Божию большим из сокровищ мира. И все же… смерть – аномалия. Хотя сегодня это и переход к Богу, но постольку, поскольку смерть есть разлучение души с телом, то есть нарушение богозадуманного принципа, смерть – это неправильность, увечность нашего мира.

Именно поэтому и плачем мы, провожая в мир иной близких и друзей наших. И Сам Христос показал нам пример, прослезившись над почившим Своим другом Лазарем. Святитель Иоанн Златоуст говорит об этом так: «плакать – можно, я не воспрещаю этого, потому что я не зверь и не бесчеловечен… Но плачь тихо, благопристойно, со страхом Божиим. Если плачешь так, то это знак не того, что не веруешь воскресению, но того, что печалишься как человек, не

сгибаясь, однако, от разлуки с близким». Провожая дорогого нам человека в мир иной, будем плакать, как если бы провожали уходящего в далекую страну.

Священник Константин Пархоменко

Что нужно для встречи смерти с радостным желанием?
(Из творений преосвященного епископа Феофана Затворника)

Год от году приближаясь к смерти, мы должны всячески заботиться о том, чтобы смерть наша была не терзательным и мятежным отторжением души от тела, а мирным и безмятежным исходом из нашего мира в другой, подобно тихому и покойному засыпанию… Спрашивается, как этого достигнуть и что требуется для этого с нашей стороны?

Смерть не есть уничтожение, а переход из сего земного жилища в другое. Но когда из одного места в другое переходят не только с душою покойною и мирною, но и радостно? Тогда, когда ни к чему не привязаны в том месте, из которого выходят, а того места, в которое переходят, не только не страшатся, но и всячески желают ради чаемых в нем утешений и приятностей. Расположимся же подобно этому и относительно смерти, и мы встретим ее не только без скорби и страха, но и с радостным желанием… Именно:

1. Погасим в себе всякое пристрастие к телу и всему телесному, к земле и всему земному. Ибо когда ничто не привязывает к земле – откуда будет скорбь при оставлении ее? Как свободно и легко отделяются одна вещь от другой, когда они не связаны и не склеены, а только приложены друг к другу, так легко будет и отделение души от тела, когда в ней не будет привязанности к телу и когда она, пребывая в теле, не для тела жительствует.

Странник, идущий к месту назначения, спокойно и охотно оставляет места, где останавливается. Почему? Потому что они для него чужие. Так, и когда сердце тоже будет считать чужим себе все земное, нам не трудно будет перейти в другую жизнь.

Конечно, нам нельзя быть без некоторых вещей или даже многих вещей. Но можно так расположить к ним свое сердце, что с ними так же легко будет расстаться, как скинуть ненужную нам одежду. Об этом

и позаботимся. Трудновато сие? Да… но можно сделать сие не вдруг, а мало-помалу.

Как враг опутывает душу пристрастиями земными? Навязывая их одно за другим подобно тому, как паук опутывает попавшихся в сети насекомых, набрасывая на них паутинку за паутинкою. Наоборот, кто хочет выпутаться из этих сетей, пусть ухитряется действовать противоположно тому – отсекать одни пристрастия за другими, начиная с меньших и доходя до больших. Как завязший в тину выдергивает член за членом, пока совсем не освободится, так станем отсекать пристрастие за пристрастием, пока не станем совершенно свободными. Если употребим такой труд, то к часу смертному можем быть совсем уже отрешены от всего и готовы без скорби оставить землю и все земное, ожидая только мановения Божия.

2. Но не одни пристрастия земные могут возмущать покой души в час смерти. Не менее тревожит и страх – как явиться на тот свет, где надо стать пред Лице Бога – Судии праведного, очи Которого – светлые солнца – все проникают и все видят. А у нас много грехов. Как тому, кто знает за собой, что страшно идти к начальнику и тем более к царю, – так страшно грешному предстать пред Богом, так страшно, что, по слову Божьему, они [грешники], бывает, кричат: «горы падите на нас»! Причина тому – грехи, оскорбляющие Бога. Потому, если кто желает без страха встретить смерть и спокойно перейти на тот свет, пусть позаботится о том, чтобы быть безгрешным, или, если уже согрешил, пусть сделает так, чтобы грехи сии не послужили ему в осуждение. Как это сделать? Искренним покаянием и решимостью – не нарушать более заповедей Господних. Кто грешил – вперед не греши, а о прежних грехах принеси покаяние. Покаяние и сокрушение о грехах с исповедью и обещанием не грешить более изглаждают грехи отовсюду, где они печатлеются – из существа нашего, из всего окружающего и даже из памяти Божией, – и делают кающегося грешника неповинным пред Лицом Бога Праведного, облекая его одеждою оправдания, заемлемой от ризы Господа, ради нас пострадавшего… Разрешение священническое раздирает рукописание грехов, а разодранное рукописание теряет всю свою силу по воле Самого Судии, Который сказал: «что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Мф. 18, 18). Уверенность в этом исполняет сердце грешника надеждой, хотя он знает, что грешил, но идет пред Судиею

без трепета, зная, что его предварило там уже оправдание или что там при Судии есть и Ходатай, готовый заступиться за него… «Если бы кто согрешил, то мы имеем ходатая пред Отцем, Иисуса Христа, праведника» (1 Ин. 2, 1).

Если б какой преступник уверен был, что за него заступится наследник престола, глас коего силен у царя, то без боязни шел бы к царю, какое бы преступление ни сделал. Так без страха и смущения может являться пред Судией Богом и грешник покаявшийся; ибо там за него заступится Единородный Сын Божий, грехи наши взявший на Себя и вознесший на древо и сказавший: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. 11, 28).

Итак, кто хочет спокойно умереть – покайся и впредь не греши.

3. Если затем к двум расположениям, т. е. отрешению от всего земного и покаянию, присоединим еще возжелание благ будущих, то смерть будет встречена нами не только без скорби и страха, но и с охотою. Охотно иной оставляет дом, когда в нем сыро, или печи дымят, или кровля худая… Иной, хотя и не встречает в доме таких неприятностей, охотно переходит в другой дом ради того, что предполагает в нем найти более удобств и выгод житейских. Так, когда мы умом постигнем и сердцем ощутим, с одной стороны, скудость и ничтожность благ здешних, с другой – высоту и необъятность благ, ожидающих нас в другом мире, то не только с охотой, но и с сильным устремлением будем желать перехода из этого мира в другой, подобно апостолу Павлу, который говорил о себе, что сильно желал бы разрешиться и со Христом быть и Пречистой Владычицей, Которая каждое утро ходила на гору Елеонскую (где потом на краткий срок было положено и тело Ее) и молила Божественного Сына Своего, чтобы поскорее взял Ее отсюда и дал возможность зреть красоту Лица Его… в селениях небесных. Душа, постигшая, что значит жизнь здешняя и жизнь в другом мире, будет воздыхать о сей последней, как пленный воздыхает об отечестве, странник – о родном доме и сидящий в темнице – о свободе. И будет с немалым желанием призывать к себе смерть – как правительницу, благодетельницу и утешительницу.

Спросите – как возвести душу к такому настроению?

Можно размышлением о ничтожестве благ земных и величии благ небесных, а вернее всего – ощущением горечи всего земного, вкушением сладости небесного. Ибо тогда выйдет то, что, вкусив

сладкого, не захотят горького – отвратятся от последнего и возжелают первого. Тогда душа будет бежать из сей жизни в другую, как бегут из душной комнаты на свежий воздух.

Вот и все, что нужно нам, чтоб умереть спокойно.

Не иметь пристрастия к здешнему, совесть очистить, жить добродетельно, воспитать в себе сильное желание благ вечных. Первое и последнее придут сами собою, когда будет главное, т. е. чистая совесть и добрые дела…

…Среди всего неверного на земле одно, несомненно, верно – то, что мы умрем… и что смерть будет для нас или горька и мучительна, или отрадна и сладостна. Не сделаем же себя врагами себе, неразумно огорчая переход свой из сей жизни в другую, тогда как обладаем всеми способами к тому, чтобы усладить его. Ныне или завтра смерть, будем готовы. «Се, гряду скоро», – говорит Господь (Откр. 22, 12).

Свт. Феофан Затворник. Печатается по книге: Сергиевский Н.Ф. Тайны загробной жизни, открытые в видениях и творениях свв. отцов. М., 1903

Послесловие

Практически все сведения о загробной жизни получены живыми во время сновидений или от умерших, являющихся им по воле Божией. О сонных видениях, во время которых видевшие их получали важные для них сведения, написано во многих местах Священного Писания. Но в то же время из житий святых известно, как осторожно относились духовные люди к любым явлениям из загробного мира, будь они во сне или наяву, опасаясь бесовских искушений.

Современные люди, как правило, не имеющие духовного опыта, очень часто из-за своего нездорового интереса к потусторонней жизни попадаются в сети лукавого. Некоторые даже глубоко верующие люди буквально одержимы размышлениями о своих снах. Каждое утро, просыпаясь, они начинают свой день не с молитвы, а с разбора и анализа своих сновидений. Любой сон они готовы истолковать как Божье послание, даже не предполагая, что могут попасть под влияние князя тьмы, который потихоньку, исподволь, через вещие сны может изменить их жизнь и сделать своими рабами.

Нужно помнить, что сны-видения, в которых события воспринимаются ясно, как наяву, и которые попускаются Богом с целью вразумить живущих, – явление довольно редкое. Но нужно ли именно нам такое вразумление?

Не достаточно ли примеров из жития святых и случаев, приведенных в православной литературе? Для чего это нездоровое стремление познать все на своем опыте, подвергая себя опасности попасть под влияние духов тьмы – мастеров подделки под Ангелов света? Из святоотеческого наследия известно достаточно случаев о кознях дьявола, который искушал праведников явлением бесов под видом усопших близких, святых и даже самого Иисуса Христа. И нужно отметить, что не все распознавали истинную суть явлений и были обмануты бесами в свою погибель, хотя обманутые и вели высокодуховный образ жизни.

Тем более опасен всякий контакт с пришельцами из загробного мира для современных людей, не имеющих практически никакого опыта в духовной борьбе. Если же вам приснился умерший близкий, а

сон был необычен и больше был похож на явь, то сходите в церковь, подайте заказную записку об упокоении с именем умершего на литургию, подайте в память о нем милостыню, отнесите еду на панихидный стол.

Будьте бдительны и при прочих явлениях в виде Ангелов и святых. По своей греховности и духовной слабости вряд ли мы достойны явления истинных Ангелов света. Ну а как быть, если пришельцы из загробного мира появились и даже заговорили? Как распознать, явились ли они по воле Божией или это искушающие нас посланники князя тьмы? «Испытывайте духов, от Бога ли они», – советует апостол Иоанн. Крестное знамение – главное оружие против бесов. Не выносят они Святого Креста и сами сотворить крестное знамение не в состоянии. Расскажите о явлении духовнику.

«Итак, ясно, что час смертный от нас сокрыт и что смерть случается иногда внезапная. Истинно это и справедливо; но мы можем и освободиться от страха смерти. Для этого мы должны быть верными и мудрыми рабами Господними, как Авраам и Исаак и другие святые мужи: тогда умрем мы старцами, исполненными дней, в старости маститой. Умрем не принужденно и внезапно, но радостно и в чаянии блаженства в лике праведных. Будем рабами мудрыми и верными, как Иаков и Иосиф, тогда мы предузнаем и час своей кончины, и каждый из нас скажет: «Вот, я умираю» (Быт. 48, 21). Тогда увидим мы чад своих и отойдем от сей жизни, благословляя и молясь о чадах своих. Тогда заповедаем мы о погребении своем, и уснем, и почием в мире и вечной радости.

Итак, будем рабами Господними, верными и мудрыми: верными – храня и соблюдая, как зеницу ока, даже до последнего вздоха, православную веру; мудрыми – удаляясь от всякого греха, исполняя всякую правду, тогда не устрашимся мы смерти и вечного мучения; ибо, когда придет к нам час смертный и найдет нас готовыми встретить его, тогда Владыка и Господь наш вчинит нас в лик блаженных и праведных, ибо Он сказал: «Блажен тот раб, которого господин его, придя, найдет поступающим так» (Мф. 24, 46).

А так как ни один человек не может сказать о себе, что он во всякое время готов к будущей загробной жизни, то будем по крайней мере твердо надеяться на Всеблагого Бога, что Он Сам по

неизреченной любви Своей к роду человеческому и ради бесценных заслуг Господа нашего Иисуса Христа спасет нас»[21].

Библиография

1. *Булгаковский Д.Г., священник*. Из области таинственного. М., 1895.

2. *Иоанн (Максимович), святитель*. Жизнь после смерти. М., 2008.

3. *Марк (Лозинский), игумен*. Отечник проповедника. 1221 пример из Пролога и патериков. Сергиев Посад, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996.

4. *Митрофан (Алексеев В.Н.), монах*. Как живут наши умершие и как будем жить и мы после смерти. СПб., 1897.

5. *Пантелеимон, архимандрит*. Тайны загробного мира. Киев, 2001.

6. *Погодин М.П.* Простая речь о мудреных вещах. М., 1873.

7. *Ровинский К.И., протоиерей*. Беседы старого священника. М., 1995.

8. *Сергиевский Н.Ф.* Тайны загробной жизни, открытые в видениях и творениях свв. отцов и учителей Церкви, о состоянии душ по смерти и о необходимости поминовения их. М., 1903.

9. *Ткаченко А.* С любимыми не расставайтесь! // Журнал «Фома». 2006, № 8/40.

10. *Филипповский Б.Ф., протоиерей*. Записки казанского протоиерея Бориса Филипповского (1885—7.12.1957). [Электронный ресурс]. URL: http://kds.eparhia.ru/publishing/sobesednik/three/articlenine (дата обращения: 16.01.2011).

---

notes

Примечания

1

www.pravmir.ru.

2

www.forum.materinstvo.ru/lofiversion/index.php/t894162.html.

3

www.cirota.ru.

4

Архимандрит Пантелеимон. Тайны загробного мира. Киев, 2001.

5

Феофан Затворник, святитель. Письма. VII. 1163.

6

Николай (Велимирович), святитель. Символы и сигналы, II.10.8–10.

7

Святитель Игнатий. Полное собрание сочинений. Т. 5. М., 2001. С. 347.

8

Исаак Сирин, преподобный. Слова подвижнические, 60.

9

Петр Дамаскин, преподобный. Творения, I. 2.

10

Игнатий (Брянчанинов), святитель. О сновидениях / О прелести.

11

Диадох Фотикийский, блаженный. Подвижническое слово, 38.

12

Ефрем Сирин, преподобный. В подражание притчам.

13

Макарий Оптинский, преподобный. Письма, 397.

14

Иоанн Лествичник, преподобный. Лествица, 3. 27.

15

Иоанн Лествичник, преподобный. Лествица, 3. 28.

16

Диадох Фотикийский, блаженный. Подвижническое слово, 37.

17

Амвросий Оптинский, преподобный. Письма к монашествующим, 422.

18

Варсонофий Великий и Иоанн Пророк, преподобные. Руководство к духовной жизни, 413.

19

Иоанн Лествичник, преподобный. Лествица, 15. 55.

20

Антидор (от греч. «вместо» и «дар» – вместодарие) – раздаваемые верующим в конце литургии части просфоры, из которой на проскомидии вынимается Агнец.

21

Пантелеимон, архимандрит. Тайны загробного мира. Киев, 2001.